

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ
ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

МАЙУЕТ Маруан

**КОРОЛЕВСТВО МАРОККО И СТРАНЫ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА
АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА:
ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА (1999-2024 гг.)**

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук

Костелянец Сергей Валерьянович

Москва – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Национально-государственные интересы и основы военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ	26
1.1. Внешнеполитические и оборонные приоритеты Марокко и стран ССАГПЗ	26
1.2. Предпосылки формирования военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ	48
1.3. Стратегические интересы и правовая база сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ.....	58
Глава 2. Направления и институциональные механизмы военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ	70
2.1. Направления и стратегические цели военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ	70
2.2. Институциональные механизмы взаимодействия и сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ в рамках региональных и международных организаций	75
2.3. Совместные инициативы Марокко и стран ССАГПЗ в области обороны и безопасности	85
Глава 3. Региональные и глобальные угрозы как фактор военно-политического взаимодействия Марокко и стран ССАГПЗ.....	98
3.1. Влияние конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ	98
3.2. Фактор борьбы с экстремизмом и терроризмом в военно-политическом сотрудничестве Марокко и стран ССАГПЗ	124
3.3. Роль влияния внешних акторов и глобальных вызовов на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ	137
Заключение	147
Список источников и литературы	153

Введение

Актуальность темы исследования военно-политического сотрудничества между Марокко и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) обусловлена нарастающей нестабильностью на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА), а также усилением глобальных угроз и вызовов безопасности. Марокко, географически и политически вовлеченное в процессы, охватывающие Магриб и Западную Сахару, заинтересовано в укреплении оборонного потенциала и расширении связей с экономически сильными монархиями Залива. В условиях множества затяжных конфликтов на Ближнем Востоке и в непосредственном его окружении странам ССАГПЗ критически необходимо развивать военно-политическое партнерство с государствами, находящимися как в самом регионе, так и за его пределами, чтобы повысить собственную устойчивость и получить доступ к новым точкам опоры в сфере безопасности.

Согласованная борьба с терроризмом и экстремизмом представляет собой одно из ключевых направлений такого сотрудничества, поскольку рассматриваемый регион принадлежит к наиболее уязвимым зонам для деятельности радикальных группировок. Марокко и государства Залива стремятся выработать и реализовывать совместные меры, направленные на предотвращение экспорта экстремистской идеологии, ликвидацию каналов финансирования и повышение эффективности обмена разведанными. Значимость подобного взаимодействия усиливается из-за сложной геополитической конъюнктуры, предполагающей конкуренцию ключевых мировых центров силы и перераспределение сфер влияния, что вынуждает арабские страны трансформировать собственные приоритеты и внешнеполитические стратегии.

Отдельного внимания заслуживают риски, формирующиеся на периферии Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе в районе Сахеля и Леванта, где действуют террористические организации и

сепаратистские движения, подрывающие государственную целостность и способствующие углублению вооруженных конфликтов. Вмешательство внешних государств, преследующих собственные геополитические цели, усиливает фрагментацию региона и побуждает как Марокко, так и монархии Залива расширять форматы многостороннего диалога, укреплять совместные оборонные инициативы и согласовывать меры по обеспечению стабильности в приграничных зонах. Правовая основа и организационные инструменты, позволяющие координировать усилия в рамках региональных и международных объединений, приобретают особую значимость, поскольку от наличия четких механизмов взаимодействия зависит итоговая результативность совместных действий.

Степень научной разработанности темы. Военно-политическое сотрудничество между Королевством Марокко и странами ССАГПЗ является важной и многоплановой темой исследований, охватывающей исторические и современные аспекты международных отношений, однако в российской историографии и политологии данная тематика пока не получила должного внимания в качестве предмета исследования. При этом существует обширный пласт работ, освещающих внешнеполитические интересы ССАГПЗ и, отдельно, военные аспекты политики Марокко в региональном контексте. Тем не менее, в большинстве российских работ освещаются либо аспекты, связанные с монархиями Персидского залива, либо вопросы, касающиеся Марокко (преимущественно в историческом и внутривосточном разрезе), и лишь фрагментарно затрагиваются вопросы их взаимодействия в военной сфере. Подобная картина указывает на недостаточную научную проработку именно военно-политического вектора сотрудничества между Марокко и ССАГПЗ.

Тем не менее, обширный и многопрофильный материал, касающийся политико-экономической жизнедеятельности стран Ближнего Востока и Северной Африки, обобщен в исследованиях советских и российских

исследователей, среди которых следует отметить работы К.Е. Баранова¹, А.П. Барышева², А.М. Васильева³, Д.А. Дегтерева⁴, Б.В. Долгова⁵, Н.А. Жерлицыной⁶, С.А. Каминского, С. В. Костелянца⁷, А.В. Манойло⁸, В.В. Наумкина⁹, Т.И. Тюкаевой¹⁰ и Е.М. Примакова¹¹.

---

¹ Баранов К. Е. Политика Фронта ПОЛИСАРИО: борьба за независимость Западной Сахары. Санкт-Петербург: Научная книга, 2021. 92 с.

² Барышев А.П. Ближний Восток: проблемы мира на рубеже 80-х гг., М. Знание, 1979, 64с.

³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии /1745-1973/, М.: Наука, 1982, 611с.; Васильев А.М. Персидский залив в эпицентре бури, М.Политиздат, 1983, 228с.; Васильев А.М. Факелы Персидского залива, М.Политиздат, 1976, 174с.

⁴ Дегтерев Д.А., Белякова Е.А. Современные технологии анализа международных конфликтов // Обозреватель. 2013. № 1. С. 80-87.; Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI веке // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 9-23.

⁵ Долгов Б.В. Исламистское движение и арабский кризис в контексте современных тенденций общественного развития/Восток. Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН. М.: 2019. С. 115-126; Долгов Б.В. Исламистский фактор в контексте глобальных тенденций общественного развития/Исламистские движения на политической карте современного мира. Выпуск 3. Афроазиатская зона нестабильности – М.: Институт Африки РАН, 2018.ISBN 978-5-91298-219-4. С.73-80. Долгов Б.В. Арабская весна: новые тенденции//Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – С.86-100; Долгов Б.В. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье. Вестник российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. М.: 2021. Том 21. №4. С. 655-670; Долгов Б.В. Сирийский кризис (2011-2021): развитие конфликта// Исламоведение. 2021. Т.12, №3. С.5-21. Долгов Б.В. Новый этап глобализации и сирийский кризис // Православный палестинский сборник. Выпуск 119 М.: Индик, 2021 С.323-335; Долгов Б.В.Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М.:2021. Т. 14, № 3 С. 147–160; Долгов Б.В. Кризис в Арабском мире и политический ислам. "Азия и Африка сегодня". М.:2020 г., № 6.

⁶ Жерлицына Н. А. Марокко: «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 59 – 65; Жерлицына Н. А. Марокко: «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 59 - 65; А. М. Васильев, Н. А. Жерлицына. Интернет-революции или просто фитнеса. К десятилетию Арабской весны. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 529-542.

⁷ Костелянец, С. В. Африканская политика ОАЭ: эволюция, особенности, результаты // Африка в условиях формирования полицентричного мира: Коллективная монография. – М.: Институт Африки РАН, 2020. – С. 263-281; Kostelyanets S. V. Africa Policy of The United Arab Emirates: Priorities And Challenges // FRESKA, 2022. – Vol. 1. – №. 1. P. 111-122.; Kostelyanets S. V. The New Global Military Competition for Africa // Between Promise and Peril: African Security in the 21st Century. – М.: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2023. – P. 46-71; Kostelyanets S. V. Russia's Peace Initiatives in the MENA Region: Evaluation and Prospects // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13, No. 4. P. 534-555.

⁸ Манойло А.В. Политическая модернизация системы международных отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке (на примере "финиковых революций"). - Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2012. - № 6. ;Манойло А.В. Революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса. - «Мир и политика» - 2011. - № 9.

⁹ Наумкин В.В., Д.Б. Малышева. Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН, 2015. С. 87.

¹⁰ Тюкаева Т.И. Внешнеполитическая идентичность ОАЭ: авторитаризм, космополитизм, «взаимосвязанность» / Т.И.Тюкаева // Международная аналитика. 2024. Т. 15. №1. С. 136-153. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-136-153; Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нем / Т.И.Тюкаева // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №5. С. 49-60 ; Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии / Т.И.Тюкаева // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №10. С. 94-107.

¹¹ Примаков Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006. 423 с; Примаков Е.М. История одного сговора. Ближневосточная политика США в 70-е - начале 80-х годов. М.: Политиздат, 1985

Анализ роли государств ССАГПЗ в мировой политике осуществлялся автором с опорой на научные труды российских исследователей, таких как Андреасян Р.Н.¹², Бодянский В.Л.¹³, Герасимов О.Г.¹⁴, Егоров И.С.¹⁵, Исаев В.А.¹⁶, Косач Г.Г.¹⁷ и Мелкумян Е.С.¹⁸, а также иностранных авторов таких, как Ахмед Жамаль Али¹⁹, Аль-Атики С.²⁰, Ардемани Э²¹, Байман Д.Л.²²,

---

¹² Андреасян Р.Н. Нефть и арабские страны в 1973-1983 гг. М., 1990. С. 46.

Андреасян Р.Н.. Арабские страны: История, экономика, политика. М.:Наука, 1986, 278 с.

¹³ Бодянский В.Л., Герасимов О.Г., Медведко Л.И. Княжества Персидского залива, М.:Мысль, 1970, 127с.

¹⁴ Герасимов О.Г. Оман, М.:Мысль, 1975, 48с.; Герасимов О.Г. Саудовская Аравия, М.:Мысль, 1977, 72с.; Герасимов О.Г. Саудовская Аравия: из средневековья в XX век, М.: Знание, 1978, 63с.

¹⁵ Егоров И.С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2019. №2 4. С. 257-263.; Егоров И.С. Прогресс в нормализации отношений между Катаром и арабской четверкой во главе с Саудовской Аравией: причины и перспективы // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 2 (66). С. 522-531.

¹⁶ Исаев В.А., Озолинг В.В. Катар. Объединённые Арабские Эмираты, М.:Мысль, 1984, 116с.; Исаев В.А., Филоник А.О. Катар. Три столпа роста. М.: ИВ РАН, 2015. С.67.

¹⁷ Косач Г.Г., Мелкумян Е. С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. — М.: ИИИиБВ, 2003.; Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 39-69.

¹⁸ Мелкумян Е. С. Регион Персидского залива в мировой политике: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 3. — С. 87; Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX - начале XXI в. М.: Фонд русско-арабских исследований и информации; ИВ РАН, 2016. С. 17.; Мелкумян Е.С. Кувейт в 2000-е годы: внутривосточное развитие и внешняя политика / Е.С. Мелкумян. М.: Институт Ближнего Востока, 2014.; Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество / Е.С. Мелкумян. М.: ИВ РАН, 2008.; Мелкумян Е.С. Региональные организации и глобализация системы международных отношений. - Региональные организации. Современные тенденции развития. - М., 2003.; Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: концептуальные основы обеспечения безопасности // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Отв. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшин. - Иваново, 2013.; Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. С. 108-137.; Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. С. 108.; Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах". -М: ИИИиБВ, 1999 г.

¹⁹ Ahmed, Sarah Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "THE CHALLENGES OF OUR YEMENI REVOLUTION." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, pp. 190-197.

²⁰ Al-Atiki, S. Turkey-GCC relations. Trends and outlook / S. Al-Atiki, E. Qalişkan, C. Long. Istanbul: UIP-ICP, 201

²¹ Ardemagni, E. Emiratis, Saudis, Omanis: rising competition for the Yemen's Al Mahra / E. Ardemagni [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2017/12/28/emiratis-omanis-saudis-the-rising-competition-for-yemens-al-mahra/>

²² Byman D. L., Wise J. R. *The Persian Gulf in the Coming Decade. Trends, Threats and Opportunities*. NY, 2002.

Буталейб А.²³, Вермерен П.²⁴, Гафьеро Г.²⁵, Кокберн П.²⁶, Хокайем Э.²⁷, Эсмилли Х.²⁸, Зуэйн Хасан Абдулла,²⁹ Халиль Мухаммад Абд аль-Рахман³⁰, Аль-Хамед, Мухаммад бин Абдулла³¹, Аль-Маамури, Ахмад Али³², Аль-Джабри, Фахд Абд аль-Азиз³³, Аззи Мухаммад³⁴, Наср Рания³⁵, Аз-Захрани Насир³⁶.

Так, в работе Зуэйна Хасан Абдулла «Арабская и региональная безопасность ССАГПЗ в условиях международных изменений» рассматриваются эволюция концепций региональной безопасности и влияние глобальных трансформаций на внутренние и внешние механизмы обеспечения безопасности государств Персидского залива. Данная работа послужила прочной теоретической базой, позволив выявить взаимосвязь между

²³ Boutaleb Abdelhadi. Un demi-siècle dans la politique. - Rabat : Manchourat El Zamen, 2002.

²⁴ Vermeren Pierre. Le Maroc de Mohammed VI. La transition inachevée. - P., 2009.

²⁵ Gafiero, G. Oman, stuck between Saudi Arabia and Iran / G. Gafiero [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/01/oman-saudi-arabia-iran-tension-execution-nimr-mediator#ixzz410bgMTc6>

²⁶ Cockburn, P. Libya in crisis: Rival militias position themselves for civil war as country disintegrates / P. Cockburn [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/world/africa/libya-in-crisis-rival-militias-position-themselves-for-civil-war-as-country-teeters-on-brink-9399311.html>

²⁷ Hokayem E. The Gulf states and Syria [Electronic resource] // United States Institute of Peace: PeaceBrief. - 2017. - Mode of access: <https://www.files.ethz.ch/isn/134440/PB%20116.pdf>

²⁸ Esmili H. Statut, usage et role du frangais au Maroc // Une francophonie differentielle. - Paris, 1994.

²⁹ الله عبد حسن، زوين.

ص 320 - 2018، العربية والجزيرة الخليج دراسات مركز: بيروت - الدولية المتغيرات ظل في والخليجي العربي الإقليمي الأمن [Зуэйн Хасан Абдулла. Арабская и региональная безопасность ССАГПЗ в условиях международных изменений. Бейрут, 2018. - 320 с.]

³⁰ خليل، محمد عبد الرحمن.

السياسات الدفاعية لدول مجلس التعاون الخليجي - الرياض: معهد الدراسات الدبلوماسية، وزارة الخارجية السعودية، 2015. - 254 ص [Халиль, Мухаммад Абд аль-Рахман. Оборонная политика стран ССАГПЗ. Эр-Рияд, 2015. - 254 с.]

³¹ الحامد، محمد بن عبد الله.

التحديات الأمنية المعاصرة في منطقة الخليج العربي - الرياض: مركز الخليج للأبحاث، 2014. - 289 ص [Аль-Хамед, Мухаммад бин Абдулла. Современные вызовы безопасности в Персидском заливе. Эр-Рияд, 2014. - 289 с.]

³² المعموري، أحمد علي.

التعاون الأمني بين دول المغرب العربي ودول الخليج العربي: دراسة تحليلية - بغداد: جامعة بغداد، كلية العلوم السياسية، 2020. - 198 ص [Аль-Маамури, Ахмад Али. Аналитическое исследование сотрудничества между странами Магриба и Залива. Багдад, 2020. - 198 с.]

³³ الجابري، فهد عبد العزيز.

التعاون العسكري بين دول الخليج: التحديات والفرص - الدمام: مركز الدراسات الأمنية، 2020. - 210 ص [Аль-Джабри, Фахд Абд аль-Азиз. Военное сотрудничество стран Залива: вызовы и возможности. Даммам, 2020. - 210 с.]

³⁴ عزي، محمد.

العلاقات الأمنية بين دول مجلس التعاون لدول الخليج العربية - الرياض: مركز الخليج للأبحاث، 2015. - 215 ص [Аззи, Мухаммад. Отношения в сфере безопасности между странами ССАГПЗ. Эр-Рияд, 2015. - 215 с.]

³⁵ نصر، رانيا.

السياسات الأمنية لدول مجلس التعاون في ظل التهديدات الإقليمية - الدوحة: المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات، 2020. - 265 ص [Наср, Рания. Политика стран ССАГПЗ в условиях региональных угроз. Доха, 2020. - 265 с.]

³⁶ الزهراني، ناصر.

التحديات الأمنية في منطقة الشرق الأوسط: دراسة في البيئة والتهديدات - جدة: دار المنارة، 2018. - 230 ص [Аз-Захрани, Насир. Проблемы безопасности на Ближнем Востоке: среда и угрозы. Джидда, 2018. - 230 с.]

глобальными тенденциями и региональными особенностями в сфере безопасности.

Для анализа межрегионального сотрудничества между странами Магриба и государствами Персидского залива использована работа Аль-Маамури Ахмад Али «Аналитическое исследование сотрудничества между странами Магриба и Залива». В данной работе проводится сравнительный анализ механизмов взаимодействия, выявляются общие тенденции и перспективы развития совместных оборонных инициатив, что позволило автору диссертации продемонстрировать, как межрегиональное сотрудничество способствует укреплению стратегических позиций участников и влияет на общую картину мировой политики.

Для оценки механизмов взаимодействия в сфере безопасности между странами ССАГПЗ использована работа Аззи Мухаммад «Отношения в сфере безопасности между странами ССАГПЗ». В ней анализируются формы обмена информацией, координация антитеррористических мер и другие аспекты сотрудничества.

Для более комплексного понимания специфики безопасности на Ближнем Востоке автор диссертации использовал работу Аз-Захрани (Насир) «Проблемы безопасности на Ближнем Востоке: среда и угрозы», где проводится детальный анализ угроз, возникающих в результате взаимодействия множества внешних и внутренних факторов.

В исследованиях, посвященных современным политическим и социально-экономическим процессам в Королевстве Марокко, накоплен значительный массив трудов российских исследователей, среди которых можно выделить работы Авакова Р.М.³⁷, Махмутовой М.И.³⁸, Мальцева

---

³⁷ Аваков Р. М. Марокко от протектората к независимости. М., 1961. 97 с.

³⁸ Махмутова М.И. Специфика внутривосточного развития Мавритании в период правления Мохаммеда ульд Абдель Азиза (2009-2019 гг.). Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. № 4. С. 607-621; Махмутова М.И. Положение Западной Сахары под управлением Марокко. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 170-186; Махмутова М.И. Специфика Фронта ПОЛИСАРИО как негосударственного актора. Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 149-158; Махмутова М.И. Вызовы марокканской экономике в период пандемии. Азия и Африка сегодня. 2021. № 8. С. 62-66; Махмутова М.И. "Сахельская пятерка": институты, финансирование, международное сотрудничество. Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 187-

Ю.С.³⁹, Фаязовой С.С.⁴⁰, Пономаренко Л.В.⁴¹, Чикризовой О.С.⁴², Куделева В.В.⁴³, Сергеева М.С.⁴⁴, Белова В.И.⁴⁵, Савичевой Е.М.⁴⁶ и других авторов. В своих работах они затрагивают различные аспекты марокканской истории, трансформацию государственного устройства, специфику внешнеполитического курса, а также культурно-религиозные факторы, влияющие на общественно-политическую динамику.

Помимо российских исследований, заметный вклад в изучение Марокко внесли и зарубежные специалисты, среди которых фигурируют как историки и политологи, так и экономисты и социологи. Можно упомянуть монографии Бомье М.⁴⁷, Туаро П.⁴⁸, Вермерена П.⁴⁹, Лабура М.⁵⁰, Борни Ш.⁵¹, Бен Хадда,

---

205; Махмутова М.И. Политическая активность мавританских Братьев-мусульман. Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2021. № 3. С. 125-136; Махмутова М.И. Марокканская стратегия «Юг – Юг»: развитие экономического партнёрства и решение проблемы Западной Сахары. Проблемы национальной стратегии. 2022. № 5 (74). С. 168–185; Махмутова М.И. Взлет и падение политического ислама в Марокко. Перспективы процессов дестабилизации на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Сахеле и на Африканском Роге: материалы конференции. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2021. С. 96-98.

³⁹ Мальцев Ю. С. Страны Магриба в региональной и мировой политике. М., 1994. 2018 с.

⁴⁰ Фаязова С.С. Марокко и США: к вопросу двусторонних отношений во второй половине XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С.500-503; Фаязова С.С. Независимое Марокко в современной российской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2008. № 3-2.

⁴¹ Пономаренко Л.В. Король Марокко Мухаммед VI: традиции и инновации. // Африка: новый портал глобализации. Ежегодник, 2012; Пономаренко Л.В., Гранова М.Ю. Король Марокко Хасан II: приоритеты внутренней и внешней политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2002. № 1; Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Королевство Марокко — жемчужина арабского Запада. М., 2013; Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. Внешнеполитические приоритеты Королевства Марокко // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2014. № 1.

⁴² Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 74-82; Чикризова О.С., Сошникова Е.О. Роль Франции в формировании государственных границ на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 61 -74.

⁴³ Куделев В.В. Армия и власть в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). - Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 13. М., 2002; Куделев В.В. Теракты в Касабланке - новое доказательство радикализации исламистского движения в Марокко? // Терроризм. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 46.

⁴⁴ Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2000.

⁴⁵ Белов В.И., Савичева Е.М. Ближний Восток - от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности / В.И. Белов, Е.М. Савичева. М.: РУДН, 2021; Белов В.И., Савичева Е.М. Мегатренды регионального развития и «кризисные» страны Большого Ближнего Востока // Вопросы истории. 2021. № 11-1. С. 220-229.

⁴⁶ Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2014. № 3.

⁴⁷ Bommier, M. Le système politique marocain: histoire et perspectives. – Paris : Karthala, 2015. – 260 p.

⁴⁸ Touaro, P. La diplomatie marocaine : enjeux et défis. – Bruxelles : Bruylant, 2017. – 234 p.

⁴⁹ Vermeren, P. Le Maroc de Mohammed VI : la transition inachevée. Paris : La Découverte, 2009. 256 p.

⁵⁰ Labbura, M. La monarchie chérifienne : continuité et réformes. – Rabat : Centre d'Études, 2016. – 152 p.

⁵¹ Borni, Ch. L'évolution de la société marocaine contemporaine. – Casablanca : Éditions Le Fennec, 2018. –

Абд аль-Кадир⁵², Саиф Амина⁵³, Аль-Алауи Абд аль-Карим⁵⁴, Яхими Мухаммад⁵⁵, Рашид Эль-Худай⁵⁶ в которых анализируются вопросы марокканского политического наследия, развития институтов монархии, эволюции регионального влияния страны и ее взаимодействия с внешними партнерами. Благодаря их трудам формируется более комплексная картина внутрирегиональных связей и факторов, определяющих роль Марокко в рамках арабского и африканского пространства.

Отдельно стоит упомянуть доклады и материалы российских и зарубежных аналитических центров, занимающихся исследованием международных отношений и безопасности на БВСА. Значительный вклад в изучение военно-политического сотрудничества Марокко с монархиями Персидского залива вносят такие учреждения в России, как Российский институт стратегических исследований⁵⁷, Институт востоковедения РАН⁵⁸, Институт стран Азии и Африки при МГУ⁵⁹, Институт Африки РАН⁶⁰, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы⁶¹, МГИМО⁶²,

---

198 p.

⁵² ص 197 – 2015، الأمة دار: الجزائر – والأفاق الجذور: العربي المغرب في الإرهاب. القادر عبد، خدة بن

[Бен Хадда, Абд аль-Кадир. Терроризм в Магрибе: корни и перспективы. Алжир, 2015. – 197 с.]

⁵³ ص 215 – 2018، الاستراتيجية للدراسات المغربي المعهد: الرباط – والصحراء الساحل منطقة في والأمن المغرب. أمينة، سيف

[Саиф, Амина. Марокко и безопасность в регионе Сахель и Сахара. Рабат, 2018. – 215 с.]

⁵⁴ العلوي، عبد الكريم. التعاون العسكري العربي: الواقع والتحديات – الرباط: دار النشر المغربية، 2020. – 236 ص

[Аль-Алауи, Абд аль-Карим. Арабское военное сотрудничество: реальность и вызовы. Рабат, 2020. – 236 с.]

⁵⁵ ياحيمي، محمد. آفاق تسوية نزاع الصحراء الغربية بعد القذافي – // مركز الجزيرة للدراسات، 2015. – 36 ص

[Яхими, Мухаммад. Перспективы урегулирования конфликта в Западной Сахаре после Каддафи. Аль-Джазира, 2015. – 36 с.]

⁵⁶ El Houdaigui, R. Le partenariat stratégique Maroc-CCG: origines et perspectives. Rabat: OCP Policy Center, 2015. – 34 p.

⁵⁷ Иванов А.В. Военно-политические приоритеты Королевства Марокко М.: Российский институт стратегических исследований, 2019. 134 с.

⁵⁸ Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. Москва: ИВ РАН, 2012. С. 72–91.; Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность. // Иран во втором десятилетии XX века: вызовы и перспективы. / Под редакцией Мамедовой Н.М., Каменевой М.С., Федоровой И.Е. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 52-57.

⁵⁹ Сидоров, В.Д. Современные вызовы и возможности в политике стран Ближнего Востока и Северной Африки. М.: ИСАА МГУ, 2020. 175 с.

⁶⁰ Подгорнова Н.П. Проблема Западной Сахары: миф и реальности, М: РАН, 2016. - 116 с.

⁶¹ Исаев Л. М., Коротаев А. В., Бобарыкина Д. А. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 411-421; Захаров И.А., Агафшин М.М., Горохов С.А., Миграционный кризис в Западной Африке: ограничения и перспективы политического регулирования. 2024. Том 24, № 4: Сохранение идентичности в глобальном мире. С.616-627.

⁶² Лошкарев И.Д., Копытцев И.С. Мигрантские перечисления и диаспоральная политика в странах Африки. Вестник МГИМО-Университета. 2023;16(5):126-154

ИМЭМО РАН⁶³.

Среди зарубежных аналитических центров стоит выделить International Crisis Group (Международная кризисная группа) (США)⁶⁴, который активно анализирует региональные конфликты. Также важны материалы Исследовательского центра Залива (Саудовская Аравия)⁶⁵ и Института Ближнего Востока (США)⁶⁶, которые рассматривают политические и военные альянсы в регионе.

Доклады и исследования Quilliam Foundation (Фонд Квиллиама) (Великобритания)⁶⁷ акцентируют внимание на борьбе с экстремизмом и радикализмом, что напрямую связано с вопросами безопасности, рассматриваемыми в контексте военно-политического сотрудничества Марокко и монархий Персидского залива. Кроме того, исследования Центра исследований Аафак (Саудовская Аравия)⁶⁸ способствуют пониманию внутренней динамики взаимодействия стран региона на фоне глобальных вызовов. Важнейшими марокканскими аналитическими центрами, занимающимися данной тематикой, являются Политический и социальный

---

⁶³ Володина М. Международно-политические процессы в Северной Африке. *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 1, сс. 77-84

⁶⁴ Omar, H. *The Gulf States and Morocco: Partners in Security and Stability?* Washington: International Crisis Group, 2021. - 45 с.; Wright, A. *The Impact of the Arab Uprisings on Gulf-Moroccan Relations*. Washington: International Crisis Group, 2019. - 50 с.

⁶⁵ Gulf Research Center. *The Gulf Cooperation Council: Challenges and Opportunities* / Gulf Research Center. Dubai: Gulf Research Center, 2010. 215 p.; Gulf Research Center. *Regional Security and Cooperation in the Gulf: New Challenges and Opportunities* / Gulf Research Center. Dubai: Gulf Research Center, 2012. 180 p.; Gulf Research Center. *The GCC and the Arab Spring: Implications for Regional Security* / Gulf Research Center. Dubai: Gulf Research Center, 2015. 220 p.

⁶⁶ Institute for Middle East Studies (IMES). *Political and Military Alliances in the Middle East*. Washington, D.C.: IMES, 2022. 210 p.; Institute for Middle East Studies (IMES). *Regional Security Dynamics and Alliances*. Washington, D.C.: IMES, 2023. 250 p.; Institute for Middle East Studies (IMES). *The Role of External Powers in Middle Eastern Conflicts*. Washington, D.C.: IMES, 2021. 230 p.; Institute for Middle East Studies (IMES). *The Impact of Strategic Partnerships on Regional Stability*. Washington, D.C.: IMES, 2020. 220 p.; Institute for Middle East Studies (IMES). *Middle Eastern Military Alliances and Their Global Implications*. Washington, D.C.: IMES, 2019. 240 p.

⁶⁷ Quilliam Foundation. *The GCC and Counterterrorism: An Analysis of Regional Cooperation* / Quilliam Foundation. - London: Quilliam Foundation, 2014. - 55 p.; Quilliam Foundation. *Extremism in North Africa: The Case of Morocco* / Quilliam Foundation. London: Quilliam Foundation, 2015. - 64 p.; Quilliam Foundation. *The Role of Gulf States in Counter-Radicalization Efforts* / Quilliam Foundation. - London: Quilliam Foundation, 2016. 70 p.

⁶⁸ Aafaq Research Center. *Strategic Alliances in the Gulf: Morocco and the GCC* / Aafaq Research Center. Riyadh: Aafaq Research Center, 2017. 82 p.; Aafaq Research Center. *Security Dynamics in the Gulf Region: Morocco's Role* / Aafaq Research Center. Riyadh: Aafaq Research Center, 2019. 90 p.; Aafaq Research Center. *Economic and Military Cooperation between Morocco and Gulf States* / Aafaq Research Center. Riyadh: Aafaq Research Center, 2020. - 76 p.

институт Хассана II (Institut Hassan II de Politique et de Société)⁶⁹, Марокканский центр стратегических исследований (Centre Marocain des Études Stratégiques, CMES)⁷⁰ и Институт африканских исследований (Institut des Études Africaines, IEA)⁷¹.

Таким образом, хотя проблематика внешней политики государств ССАГПЗ и отдельных аспектов развития Марокко получила достаточно широкое освещение, их двусторонние военно-политические отношения остаются слабо разработанным направлением. Публикации затрагивают эту тему эпизодически, не давая целостного представления о правовой базе, институтах и динамике кооперации, что обуславливает необходимость настоящего исследования.

Объектом данного исследования являются отношения между Королевством Марокко и странами ССАГПЗ в период с 1999 по 2024 годы.

Предметом исследования является военно-политическое сотрудничество между Королевством Марокко и странами ССАГПЗ в период с 1999 по 2024 годы.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей и направлений военно-политического сотрудничества между Королевством Марокко и монархиями Персидского залива в период с 1999 по 2024 годы.

Предмет и цель исследования предопределили решение следующих **задач**:

- проанализировать внешнеполитические и оборонные приоритеты Королевства Марокко и стран ССАГПЗ в контексте трансформации региональной и международной безопасности;

---

⁶⁹ Ben Ali, Ahmed. La politique étrangère du Maroc : tradition et modernité. 2015, Rabat.; El-Youssfi, Fatima. Les relations du Maroc avec les pays du Golfe : enjeux et perspectives. 2017, Rabat.; Saadi, Mohammed. Influences et dynamiques de la politique marocaine dans la région. 2019, Rabat.

⁷⁰ Mounir, Khalid. Stratégies et alliances : le Maroc face aux défis du Golfe. 2016, Casablanca; Ait, Samira. Défis géopolitiques du Maroc : entre Afrique et Golfe. 2018, Casablanca.; Idrissi, Youssef. Nouvelles orientations de la politique marocaine vis-à-vis des pays du Golfe. 2020, Casablanca.

⁷¹ El-Fassi, Rachid. Le Maroc et l'Afrique : enjeux de coopération et d'influence. 2014, Rabat.; Cherkaoui, Leila. Interactions du Maroc avec le monde arabe et les pays du Golfe : une approche comparative. 2018, Rabat. Saadi, Mehdi. Politiques de voisinage et dynamiques régionales : le rôle du Maroc. 2021, Rabat.

- выявить ключевые предпосылки формирования и развития военно-политического сотрудничества между Королевством Марокко и государствами ССАГПЗ;
- исследовать правовую основу и стратегические направления двустороннего и многостороннего взаимодействия в области обороны и безопасности;
- рассмотреть сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ в рамках региональных и международных организаций;
- оценить влияние региональных конфликтов, кризисов и транснациональных угроз на динамику взаимодействия между Марокко и странами ССАГПЗ;
- охарактеризовать воздействие внешних акторов и глобальных геополитических изменений на формирование совместных оборонных инициатив и политико-стратегических альянсов.

Источниковая база исследования. Источниковая база исследования охватывает широкий спектр источников на русском, английском, арабском и французском языках. Все источники можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа включает нормативно-законодательные документы, такие как конституции⁷² стран, рассматриваемых в исследовании, включая

---

⁷² 1992. للحكم الأساسي النظام. السعودية العربية المملكة.
 [Конституция Королевства Саудовская Аравия, 1992 г.].
 URL: <https://laws.boe.gov.sa> ; 2011 يوليو 29 بتاريخ المغربية المملكة دستور. المغربية المملكة.
 [Конституция Королевства Марокко от 29 июля 2011 г.].
 URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ar/details.jsp?id=13535> ; المغربية المملكة دستور. المغربية المملكة; 1962 لعام المغربية المملكة دستور (1996 سنة المعدلة بصيغته).
 [Конституция Королевства Марокко 1962 г. в ред. 1996 г.].
 URL: <https://www.chambrerepresentants.ma/ar/%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-1962> ; المتحدة العربية الإمارات دولة دستور. المتحدة العربية الإمارات دولة 1971.
 [Конституция ОАЭ, 1971 г.].
 URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_Arab_Emirates_2009.pdf?lang=ar
 1962. الكويت دولة دستور. الكويت دولة
 [Конституция Государства Кувейт, 1962 г.].
 URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kuw128727.pdf>
 2004. الدائم الدستور. قطر دولة
 [Конституция Государства Катар, 2004 г.].
 URL: https://www.diwan.gov.qa/about-qatar/constitution?sc_lang=ar-QA
 1996. للدولة الأساسي النظام. عمان سلطنة
 [Конституция Султаната Оман, 1996 г.].

Саудовскую Аравию, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Оман, Кувейт и Марокко. В эту категорию также входят законодательные акты, регулирующие вопросы внешней политики и безопасности, а также стратегические и доктринальные документы, определяющие военно-политическое сотрудничество и оборонную политику как отдельных государств, так и региональных объединений, в частности ССАГПЗ⁷³.

Ко второй группе относятся делопроизводственные источники, регулирующие вопросы внутренней политики, такие как программные документы партий, национальные стратегии, меморандумы о диалоге и планы

-
- URL: <https://qanoon.om/p/1996/rd1996101/>; 2002. البحرين مملكة دستور. البحرين مملكة.
[Конституция Королевства Бахрейн, 2002 г.].
- URL:
<https://www.lloc.gov.bh/page/%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1%20%D9%85%D9%85%D9%84%D9%83%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%AD%D8%B1%D9%8A%D9%86>
73
- العربية الدول جامعة ميثاق. العربية الدول جامعة.
[Устав Лиги арабских государств].
- URL: <https://www.alecso.org/nnsite/images/2016files/2017-02-22-12-54.pdf> مجلس التعاون لدول الخليج العربية.
1997 اتفاقية تنفيذ الأحكام القضائية في دول المجلس.
[Соглашение об исполнении судебных решений в ССАГПЗ, 1997 г.].
- URL: <https://www.gcc-sg.org/ar/JointGulf/RulesAndAgreements/Agreements/Documents/771260251745.pdf>
2002. المجلس دول بين الاقتصادية الاتفاقية. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Экономическое соглашение между странами ССАГПЗ, 2002 г.].
- URL: <https://www.gcc-sg.org/ar/JointGulf/RulesAndAgreements/Agreements/Documents/1111318748548.pdf>
1987. الشاملة الخليجية الأمنية الاستراتيجية. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Всеобъемлющая стратегия безопасности ССАГПЗ].
- URL: <https://www.gcc-sg.org>
1981 مايو 25 في اعتماده تم. الميثاق. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Хартия ССАГПЗ, принята 25 мая 1981 г.].
- URL: <https://www.gcc-sg.org/ar/AboutUs/Pages/PrimaryLaw.aspx>
النزاعات لتسوية الأساسي النظام. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Основной устав по урегулированию конфликтных ситуаций ССАГПЗ].
- URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/746f3ff2-0c3a-4b60-aac2-a9a700f1c4e8/1?csrt=12901682592900451481#!> الأعلى للمجلس الأساسي النظام. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Устав Высшего совета ССАГПЗ].
- URL: <https://gcc-sg.org/ar/AboutUs/Pages/PrimaryLaw.aspx>
الوزراء لمجلس الأساسي النظام. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Устав министерского совета ССАГПЗ].
- URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/d93b5ced-1adb-494d-85fd-a9a700f1e817/1#!>
الأساسي النظام. العربية الخليج لدول التعاون مجلس
[Устав ССАГПЗ].
- URL: <https://www.gcc-sg.org/ar> بتاريخ UOS وزارة الشؤون الخارجية المغربية. وثيقة استراتيجية للمغرب – إصدار مكتب
29 الرباط، 2015، ماي.
- [Стратегический документ для Марокко. 29 мая 2015, Рабат].
- الرباط: وزارة – المملكة المغربية. وزارة الشؤون الخارجية والتعاون. المبادرة المغربية للتفاوض حول الحكم الذاتي في الصحراء
الشؤون الخارجية، 2011.
- [Марокканская инициатива по переговорам о статусе автономии региона Сахара. – Рабат, 2011]

развития стран ССАГПЗ⁷⁴. В эту группу также включены документы международных организаций, такие как документы Организации Исламского сотрудничества (ОИС), Лиги арабских государств (ЛАГ), а также документы ССАГПЗ, касающиеся военно-политического взаимодействия и региональной безопасности⁷⁵.

В третью группу объединены публицистические источники, включая интервью, заявления, выступления и обращения глав государств, официальных и духовных лиц, касающиеся их позиций и политики в области военно-политического сотрудничества с Марокко и другими членами ССАГПЗ⁷⁶. В ходе написания данной работы широко использовались

---

⁷⁴ إعلان الرياض الصادر عن القمة الخليجية المغربية (20 أبريل 2016). المملكة العربية السعودية. رؤية السعودية 2030. [План развития Саудовской Аравии 2030]. URL: <https://www.vision2030.gov.sa>
حكومة الإمارات. خطة الإمارات 2031. [План развития ОАЭ 2031]. URL: <https://wetheuae.ac/en>
حكومة دبي. خطة دبي 2021. [План развития ОАЭ до 2021 года]. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-untill-2021/dubai-plan-2021>

⁷⁵ (2017، الفطري القومي للأمن الأعلى المجلس) قطر دولة في الوطني السياسي الحوار مذكرة [Меморандум национального политического диалога в Катаре (Высший совет национальной безопасности Катара, 2017)]
الخطة الشاملة للتنمية الاقتصادية والاجتماعية في دولة الكويت (وزارة التخطيط الكويتية، 2019) [Всеобъемлющий план экономического и социального развития в Кувейте (Министерство планирования Кувейта, 2019)]
الوثيقة المشتركة لمنظمة التعاون الإسلامي حول مكافحة التطرف (المقر الرئيسي لمنظمة التعاون الإسلامي، دبي، 2015) [Совместный документ Организации исламского сотрудничества по борьбе с экстремизмом (Дубай, 2015)]
قرار جامعة الدول العربية رقم 33/2016 بشأن تعزيز التكامل العربي (جامعة الدول العربية، 2016) [Резолюция Лиги арабских государств №33/2016 по укреплению арабской интеграции (Лига арабских государств, 2016)]
الاستراتيجية العسكرية لدول مجلس التعاون الخليجي لتعزيز التعاون الدفاعي (مجلس التعاون الخليجي، 2017) [Военная стратегия государств Совета сотрудничества стран Аравийского залива по усилению оборонного сотрудничества (ССАГПЗ, 2017)]
الخطة الإقليمية لتعزيز الأمن في دول مجلس التعاون الخليجي (مجلس التعاون الخليجي، 2018) [Региональный план по укреплению безопасности государств Совета сотрудничества стран Аравийского залива (ССАГПЗ, 2018)]
البرنامج الوزاري للتحديث الإداري في دولة قطر (مجلس الوزراء الفطري، 2018) [Министерская программа административного обновления в Катаре (Катарский кабинет министров, 2018)]
القرار الحكومي بشأن تعزيز التكامل الإقليمي في دولة الكويت (مجلس الوزراء الكويتي، 2019) [Государственное решение о повышении региональной интеграции в Кувейте (Кувейтский кабинет министров, 2019)]
البروتوكول الأمني للتعاون بين الدول العربية في مواجهة الإرهاب (جامعة الدول العربية، 2016) [Протокол безопасности для сотрудничества между арабскими странами по противодействию терроризму (Лига арабских государств, 2016)]

⁷⁶ Saudi Press Agency. Выступление наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Салмана о партнерстве с Марокко [Электронный ресурс]. Режим доступа:

материалы периодической печати. В частности, это журналы «Россия в глобальной политике», «Экспорт вооружений», «Эксперт», «Аль-Мустакбаль Аль-Арабий» (Бейрут), Foreign Affairs (США), Aerospace Power Journal (Нью-Йорк), Foreign Policy (Вашингтон), Military Balance (Лондон), а также многочисленные газеты, в частности, арабские - "Аль-Иттихад" (ОАЭ), "Аль-Ватан" (Оман), египетская «Аль-Ахрам», Gulf News (ОАЭ) и другие.

Также в диссертационном исследовании использовались статистические источники, предоставляющие международные данные для анализа экономической и социальной динамики в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.⁷⁷

<https://www.spa.gov.sa/viewfullstory.php?lang=en&newsid=2326781> (дата обращения: 13.09.2024).; Qatar Tribune. Заявление эмира Катара Шейха Тамима бин Хамада Аль Тани о сотрудничестве в оборонной сфере с Марокко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.qatar-tribune.com/news-details/id/231472/qatar-morocco-to-enhance-defense-ties> (дата обращения: 13.09.2024); Bahrain News Agency. Выступление короля Бахрейна Хамада бен Исы Аль Халифы о военном сотрудничестве с Марокко [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.bna.bh/en/KingstressesstrongmilitarycooperationwithMorocco.aspx?cms=q8FmFJgiscL2fwIzON1%2BDnrVGNbw3U6jzXwbIoIcz50%3D>

⁷⁷ صندوق النقد العربي. التقرير الاقتصادي العربي الموحد 2020

[Объединенный арабский экономический отчет 2020 г.]. Абу-Даби: صندوق النقد العربي (Arab Monetary Fund), 2021. – 391 с. (статистический ежегодник; араб. язык)

المنذوبية السامية للتخطيط. إحصائيات المغرب 2019

[Статистические данные Марокко за 2019 г.]. Рабат: Haut-Commissariat au Plan, 2020. – 245 ص.

(официальный сборник; араб. язык)

التقرير السنوي لبنك المغرب 2018

[Ежегодный отчет Банка Марокко за 2018 г.]. Рабат: بنك المغرب (Bank Al-Maghrib), 2019. – 286 ص. (финансово-статистический отчет; араб. язык); World Bank. Morocco Economic Monitor – Spring 2021.

Washington, DC: World Bank, 2021. – 36 p.

URL: <https://www.worldbank.org/en/country/morocco>; IMF. Morocco: 2022 Article IV Consultation Report.

IMF Country Report No.22/7. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022. – 80 p. (отчет МВФ; англ. язык)

URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/01/23/Morocco-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-528514>; GCC Statistical Center. Foreign Trade between GCC Countries and Morocco – 2019.

Muscat: GCC-Stat, 2020. – 50 p. (аналитический отчет; англ. язык)

URL: <https://gccstat.org/en/?view=article&id=417:foreign-trade-statistics-2&catid=39>; United Nations. Human Development Report 2020 – The Next Frontier.

New York: UNDP, 2020. – 412 p. (международные статистические показатели; англ. язык)

URL: <https://www.refworld.org/docid/5fdb88294.html>; Haut-Commissariat au Plan (HCP). Note d'information – Indicateurs économiques du Maroc 2021.

Rabat: HCP, 2022. – 15 p. (экономические индикаторы; фр. язык)

URL: <https://www.hcp.ma/>; Ministère de l'Économie et des Finances. Rapport Économique et Financier 2020.

Rabat: MEF Maroc, 2020. – 276 p. (доклад о финансах; фр. язык)

URL: https://www.finances.gov.ma/Publication/db/2022/03-%20Rapport%20C3%A9conomique%20et%20financier_Fr.pdf ; Banque Al-Maghrib. Rapport Annuel 2020 – Exercice 2019.

Rabat: BAM, 2020. – 327 p. (годовой отчет Центробанка; фр. язык)

URL: <https://marocpme.gov.ma/wp-content/uploads/2023/08/Rapport-annuel-de-Bank-Al-Maghrib-Exercice-2020.pdf>

Таким образом, приведенная источниковая база отличается полнотой и разнообразием, что обеспечивает возможность всестороннего и детального изучения выбранной темы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1999 по 2024 год. Нижняя граница обусловлена началом активного военно-политического сотрудничества между Королевством Марокко и монархиями Персидского залива, а также вступлением на трон короля Мухаммеда VI, что ознаменовало новую фазу внешнеполитической активности Марокко и укрепление связей с государствами Залива. Верхняя граница – 2024 год – позволяет охватить наиболее актуальные тенденции военно-политического взаимодействия между Марокко и странами ССАГПЗ

Автор оставляет за собой право выходить за хронологические рамки исследования для более глубокого анализа трансформации военно-политического сотрудничества, включая ранние этапы взаимодействия и его развитие в контексте изменения региональных и глобальных вызовов.

Методология исследования. Методологическая основа настоящего исследования выстроена с опорой на междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать военно-политическое сотрудничество между Королевством Марокко и странами ССАГПЗ в едином контексте международно-политических, исторических, правовых и региональных процессов. В работе задействованы положения теории международных отношений, в частности концепции структурного реализма, акцентирующей внимание на соотношении сил, интересах государств и влиянии международной среды на их поведение. С позиций структурного реализма Марокко и монархии ССАГПЗ выступают как державы, вынужденные функционировать в системе, где региональную силовую асимметрию определяют военный рост Ирана и Турции, а внешние центры (США, Китай, Россия) конкурируют за контроль над энергетическими и транзитными узлами. Осознавая собственный дефицит мощи, акторы реализуют двойную стратегию балансирования: внутреннюю - за счет наращивания национальных

ресурсов - и внешнюю, формируя плотную горизонтальную сеть союзов и механизмов. Концентрация ресурсов в общих военно-политических форматах позволяет партнерам распределять риски, нейтрализовать угрозы проливам Баб-эль-Мандеб и Гибралтар, минимизировать зависимость от сверхдержав и удерживать региональный баланс сил в условиях нарастающей геополитической конкуренции.

Системный подход выступает центральным инструментом анализа, поскольку рассматривает сотрудничество не как совокупность отдельных эпизодов, а как сложную, многослойную и взаимосвязанную структуру, включающую политические установки, институциональные механизмы, оборонные инициативы и стратегические интересы сторон. Его применение позволило выявить внутреннюю логику развития двусторонних и многосторонних военно-политических форматов, оценить влияние региональных конфликтов и глобальных вызовов на устойчивость взаимодействия.

Важное значение имеет и принцип историзма, обеспечивший возможность проследить эволюцию внешнеполитических приоритетов Марокко и государств Залива в контексте ключевых международных и региональных событий. Исторический ракурс также позволил отразить этапность, глубину и контекст институционализации отношений в сфере безопасности.

Принцип научной объективности и достоверности реализован через широкое использование первичных и вторичных источников: международных соглашений, совместных деклараций, официальных заявлений, аналитических докладов, материалов ОИС, ЛАГ, ССАГПЗ, а также данных оборонных институтов и профильных исследовательских центров.

Методы исследования. При подготовке исследования использован комплекс общенаучных и специальных методов, позволивших всесторонне проанализировать характер, динамику и институциональные формы военно-политического взаимодействия между Королевством Марокко и странами

ССАГПЗ в 1999–2024 гг.

В качестве основного применен системный метод, позволивший рассматривать сотрудничество сторон как многокомпонентную структуру, включающую политические, военные, правовые и дипломатические элементы. Его применение обеспечило выявление взаимосвязей между внутренними и внешними факторами, влияющими на развитие отношений.

Проблемно-хронологический метод использовался для изучения этапов становления сотрудничества и фиксации ключевых рубежей в развитии двусторонних и многосторонних форматов взаимодействия. Он позволил отразить эволюцию отношений в контексте изменений в региональной и глобальной политике.

Сравнительный метод (компаративный анализ) применялся для сопоставления внешнеполитических и оборонных стратегий Марокко и стран ССАГПЗ, а также оценки различий и точек соприкосновения в их подходах к вопросам безопасности.

Историко-генетический метод использовался для выявления предпосылок и логики формирования военно-политических связей, а также для анализа влияния исторического наследия, режимных характеристик и идеологических основ внешней политики.

Контент-анализ применялся при работе с доктринальными материалами, официальными заявлениями, межгосударственными соглашениями и программными документами, с целью выявления ключевых смысловых установок, риторических акцентов и трансформации внешнеполитического дискурса сторон.

В ряде случаев использовались количественные методы анализа, позволившие интерпретировать данные по оборонным расходам, частоте совместных военных мероприятий и объемам торгово-военного взаимодействия, что способствовало объективной оценке масштабов и интенсивности сотрудничества.

Научная новизна данного исследования определяется следующими

ключевыми аспектами:

– впервые осуществлен комплексный анализ военно-политического сотрудничества между Королевством Марокко и странами ССАГПЗ в период 1999–2024 гг., что позволило систематизировать подходы к изучению межарабского взаимодействия в сфере безопасности на стыке регионов Северной Африки и Ближнего Востока;

– выявлены структурные и содержательные особенности военно-политических связей между Марокко и монархиями Персидского залива, включая институциональные механизмы, формы двустороннего и многостороннего взаимодействия, правовую и договорную базу, а также политико-стратегические установки сторон;

– исследована роль геополитических, религиозных и культурных факторов в формировании устойчивых связей между Марокко и странами ССАГПЗ, в том числе в контексте арабской идентичности и стремления к укреплению арабских центров силы вне зависимости от западных альянсов;

– рассмотрено влияние региональных конфликтов (в Йемене, Сирии, Ливии и Сахеле), а также глобальных вызовов (экстремизм, трансграничный терроризм, вмешательство внешних акторов) на эволюцию военно-политического сотрудничества между сторонами;

– определена специфика стратегического партнерства между Марокко и странами Залива как модели межарабской кооперации, сочетающей элементы прагматической политики безопасности с идеологическим сближением и экономической взаимозависимостью;

– проанализирована трансформация внешнеполитических и оборонных приоритетов Марокко и государств ССАГПЗ, включая влияние «арабской весны», изменения в балансе сил на Ближнем Востоке и усиление конкуренции между глобальными державами.

– в диссертации в научный оборот введено большое количество источников на арабском, французском и английском языках. Он включает: официальные конституции и оборонные доктрины Марокко и государств

ССАГПЗ, совместные коммюнике саммитов 2016 и 2018 гг.; программные стратегии Vision 2030 Саудовской Аравии и «Белой книги обороны» Марокко; оперативные пресс-брифинги штабов Залива и Королевского ВМФ Марокко; а также малоиспользуемые в российской историографии аналитические материалы арабских «мозговых центров» — Emirates Policy Center, Gulf Research Center-Jeddah, King Faisal Center for Research & Islamic Studies и марокканского Centre Marocain des Études Stratégiques, Institut Hassan II de Politique et de Société и Institut des Études Africaines. Дополнительно задействованы отчеты западных институтов (International Crisis Group, Quilliam Foundation) и регионального Центра «Аафак», что существенно расширяет эмпирическую базу и позволяет уточнить механизмы военно-политического взаимодействия Марокко и стран ССАГПЗ.

– раскрыт вклад международных и региональных организаций в институционализацию сотрудничества между Марокко и странами Залива;

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и комплексном анализе значительного массива конкретно-исторических данных, относящихся к военно-политическим отношениям между Марокко и странами ССАГПЗ в период с 1999 по 2024 год. Проведенное исследование вносит значительный вклад в понимание динамики и особенностей данного сотрудничества, включая его стратегические, правовые и институциональные аспекты. Кроме того, анализ влияния региональных и глобальных вызовов, таких как конфликты и угрозы терроризма, позволяет определить, как эти факторы воздействуют на динамику военно-политического сотрудничества между Марокко и монархиями Персидского залива. Исследование институциональных механизмов и правовой базы сотрудничества между этими государствами также способствует лучшему пониманию правовых и организационных основ их взаимодействия.

Основные положения и выводы, представленные в диссертации, могут быть дополнены и уточнены в рамках будущих научных исследований, что

будет способствовать углублению теоретических знаний в области международных отношений и безопасности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для разработки рекомендаций по совершенствованию военно-политического сотрудничества между Марокко и странами ССАГПЗ. Материалы работы могут быть полезны при формулировании внешнеполитических и оборонных стратегий Марокко и государств Персидского залива, направленных на укрепление региональной безопасности и стабильности. Выводы и предложения диссертации могут служить основой для принятия политических и организационных решений в области международных отношений, безопасности и взаимодействия в рамках соответствующих ведомств Российской Федерации и многосторонних организаций.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в образовательной практике, включая программы вузов, которые специализируются на международных отношениях, мировой политике, а также на изучении истории и безопасности Ближнего Востока и Северной Африки. Они также могут быть использованы для подготовки аналитических материалов, экспертиз и прогнозов по вопросам военно-политического сотрудничества в арабском мире.

Положения, выносимые на защиту:

1. Монархический формат государственного правления в Марокко и странах ССАГПЗ создает базис для сближения их позиций по вопросам безопасности. Сохранение преемственности власти в руках династий и консервативно-традиционный характер политической системы обеих сторон формируют доверительную атмосферу, упрощающую согласование оборонных планов и проведение совместных военных инициатив. Благодаря этим сходным институциональным особенностям государства обладают схожим видением роли монарха как гаранта стабильности, что облегчает установление личных контактов на высшем уровне.

2. Наличие совпадающих стратегических приоритетов, среди которых важнейшими выступают охрана суверенитета, защита от внешнего вмешательства, противодействие терроризму и экстремизму, служит фундаментом для углубления военно-политического сотрудничества. Марокко и государства Персидского залива оказываются в сходных условиях растущей геополитической напряженности и нацелены на повышение эффективности национальных вооруженных сил, обмен разведанными и выработку единых антитеррористических стратегий.

3. Критически важное значение приобретает роль морских коммуникаций: контроль Марокко над Гибралтарским узлом, через который движутся фосфаты, агропромышленная и обрабатывающая продукция королевства, сочетается с критической зависимостью монархий ССАГПЗ от непрерывного экспорта углеводородов по коридору Баб-эль-Мандеб – Суэц – Атлантика. Данная потребность институционализована: регулярные учения Red Wave, и Agadir Maritime Drill, совместная служба в коалиционных силах CTF-150/152, а также инвестиции DP World и AD Ports в терминалы Tanger Med II и Nador West Med формируют единую систему мониторинга и раннего предупреждения, минимизируя угрозы пиратства, контрабанды и морского терроризма.

4. Сложная региональная обстановка на Ближнем Востоке и в Северной Африке (сирийский, йеменский и ливийский конфликты, нестабильность в Сахеле) порождает потребность в согласованном реагировании на внешние вызовы. В результате Марокко тесно координирует свою внешнюю политику и оборонные программы с главными участниками ССАГПЗ (Саудовской Аравией, ОАЭ), что проявляется в практических мерах от разведывательного сотрудничества до гуманитарной поддержки региональных партнеров.

5. Значимым инструментом углубления взаимодействия выступают форматы коллективной дипломатии и участие в работе международных организаций. Участие Марокко и государств Залива в ООН, Лиге арабских государств, Организации исламского сотрудничества, а также специальных

антитеррористических структурах позволяет выработать согласованные решения по урегулированию локальных конфликтов и проведению миротворческих миссий.

6. Координация усилий в борьбе с терроризмом базируется на обмене опытом и наработках Марокко в противодействии религиозному экстремизму, а также на ресурсных возможностях ССАГПЗ. В основе лежит обмен аналитическими данными, организация совместных семинаров и тренингов для сил правопорядка, а также поддержка реформ социального характера (образование, занятость молодежи), направленных на устранение корневых причин радикализации.

7. Африканское направление политики Марокко (активные инфраструктурные, экономические и образовательные проекты в странах Магриба и зоны Сахеля) сочетается с заинтересованностью монархий Залива в расширении присутствия на континенте. Совместные инвестиции и гуманитарные инициативы формируют благоприятную среду для оборонного взаимодействия, поскольку устойчивое развитие приграничных регионов снижает риски распространения радикальных группировок и обеспечивает более широкую зону стабильности.

8. Диверсифицированные внешнеполитические связи Марокко, включающие сотрудничество с ЕС, США, Россией и Китаем, сочетаются с аналогичной стратегией государств Залива, стремящихся не ограничиваться союзом с одной мировой державой. Политика «многовекторности» помогает партнерам избегать жесткого давления извне, а также открывает дополнительные каналы для обмена опытом и военными технологиями.

Достоверность и обоснованность результатов диссертационной работы подтверждаются обширной и репрезентативной историко-информационной базой, включающей широкий круг источников и научной литературы на русском, английском, французском и арабском языках, а также применением разнообразных научных методов, что обеспечивает объективность и точность полученных результатов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертации отражены в шести научных публикациях соискателя, в том числе в трех статьях, опубликованных в изданиях, входящих в Перечень РUDН и Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (по состоянию на момент публикации). Содержание статей раскрывает ключевые аспекты диссертационного исследования, охватывая вопросы укрепления оборонного сотрудничества государств Персидского залива, внешней политики Марокко в арабском мире, роли безопасности в отношениях ОАЭ и Марокко, а также проблему территориальных разногласий вокруг Западной Сахары.

Основные тезисы диссертационного исследования были обсуждены и одобрены на кафедре Востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Национально-государственные интересы и основы военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ

1.1. Внешнеполитические и оборонные приоритеты Марокко и стран ССАГПЗ

Изучение военно-политического взаимодействия между государствами требует предварительного осмысления их внешнеполитических и оборонных установок как ключевых элементов, определяющих стратегическую направленность межгосударственных связей. В контексте сотрудничества между Королевством Марокко и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) особую значимость приобретает анализ тех приоритетов, которые формируют основу их международной субъектности, определяют конфигурацию союзов и форматируют реакцию на вызовы региональной и глобальной безопасности.

Хронологический отрезок с 1999 по 2024 год охватывает этапы существенных трансформаций в системе международных отношений и регионального порядка, включая перераспределение центров влияния, активизацию нестабильности в смежных зонах, таких как Сахель, Левант и Северная Африка, а также усиление угроз, связанных с транснациональным экстремизмом, вооруженными конфликтами и геоэкономическим соперничеством. На этом фоне внешняя политика и оборонные стратегии как Марокко, так и государств Залива претерпели заметные институциональные и содержательные изменения, отразившие стремление к адаптации в меняющейся среде и стремление к формированию устойчивых моделей кооперации.

Настоящий параграф посвящен внешнеполитическим и оборонным приоритетам сторон как основополагающую категорию, определяющую архитектуру их военно-политического сближения. Анализ проводится отдельно для Королевства Марокко и государств ССАГПЗ с акцентом на историческую динамику, региональный контекст и факторы, влияющие на

формирование внешнеполитического курса и стратегии национальной безопасности.

Внешнеполитические и оборонные приоритеты Марокко

В условиях глобальной нестабильности и возрастающей роли региональных сил на международной арене вопросы национальной безопасности и внешней политики становятся особенно актуальными для каждого государства. Для Марокко, расположенного на стратегическом перекрестке между Африкой и Европой, Атлантическим океаном и Средиземным морем, данные вопросы не только влияют на внутреннюю стабильность, но и определяют способность страны адаптироваться к меняющимся условиям международной среды⁷⁸. С момента вступления на трон в 1999 году король Мухаммед VI принял курс на модернизацию Марокко, стремясь укрепить его позиции как на внутренней, так и на международной аренах, что связано с необходимостью справиться как с внутренними вызовами, так и с воздействием глобальных изменений.

Исторический контекст, включающий колониальное прошлое и опыт борьбы за независимость, оказал значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Марокко. В период правления Мухаммеда VI страна столкнулась с рядом внутренних и внешних вызовов, которые требовали комплексного подхода к их решению. С момента вступления на престол король предпринял важные шаги на пути модернизации политической системы и общества в целом, включая развитие политического плюрализма, рыночной экономики, проведение реформ в социальной области, соблюдение толерантности и уважения к многообразию в культурной и религиозной сферах. Также он сделал акцент на активном участии страны в международных делах, что способствовало укреплению ее позиций на глобальной арене⁷⁹.

---

⁷⁸ Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. Внешнеполитические приоритеты Королевства Марокко. // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2014. № 1. С.71-81.

⁷⁹ Пономаренко Л.В. Король Марокко Мухаммед VI: традиции и инновации. // Африка: новый портал

Одним из ключевых направлений внешней политики Марокко стали отношения с Западом – со странами Евросоюза и США. В рамках данных отношений особое внимание важно уделить двусторонним связям с Испанией и Францией, сотрудничество с которыми поддерживается на высоком уровне, что подтверждается подписанием ряда соглашений о сотрудничестве в экономической и политической сферах. Например, в 2021 году Марокко и Испания заключили важное соглашение, направленное на расширение экономического сотрудничества и укрепление связей в области безопасности, направленное на усиление сотрудничества двух стран в вопросах миграции и борьбы с терроризмом, учитывая общие угрозы, с которыми сталкиваются как Рабат, так и Мадрид⁸⁰. Однако, несмотря на усилия по укреплению отношений, в марокканско-испанских отношениях существуют и значительные проблемные зоны. Одной из ключевых проблем является вопрос, связанный с анклавами Сеута и Мелилья, которые остаются под контролем Испании и являются источником напряженности между двумя государствами. Они являются стратегически важными территориями, так как располагаются на африканском континенте и служат воротами в Европу. Марокко продолжает высказывать свои притязания на эти территории, что порождает трения в двусторонних отношениях.

Кроме того, нерешенная проблема Западной Сахары также негативно сказывается на марокканско-испанских отношениях. Испания как бывшая колониальная держава исторически играет важную роль в этом конфликте, а ее позиция по этому вопросу продолжает вызывать дискуссии. Марокко считает Западную Сахару своей частью и стремится к ее полной интеграции, в то время как движения за независимость, такие как Фронт ПОЛИСАРИО⁸¹,

---

глобализации. Ежегодник, 2012. С.12-15.

⁸⁰ Spain, Morocco sign 20 agreements, consolidate new era of mutual trust. Anadolu Agency. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/spain-morocco-sign-20-agreements-consolidate-new-era-of-mutual-trust/2804772>

⁸¹ ПОЛИСАРИО (POLISARIO, Frente Popular de Liberación de Saguía el Hamra y Río de Oro) – Народный фронт за освобождение Сагии эль-Хамра и Рио-де-Оро, политико-военная организация, выступающая за независимость Западной Сахары от Марокко. Основан в 1973 году, поддерживается Алжиром и контролирует часть территории, провозгласив создание Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР)

продолжают добиваться международного признания своих прав⁸².

Другими важными аспектами, влияющими на двусторонние отношения, являются нелегальная миграция и контрабанда наркотиками. Марокко выступает в роли транзитной страны для мигрантов, стремящихся попасть в Европу, что приводит к необходимости разработки совместных инициатив по контролю за миграционными потоками. Испания, в свою очередь, заинтересована в стабильности в этом регионе и активно сотрудничает с Марокко в вопросах контроля границ и предотвращения нелегальной миграции.

Вторым важным партнером во внешней политике Марокко в рамках Европейского союза является Франция, которая как один из ведущих европейских союзников Марокко оказывает поддержку Рабату в области безопасности, торговли и культурного обмена. Совместные проекты, такие как инициативы в области науки, образования и технологий, способствуют укреплению двусторонних отношений и расширению возможностей для сотрудничества⁸³. В рамках партнерства также осуществляется обмен опытом в различных сферах, способствующих интеграции Марокко в европейскую экономику и укреплению связей между двумя государствами. Важным фактором развития двусторонних отношений является крупная марокканская община во Франции, численность которой на сегодняшний день достигла более миллиона человек и продолжает расти⁸⁴. Тем не менее, сложным элементом во франко-марокканских отношениях является вопрос о статусе Западной Сахары и стремление Франции находить баланс между двумя своими основными партнерами в Северной Африке - Алжиром и Марокко, которые занимают противоположные позиции по данному вопросу. Однако мароккано-французские отношения можно охарактеризовать относительно

---

⁸² Баранов К. Е. Политика Фронта ПОЛИСАРИО: борьба за независимость Западной Сахары. Санкт-Петербург: Научная книга, 2021. С. 56.

⁸³ Смирнова Г.И. Экономические связи стран Союза Арабского Магриба с Европейским Союзом. Арабский Восток: Ислам и реформы. М., 2000. С. 76.

⁸⁴ El-Azhari, M. Morocco's Role in Regional Cooperation and Security in North Africa. New York: Routledge, 2019. P. 164.

стабильными и устойчивыми, причем во многом благодаря культурно-цивилизационному фактору. В этом контексте важнейшая роль принадлежит Франкофонии⁸⁵.

Марокко также поддерживает стратегическое партнерство с Соединенными Штатами. В сфере безопасности США рассматривают Марокко как ключевого союзника в борьбе с терроризмом и экстремизмом в Северной Африке⁸⁶. Правительство Марокко продемонстрировало проактивный подход к противодействию угрозам безопасности, внедряя надежные контртеррористические меры и способствуя сотрудничеству с американскими силовыми структурами⁸⁷. Данное сотрудничество особенно ярко проявляется в военном обучении и совместных учениях, что повышает способность Марокко справляться с региональными вызовами. Кроме того, США рассматривают Марокко как стратегически важного партнера, расположенного на пересечении Европы и Африки, что придает ему особую роль в решении ключевых геополитических вопросов, таких как миграция и противодействие наркоторговле. Однако несмотря на эти крепкие связи, партнерство не лишено проблем. Региональные напряженности, особенно касающиеся конфликта в Западной Сахаре, создают препятствия для отношений⁸⁸. США исторически сохраняли нейтральную позицию по этому вопросу, балансируя свои стратегические интересы с необходимостью поддерживать суверенитет Марокко. Однако недавние события, включая признание суверенитета Марокко над Западной Сахарой администрацией Трампа в 2020 году, изменили динамику партнерства, укрепив позицию Марокко в региональной политике и подтвердив его союз с США⁸⁹.

---

⁸⁵ Ткаченко А.А. Перспективы интеграции стран Северной Африки и Европейского Сообщества. Ближний Восток и современность. Вып. 4. М., 1997. С. 57.

⁸⁶ Фаязова С.С. Марокко и США: к вопросу двусторонних отношений во второй половине XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С. 12.

⁸⁷ Streit, T. R. Counterterrorism Cooperation between Morocco and the United States: A Model for Other Countries in the Region? New York: Routledge, 2020. P. 18.

⁸⁸ Haddad, A. Morocco's Role in U.S. Security Policy: Historical Perspectives and Future Directions. Boston: Harvard University Press, 2023. P. 2.

⁸⁹ РИА Новости. США признали суверенитет Марокко над Западной Сахарой [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201210/suverenitet-1588666643.html>

Вторым вектором внешней политики Марокко с 1999 года стало развитие отношений с африканскими странами. Важной вехой на этом пути стало возвращение Марокко в Африканский союз (АС) в 2017 году, спустя более чем 30 лет после выхода из организации⁹⁰. Данное решение было принято в контексте стремления короля Мухаммеда VI усилить влияние страны в африканском регионе, развивая политические и экономические связи с соседними государствами. Возвращение в АС открыло новые возможности для кооперации в различных сферах, таких как торговля, инвестиции и развитие инфраструктуры. Стратегия активного участия в Африке также связана с попытками укрепить позиции страны в качестве важного игрока на континенте, особенно учитывая экономическое и политическое значение африканских рынков для Марокко. Именно активная инвестиционная политика Марокко в Африке является важным аспектом этой стратегии. Страна финансирует инфраструктурные проекты в таких странах, как Нигер и Гамбия, что укрепляет ее экономические позиции и способствует созданию новых торговых маршрутов⁹¹.

К третьему вектору внешней политики Марокко можно отнести активное участие в делах арабского и мусульманского мира. Король Мухаммед VI часто выступает в роли посредника в урегулировании региональных конфликтов, что подтверждает стремление Марокко играть конструктивную роль в решении сложных вопросов, касающихся мира и безопасности⁹². Участие страны в Лиге арабских государств и Организации исламского сотрудничества (ОИС) демонстрирует ее приверженность коллективным усилиям по решению актуальных проблем как на региональном, так и на глобальном уровнях. Марокко также активно участвует в разработке совместных стратегий и программ в рамках Магрибского союза,

---

⁹⁰ Morocco welcomes return to the African Union after 33 years of absence URL: <https://www.moroccotomorrow.org/morocco-hails-return-to-african-union-after-33-year-absence/> (accessed: September 21, 2023).

⁹¹ Nguyen, T. Moroccan Investments in Africa: Prospects and Challenges. New York: Routledge, 2021. P.18

⁹² Ахмед, Н. Марокко и мусульманский мир: история и современность. Казань: Издательство КГПУ, 2021. С. 57.

который объединяет страны Северной Африки. Сотрудничество в данном контексте направлено на развитие экономики, инфраструктуры и региональной безопасности⁹³. В частности, инициативы Марокко в области экономической интеграции и совместного развития помогают создавать более устойчивую и интегрированную экономику, что, в свою очередь, способствует улучшению жизненных условий населения и повышению уровня безопасности в регионе.

Также в рамках ведения внешней политики особое внимание важно уделить партнерству с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В 2016 году Марокко официально присоединилось к этой организации в качестве партнера, что открыло новые возможности для сотрудничества, особенно в сферах инфраструктуры, энергетики и безопасности⁹⁴. Марокко активно участвует в совместных проектах с государствами ССАГПЗ, направленных как на развитие инфраструктуры и улучшение энергетической безопасности, так и на расширение военно-политического сотрудничества⁹⁵.

Марокко также активно работает над улучшением своих отношений с другими международными акторами, включая Китай и Индию. В последние годы страна развивает сотрудничество с этими государствами в различных сферах, таких как экономика, инвестиции и культура⁹⁶. Китай, в частности, является важным партнером для Марокко в области инфраструктурных проектов и инвестиций, в то время как Индия оказывает поддержку в области образования и здравоохранения⁹⁷.

Важным партнером Марокко во внешней политике также выступает

---

⁹³ El-Azhari, M. Morocco's Role in Regional Cooperation and Security in North Africa. New York: Routledge, 2019. P. 180.

⁹⁴ Gulf Cooperation Council. Cooperation news. 2024. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/MediaCenter/NewsCooperation/News/Pages/news2024-3-3-2.aspx>

⁹⁵ Al-Muhari, S. Infrastructure and Energy Cooperation between Morocco and the Gulf States. Manama: Bahrain University Press, 2019. P. 66.

⁹⁶ Liu, Z. Infrastructure Development in Morocco: The Role of China. Beijing: China Development Press, 2020. P. 98-103.

⁹⁷ Sharma, R. India-Morocco Cooperation in Education and Health. New Delhi: Indian Council for Cultural Relations, 2019. P. 117-119.

Россия. Заключенные марокканско-российские двусторонние соглашения свидетельствуют о расширении сотрудничества в торгово-экономической, в частности, в нефтегазовой сфере и военно-политических областях⁹⁸.

В рамках внешней политики Марокко необходимо также отметить его активное участие в международных организациях, что играет важную роль в укреплении позиций королевства на мировой арене. Одним из ключевых аспектов является вовлеченность страны в миротворческие миссии, которые направлены на стабилизацию конфликтных регионов и обеспечение гуманитарной помощи. По состоянию на 2022 год, более 1700 марокканских военнослужащих и полицейских задействованы в операциях ООН в Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго, Судане и Южном Судане⁹⁹. В частности, в Миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) численность марокканского контингента составляет 1368 человек¹⁰⁰. Марокко, как член ООН, активно принимает участие в различных комитетах и рабочих группах, работающих над решением множества региональных и глобальных проблем, включая вопросы безопасности, развития и прав человека¹⁰¹.

Переходя от внешней политики к приоритетам национальной безопасности Марокко, следует отметить, что стратегические интересы страны в значительной степени определяются ее геополитическим положением и внутренними вызовами. В условиях глобальных и региональных нестабильностей, таких как рост экстремизма и терроризма, Марокко осознает необходимость разработки комплексной стратегии национальной безопасности, направленной на защиту своих интересов и

---

⁹⁸ Эррашиди Иман. Взаимодействие Марокко и России в двустороннем и многостороннем форматах в XXI веке. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-marokko-i-rossii-v-dvustoronnem-i-mnogostoronnem-formatah-v-xxi-veke>

⁹⁹ Марокко увеличивает вклад в миротворческие миссии ООН // Агентство «Анадолу». 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/2-марокканских-военных-погибли-в-цар/2613916>

¹⁰⁰ Операции ООН по поддержанию мира в Африке // Факт Милитари. 2020. URL: https://factmil.com/publ/strana/afrika/operacii_oon_po_podderzhaniju_mira_v_afrike_2020/166-1-0-1784

¹⁰¹ El Arabi, Y. Le rôle du Maroc dans les organisations internationales. Journal des relations internationales, 2021.

обеспечение стабильности в регионе¹⁰².

В данном контексте вопросы национальной безопасности для Марокко включают как внутренние, так и внешние угрозы. Например, конфликт в Западной Сахаре, который продолжается десятилетиями, остается одной из основных проблем, требующих постоянных дипломатических усилий. Западная Сахара является предметом спора между марокканским правительством и Фронтом ПОЛИСАРИО за независимость региона. Данная ситуация создает постоянные вызовы для национальной безопасности и требует активной дипломатической работы и участия в международных инициативах по разрешению конфликта. В то же время Марокко активно защищает свои интересы в этом регионе, проводя политику укрепления своей территориальной целостности и поддерживая международные усилия по мирному разрешению спора¹⁰³.

Несомненно, внутренние угрозы, такие как терроризм и экстремизм, остаются в центре внимания правительства. В частности, после событий Арабской весны, когда несколько террористических атак потрясли страну, Марокко существенно усилило меры по борьбе с экстремизмом¹⁰⁴. Меры включили в себя разработку новых программ по предотвращению радикализации, социальную интеграцию, а также усиление сотрудничества с международными партнерами в области разведки и контртерроризма. Важным шагом в этом направлении стало создание в 2003 году Национальной программы по борьбе с терроризмом, которая объединяет усилия правительственных структур, местных сообществ и гражданского общества для противодействия радикализации и насильственному экстремизму. С целью повышения внутренней безопасности Марокко внедряет современные технологии мониторинга и контроля, такие как системы видеонаблюдения и аналитические инструменты для выявления и предотвращения потенциальных

---

¹⁰² Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах. М., 2001. С. 76.

¹⁰³ Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2001. С. 167.

¹⁰⁴ Хорос В. Г. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия // Мировая экономика и международные отношения. 2011 . № 7.С. 5.

угроз, которые помогают в отслеживании и предотвращении террористических актов, а также в борьбе с организованной преступностью.

Экономическая нестабильность, связанная с глобальными кризисами, также оказывает влияние на внешнюю и внутреннюю политику Марокко. В условиях экономической неопределенности страна стремится диверсифицировать свои торговые партнерства и укреплять экономические связи с различными регионами мира, включающие в себя развитие новых инвестиционных проектов и улучшение инфраструктуры для поддержки экономического роста. Важным вопросом стратегии является развитие портовой инфраструктуры, способствующее укреплению торговых связей и улучшению логистики.

Внешние угрозы, связанные с региональной нестабильностью в Магрибе и Сахеле, конфликты в Ливии и Сирии также занимают важное место в повестке национальной безопасности Марокко. Ситуация в этих регионах остается нестабильной из-за конфликтов и деятельности террористических группировок. Правительство Марокко в последнее время сосредоточило усилия на модернизации вооруженных сил, включая обновление оборудования, развитие новых технологий и улучшение подготовки личного состава, внедрение современных систем управления, кибербезопасности и улучшение возможностей для борьбы с терроризмом и вооруженными группировками¹⁰⁵.

Таким образом, приоритеты национальной безопасности и внешней политики Марокко в период с 1999 по 2024 год отражают стремление страны к защите своего суверенитета и укреплению влияния на международной арене. В условиях роста геополитической напряженности и быстро меняющейся международной среды Марокко продолжает играть важную роль в глобальной политике и экономике, активно участвуя в международных и региональных инициативах и укрепляя связи с ключевыми партнерами на мировой арене.

---

¹⁰⁵ Benkirane, A. La modernisation des forces armées marocaines : enjeux et perspectives. Revue de défense nationale, 2020, № 5, p. 88-102.

Внешнеполитические и оборонные приоритеты стран ССАГПЗ

Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) играют центральную роль в политической и экономической архитектуре Ближнего Востока и глобальной энергетической системе. В ССАГПЗ входят шесть государств – Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар, Кувейт, Бахрейн и Оман, – которые обладают богатыми природными ресурсами, стратегически важным географическим положением и значительными финансовыми возможностями, что придает им значительный вес в международной политике и экономике¹⁰⁶.

ССАГПЗ был основан в 1981 году с целью содействия политической, экономической и военной интеграции между членами организации. Важнейшие приоритеты сотрудничества включают коллективную безопасность, совместные усилия по укреплению стабильности и экономическое развитие¹⁰⁷. В то время как каждая страна-член проводит независимую внешнюю и внутреннюю политику, Совет предоставляет платформу для координации усилий, особенно в вопросах безопасности.

В региональном контексте страны ССАГПЗ сталкиваются с рядом серьезных вызовов, включая региональные конфликты, экстремизм, экспансионистскую политику Ирана и угрозы энергетической безопасности. Учитывая их стратегическое расположение на пересечении торговых путей и близость к ключевым нефтяным и газовым месторождениям, безопасность и стабильность стран ССАГПЗ имеют критическое значение не только для региона, но и для мировой экономики.

На протяжении последних десятилетий внешняя политика стран ССАГПЗ, особенно в вопросах безопасности, была направлена на обеспечение внутренней стабильности и защиту от внешних угроз. Каждый участник ССАГПЗ придерживается своих собственных приоритетов национальной

---

¹⁰⁶ Мелкумян Е.С. Регион Персидского Залива в мировой политике: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 82-89.

¹⁰⁷ Мелкумян Е.С. Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. - М.: ИИИиБВ, 2000. С. 157-159.

безопасности, однако общие вызовы и интересы способствуют усилению координации в рамках Совета.

В первую очередь, главной целью национальной безопасности для всех стран ССАГПЗ является защита суверенитета и территориальной целостности. Государства региона находятся в непосредственной близости к конфликтным зонам, таким как Йемен, Сирия и Ирак, что неизбежно оказывает влияние на их политику и национальные интересы. Наибольшей внешней угрозой для стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива является Иран. Его отношения с государствами региона насыщены сложной динамикой, в которой ярко проявляются элементы соперничества и недоверия. В этом контексте особую роль играют Саудовская Аравия и ОАЭ, которые воспринимают Иран как главную угрозу своей безопасности и региональной стабильности¹⁰⁸. Одной из ключевых причин напряженности является поддержка Ираном шиитских группировок в регионе, таких как хуситы в Йемене и различные военизированные группы в Ираке и Сирии, которые воспринимаются странами ССАГПЗ в качестве угрозы. Страны считают, что укрепление влияния Ирана может дестабилизировать их политические системы и угрожать их суверенитету.

В ответ на угрозу страны ССАГПЗ реализуют стратегию сдерживания Ирана, включающую военное сотрудничество с западными странами, закупку современного оружия и участие в совместных военных учениях. Саудовская Аравия и ОАЭ активно участвуют в военных операциях в Йемене, где они стремятся ограничить влияние Ирана и поддержать правительство, находящееся под угрозой со стороны хуситов¹⁰⁹.

Дипломатические отношения между Ираном и странами ССАГПЗ также остаются напряженными. Страны ССАГПЗ обвиняют Иран во вмешательстве во внутренние дела этих государств. Однако, в 2023 году наметился сдвиг в

---

¹⁰⁸ Е.С. Мелкумян. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М., 1999. С. 65-67.

¹⁰⁹ Кузьмин В.А. Соколов Н.В. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX - начале XXI веков // Научный диалог. 2017. № 8. С. 241-260.

арабо-иранских отношениях: при посредничестве Китая Иран и Саудовская Аравия восстановили дипломатические связи, что открывает перспективы для более сбалансированного взаимодействия.

Вторым ключевым фактором, определяющим приоритеты внешней политики стран ССАГПЗ, является энергетическая безопасность. Как ведущие экспортеры нефти и газа, государства сталкиваются с уязвимостью перед внешними воздействиями, включая колебания на мировом энергетическом рынке и угрозы свободной навигации в Ормузском проливе. Контроль над энергетическими ресурсами и защитой транспортных маршрутов для них представляет собой не только экономическую необходимость, но и важный аспект политического влияния на международной арене¹¹⁰.

Саудовская Аравия и ОАЭ активно внедряют инициативы по диверсификации своих экономик, стремясь уменьшить зависимость от углеводородов. Для обеспечения безопасности критически важных объектов, таких как нефтяные терминалы и морские пути, страны залива работают над укреплением сотрудничества с международными партнерами, чтобы гарантировать безопасность судоходства и предотвратить блокаду стратегических маршрутов. Важную роль в этом процессе играют стратегические военные альянсы, включая сотрудничество с США и Великобританией, способствующие укреплению региональной безопасности и защите национальных интересов стран ССАГПЗ.

Третьим фактором, определяющим приоритеты национальной безопасности и внешней политики стран ССАГПЗ, стала борьба с терроризмом и экстремизмом. На протяжении последних десятилетий государства региона сталкивались с угрозами со стороны таких радикальных группировок, как "Аль-Каида"¹¹¹ и "Исламское государство"¹¹², которые

---

¹¹⁰ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. С. 108-137.

¹¹¹ Террористическая организация, запрещена в РФ

¹¹² Террористическая организация, запрещена в РФ

представляют собой не только опасность для внутренней безопасности, но и потенциально дестабилизируют всю ситуацию в регионе¹¹³. Инфраструктурные атаки и внутренние социальные напряженности, вызванные действиями этих групп, подчеркивают необходимость активных мер. Для эффективной борьбы с угрозами страны ССАГПЗ сотрудничают с западными державами, особенно с США, в сфере антитеррористической деятельности, обмена разведывательной информацией и подготовки своих силовых структур. Сотрудничество получило особую актуальность после событий 11 сентября 2001 года, когда государства региона были вовлечены в глобальную войну с терроризмом.

Кроме того, на предотвращение радикализации среди населения и нейтрализации террористических угроз на ранних стадиях стали сосредотачиваться внутренние службы безопасности стран ССАГПЗ. Они также уделяют внимание борьбе с идеологическими корнями терроризма, включая инвестиции в образовательные программы, которые продвигают умеренные интерпретации ислама, а также инициативы по дерадикализации бывших боевиков. Важную роль в этом процессе играет внешнеполитическая деятельность, направленная на установление стабильности в странах, пострадавших от терроризма, таких как Йемен и Сирия.

Также немаловажным фактором во внешней политике стран ССАГПЗ стала борьба с миграцией. Экономическая миграция на их территорию значительно увеличивается из-за трудовой миграции рабочих из стран Азии и Африки, что вызывает необходимость контролировать миграционные потоки и обеспечивать социальную стабильность внутри страны. Внешнеполитические меры, направленные на укрепление стабильности в пострадавших от конфликтов странах, таких как Сирия и Йемен, также являются частью стратегии по сокращению миграционных потоков и

---

¹¹³ Малик О. Безопасность в Персидском заливе: курс на региональную независимость? // РСМД. 2022. 04.02. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/bezopasnost-v-persidskom-zalive-kurs-na-regionalnuyu-nezavisi-most/>

снижению гуманитарной нагрузки.

Важно отметить, что центральную роль в обеспечении национальной безопасности стран ССАГПЗ играют военные силы. Исторически важную роль играет жесткий контроль над политической активностью и ограничение влияния оппозиционных сил. В этих государствах политические свободы и гражданская активность находятся под строгим контролем, что позволяет правительствам предотвращать развитие движений, способных дестабилизировать внутреннюю ситуацию. Ключевым элементом этой стратегии является использование силовых структур для подавления внутренних угроз, а также значительные инвестиции в системы наблюдения и безопасность, направленные на предотвращение террористических актов и политических волнений.

Также необходимость поддержания мощных вооруженных сил диктует геополитическое положение региона, который богат природными ресурсами, но окружен конфликтами и нестабильными соседними государствами¹¹⁴. Для ведущих государств ССАГПЗ – Саудовской Аравии и ОАЭ – военная мощь является не только инструментом для защиты территориальной целостности, но и важным элементом их влияния на региональном уровне. Примером такого подхода можно назвать участие этих стран в международных военных коалициях, как в случае с конфликтом в Йемене, где коалиция, возглавляемая Саудовской Аравией и поддерживаемая ОАЭ, играет активную роль в боевых действиях, а ССАГПЗ выполняют задачи не только оборонительного характера, но и наступательных операций, направленных на поддержание стабильности на южных границах, защиту стратегических маршрутов и противодействие влиянию Ирана¹¹⁵.

Одним из ключевых аспектов военной политики стран ССАГПЗ

---

¹¹⁴ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 39-69.

¹¹⁵ Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX - начале XXI в. М.: Фонд русско-арабских исследований и информации; ИВ РАН, 2016. С. 17.

являются совместные военные учения и альянсы с международными партнерами, прежде всего с США, Великобританией и Францией. Совместные учения и маневры, такие как операции "Desert Shield" и "Eager Lion," позволяют армиям стран Залива совершенствовать свои навыки и улучшать координацию действий с союзниками в условиях реальных боевых сценариев, что не только усиливает боеготовность вооруженных сил ССАГПЗ, но и укрепляет их обороноспособность перед лицом внешних угроз, таких как Иран и террористические группировки¹¹⁶.

Несмотря на то, что отношения с Западом у стран ССАГПЗ довольно крепкие, в последние годы арабские страны Залива стали активно диверсифицировать свои международные связи, усиливая взаимодействие с Россией и Китаем. ОАЭ и Саудовская Аравия развивают партнерства с Москвой в области энергетики и оборонного сотрудничества. Саудовская Аравия, к примеру, начала обсуждение совместных проектов с Россией в сфере атомной энергетики и вооружений¹¹⁷. Также страны ССАГПЗ укрепляют экономические связи с Китаем, который стал ключевым торговым партнером и инвестором в регионе, особенно в сфере инфраструктурных и энергетических проектов. Пекин предоставляет странам Залива широкие возможности для сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», открывшей доступ к китайским инвестициям и рынкам сбыта.

Кроме того, страны ССАГПЗ активно сотрудничают и оказывают активную поддержку своим ближневосточным и африканским союзникам, участвуя в совместных инициативах по развитию инфраструктуры и предоставлению гуманитарной помощи. Это также включает участие в международных форумах, таких как Лига арабских государств и Организация исламского сотрудничества, где страны залива координируют свои действия и продвигают общие интересы. В данном контексте сотрудничество стран

---

¹¹⁶ Зинин Ю.Н. Отношения Ирана и арабских стран Персидского залива: некоторые аспекты. Международная аналитика. 2016; (4): с. 46-55.

¹¹⁷ Russia and Saudi Arabia strengthen nuclear cooperation. Nuclear Engineering International. URL: <https://www.neimagazine.com/news/russia-and-saudi-arabia-strengthen-nuclear-cooperation-6004239/>

ССАГПЗ с Марокко приобретает важное значение в контексте их внешней политики. Марокко, находясь на стыке Европы и Африки, представляет собой стратегического партнера для стран Залива в контексте борьбы с терроризмом, экономического сотрудничества и поддержания региональной стабильности.

В то время как общие цели военной и политической кооперации стран ССАГПЗ сосредоточены на укреплении региональной безопасности и стабильности, важно также проанализировать конкретные приоритеты и задачи, характерные для каждой из этих стран, которые могут способствовать более целенаправленному и эффективному сотрудничеству.

В этом контексте Саудовская Аравия, являясь крупнейшей и наиболее влиятельной страной в ССАГПЗ, занимает центральное место в политических и военных процессах, происходящих в регионе. С приходом к власти короля Салмана бин Абдул-Азиза в 2015 году, а также назначением его сына, наследного принца Мухаммеда бин Салмана, на пост министра обороны, Саудовская Аравия значительно активизировала свою роль как на региональной, так и на международной арене. Основным внешнеполитическим приоритетом страны стало сдерживание иранского влияния на Ближнем Востоке, что находит свое выражение в многочисленных военных и политических инициативах, развернутых в последние годы¹¹⁸.

Военная интервенция в Йемене, начатая в 2015 году под кодовым названием "Операция Буря решимости", превратилась в важнейшую часть стратегии Саудовской Аравии. Конфликт, в который вовлечены силы коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией, и хуситы, получающие поддержку от Ирана, имеет серьезные последствия для региональной безопасности. Для Саудовской Аравии он рассматривается не только как вызов, но и как ключевое направление своей внешней политики, направленное на противодействие иранскому влиянию и защиту южных границ страны.

---

¹¹⁸ Вартамян А. М. Иран и Саудовская Аравия: узел интересов и противоречий, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=4500>

Важность конфликта в Йемене выходит за рамки военных действий, став дипломатической ареной, где Саудовская Аравия активно работает над укреплением своих позиций и поддержкой союзников, включая ОАЭ.

Кроме того, Саудовская Аравия проявляет активное участие в политической ситуации в Сирии и Ливии. В Сирии, где продолжается гражданская война, Саудовская Аравия поддерживает различные оппозиционные группы, выступая против режима Башара Асада и его союзников, среди которых находятся Иран и Россия, преследуя ту же главную цель – ограничение иранского влияния в регионе. В Ливии же Саудовская Аравия направляет свои усилия на поддержку правительства национального согласия в Триполи, оказывая давление на командующего Ливийской национальной армией Халифу Хафтара, который получает поддержку от ОАЭ и Египта.

ОАЭ играют заметную роль в бурном политическом ландшафте Ближнего Востока, активно вовлекаясь в ключевые конфликты, такие как войны в Йемене и Ливии. Под руководством президента Халифы бин Заида Аль Нахайяна и его преемника, наследного принца Мухаммеда бин Заида Аль Нахайяна, ОАЭ проводят военные операции, нацеленные на укрепление своего влияния и защиту жизненно важных интересов.

Конфликт в Йемене, который разразился в 2015 году, стал не просто политической игрой, а настоящей ареной для проявления мощи ОАЭ, которые присоединились к возглавляемой Саудовской Аравией коалиции в Йемене, поддерживая южный сепаратистский альянс и участвуя в борьбе с хуситами¹¹⁹. Стратегические цели ОАЭ в регионе вышли за рамки обеспечения безопасности своих границ. Эмираты стремятся установить контроль над ключевыми регионами, особенно в Южном Йемене, чтобы укрепить свои позиции как глобального логистического и торгового хаба. Особое внимание

---

¹¹⁹ Мирасаров М.П., Ахметкаримов Б.Г. Военно-политическая конкуренция Ирана и Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в современных условиях. Казанский вестник молодых ученых. 2020. Том 4. №3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskaya-konkurentsiya-irana-i-saudovskoy-aravii-na-blizhnem-vostoke-v-sovremennyh-usloviyah>

уделяется контролю над стратегическими портами, такими как Аден и Ходейда, а также над прибрежными островами, расположенными вблизи Баб-эль-Мандебского пролива, через который проходит значительная часть мировой торговли и поставок нефти¹²⁰. Кроме того, ОАЭ проявляют интерес к развитию нефтяных месторождений на юге Йемена и развитию туризма на острове Сокотра.

Ливийский конфликт, в свою очередь, стал еще одной ареной для демонстрации политической силы ОАЭ. Поддерживая командующего Ливийской национальной армией Халифу Хафтара с 2014 года, ОАЭ активно участвуют в борьбе против правительства национального согласия в Триполи. Их поддержка включает в себя поставки оружия и военной техники, а также финансовую помощь, и подчеркивает стратегические интересы ОАЭ в Северной Африке, особенно в отношении контроля над энергетическими ресурсами, которые имеют большое значение для экономики страны. При этом вмешательство Турции, активно поддерживающей противников Хафтара, добавляет дополнительный уровень сложности в эту борьбу за влияние.

В то время как в Ливии ОАЭ концентрируются на укреплении своих позиций, их стратегия в отношении Сирии претерпела кардинальные изменения. В условиях сложной политической обстановки на Ближнем Востоке, начиная с 2018 года, ОАЭ, ранее оставаясь сторонними наблюдателями, начали сближаться с режимом Башара Асада, что стало значительным сдвигом в их внешнеполитической линии. Ранее, на фоне бурных событий, связанных с гражданской войной, Эмираты активно поддерживали различные оппозиционные группы, стремясь сыграть свою роль в свержении Асада. Однако в свете меняющихся геополитических реалий они приняли решение изменить курс. Сближение с режимом Асада стало знаковым, ведь оно произошло на фоне усиливающегося влияния Ирана,

---

¹²⁰ Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность. // Иран во втором десятилетии XX века: вызовы и перспективы. / Под редакцией Мамедовой Н.М., Каменевоy М.С., Федоровой И.Е. М.:ИВ РАН; Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 52-57.

который, в свою очередь, поддерживал сирийский режим. ОАЭ, озабоченные этим нарастающим влиянием, решили, что восстановление отношений с Асадом может стать стратегическим ходом для противодействия иранскому влиянию в регионе.

Тем не менее, нормализация отношений с Асадом не является безоблачной. Многие эксперты выражают сомнения относительно устойчивости этого сближения, указывая на возможность конфликта интересов с другими арабскими странами, которые продолжали выступать против сирийского режима¹²¹.

Следующей страной, обладающей значительным влиянием на региональную политику, несмотря на свои небольшие размеры, является Катар. Эта страна, располагаясь на восточном побережье Аравийского полуострова, стала важным игроком в международной политике благодаря своим стратегическим инициативам и активному внешнеполитическому курсу. Внешняя политика Катара ориентирована на несколько ключевых приоритетов, которые помогают этой стране занимать значимое место на международной арене.

Одним из основных приоритетов является поддержка дипломатических инициатив. Катар стремится быть посредником в решении конфликтов на Ближнем Востоке, активно участвуя в переговорах и миротворческих усилиях. Это особенно видно в случае с конфликтами в Сирии и Йемене, где Катар не только предоставляет гуманитарную помощь, но и работает над тем, чтобы наладить диалог между враждующими сторонами¹²². Страна проявляет готовность предложить свою платформу для переговоров, что усиливает ее статус как ответственного и надежного партнера в области международной политики.

Также важное место во внешней политике Катара занимает укрепление

---

¹²¹ Human Rights Watch: Why Did the UAE Come to Assad's Aid and Ease Syria's Isolation? // DAWN MENA.2023. URL: <https://dawnmena.org/why-did-the-uae-come-to-assads-aid-and-ease-syrias-isolation/>

¹²² Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М:1997.С.16.

отношений с западными государствами и международными организациями. Осознавая, что союз с Западом может значительно повысить уровень безопасности и стабильности в регионе, эмир активно развивает дипломатические связи с такими странами, как США и Великобритания¹²³.

Более того, Катар также делает акцент на гуманитарных проектах и поддержке миротворческих инициатив. Страна активно финансирует программы помощи, направленные на восстановление территорий, пострадавших от конфликтов, в том числе в Сирии, Йемене, Ливии и Палестине. Кроме того, Катар оказывает поддержку беженцам и внутренне перемещенным лицам, сотрудничая с международными организациями, такими как ООН, Международный Красный Крест и различными неправительственными структурами.

Важно отметить, что в последние годы, несмотря на блокаду, введенную рядом соседей в 2017 году, Катар продемонстрировал способность адаптироваться к сложным условиям, укрепляя свои внутренние ресурсы и расширяя связи с другими странами, включая Турцию и Иран. Однако в январе 2021 года кризис в отношениях между Катаром и его соседями завершился подписанием Аль-Ульского соглашения на саммите ССАГПЗ в Саудовской Аравии и привело к восстановлению дипломатических отношений с Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном и Египтом, а также к снятию транспортной блокады, позволившего Дохе вновь укрепить связи с монархиями Залива.

Кувейт и Оман, хотя и имеют меньшее влияние на международной арене, также играют важную роль в обеспечении региональной стабильности. Под руководством Эмира Насера аль-Мухаммеда аль-Ахмеда ас-Сабаха и султана Хайсама бин Тарика, Кувейт и Оман активно участвуют в дипломатических усилиях и гуманитарной помощи. Кувейт, известный своей нейтральной позицией, неоднократно принимал участие в мирных

---

¹²³ Исаев В.А., Филоник А.О. Катар. Три столпа роста. М.: ИВ РАН, 2015. С.67.

переговорах по разрешению конфликтов в Йемене и Сирии, тем самым укрепляя свой статус в международных дипломатических кругах¹²⁴. Оман также занимает преимущественно нейтральную позицию и сосредоточен на мирном разрешении конфликтов и дипломатических усилиях, что позволяет ему играть важную роль в региональной политике, предлагая платформу для переговоров и мирных инициатив. Важным фактором, определяющим особую роль Омана в регионе, является его более тесное сотрудничество с Ираном, отличающего его от других монархий Залива. Маскат традиционно поддерживает хорошие отношения с Тегераном, что связано как с географической близостью, так и с экономическими интересами, включая торговлю и совместные инфраструктурные проекты, например поставки иранского газа в Оман.

Кроме того, Оман выделяется своим уникальным религиозным составом: значительную часть населения составляют ибадиты, чья вера не относится ни к суннизму, ни к шиизму, что формирует особую религиозную и социальную идентичность страны. Оман проводит независимую внешнюю политику, стараясь не вовлекаться в конфликты между суннитскими и шиитскими державами региона, и выступает в роли нейтрального посредника в диалоге между ними.

Таким образом, приоритеты национальной безопасности и внешней политики стран ССАГПЗ направлены на укрепление своих позиций и обеспечение стабильности в регионе и за его пределами, что включает в себя борьбу с терроризмом, защиту стратегических интересов и развитие дипломатических отношений. В условиях глобальных и региональных изменений данные государства применяют стратегию хеджирования рисков, заключающуюся в диверсификации партнерских связей и балансировании между различными мировыми центрами силы. Например, Саудовская Аравия и ОАЭ одновременно развивают отношения с США, Китаем и Россией,

---

¹²⁴ Мелкумян Е.С. Новейшая история Кувейта. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 56.

стремясь минимизировать зависимость от одного партнера и повысить свою устойчивость перед внешними вызовами, позволяя странам ССАГПЗ адаптировать свои стратегии безопасности и внешней политики, сохраняя значимость и влияние на международной арене.

1.2. Предпосылки формирования военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ

Военно-политическое сотрудничество между Марокко и государствами ССАГПЗ имеет глубокие исторические корни и отличается сложной природой. С начала XX века в регионе БВСА начался процесс формирования национальных идентичностей и стремления к независимости, сопровождавшийся бурными политическими событиями и борьбой за самоопределение. В этот период регион также сталкивался с высокой степенью нестабильности, что вынудило монархии Персидского залива и Марокко искать опору друг в друге и наращивать связи. В условиях внешнего давления со стороны колониальных держав, а позже – в контексте геополитического соперничества великих держав и распространения радикальных идеологий, страны осознали важность сотрудничества для защиты своих интересов и укрепления национальной безопасности.

После Второй мировой войны, когда процессы деколонизации стремительно ускорились, многие арабские страны начали активно добиваться независимости, стремясь освободиться от колониального господства и утвердить свои национальные идентичности. В 1956 году Марокко, ставшее объектом раздела между Францией и Испанией, обрело долгожданную независимость, что открыло новую страницу в его международной политике и дало импульс национальному строительству¹²⁵. Затем независимость стали обретать арабские страны Персидского залива, что заложило основу для их дальнейшего политического и экономического развития. Первым был Кувейт,

---

¹²⁵ Morocco: Land of Promise. The Spirit of a King and People. Rabat, 1991. P. 26-27.

который провозгласил свою независимость от Великобритании 19 июня 1961 года. Далее, Бахрейн стал независимым 15 августа 1971 года, а через несколько дней, 3 сентября 1971 года, независимость обрел и Катар. Оман, который длительное время сохранял свою автономию, официально провозгласил независимость 2 декабря 1971 года. В тот же день, 2 декабря 1971 года, была образована Федерация Объединенных Арабских Эмиратов, когда несколько эмиратов, включая Абу-Даби и Дубай, объединились в независимое государство. Следует отметить, что Саудовская Аравия уже была независимой с 1932 года, и этот статус позволил ей занять более устойчивую позицию в новых геополитических реалиях¹²⁶.

С учетом этих изменений, перед вновь образованными государствами встала задача укрепления своей внешней политики и обеспечения национальной безопасности. Каждая из стран столкнулась с необходимостью формировать свои международные отношения, опираясь на интересы безопасности, экономического развития и политической стабильности. На этом фоне активно развивались новые альянсы и сотрудничество, как на региональном, так и на глобальном уровнях, что способствовало формированию нового политического ландшафта в арабском мире и за его пределами.

С наступлением 1980-х годов и возникновением новых региональных вызовов, таких как Иранская революция и ирано-иракская война, страны Персидского залива начали переосмысливать свои стратегии безопасности¹²⁷. В начале 1980-х годов произошло важное событие: создание Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в 1981 году. Марокко, хоть и не входило в состав ССАГПЗ, но проявило интерес к этому объединению и стремилось установить с ним более тесные связи¹²⁸.

С конца 1980-х и особенно в 1990-е годы глобальная политическая

---

¹²⁶ Андреасян Р.Н. Нефть и арабские страны в 1973-1983 гг. М., 1990. С. 46.

¹²⁷ Васильев А.М. Персидский залив в эпицентре бури. М., 1983. С. 98.

¹²⁸ Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н. Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1998. С. 130.

ситуация начала меняться. Конец холодной войны и изменения в международных политических альянсах оказали значительное влияние на внешнюю политику стран региона. Марокко и страны Персидского залива начали выстраивать более сложные и многогранные отношения, базирующиеся на стратегических интересах и безопасности¹²⁹.

На фоне этих изменений необходимость сотрудничества между Марокко и странами ССАГПЗ стала особенно очевидной в связи с рядом ключевых факторов, формирующих общие приоритеты и вызовы для обеих сторон. Среди них можно выделить сходство политических систем, основанных на монархическом правлении, что создало благоприятные условия для диалога и выработки согласованных решений. Важную роль сыграла и угроза судоходству, в особенности в свете рисков пиратства и нестабильности в стратегически значимых морских узлах, таких как Баб-эль-Мандебский пролив и Гибралтар. Не менее значимым фактором является необходимость совместной борьбы с терроризмом и экстремизмом, представляющими серьезную угрозу для безопасности и внутренней стабильности стран региона. Кроме того, регулярные конфликты как на региональном, так и на глобальном уровнях вынудили обе стороны искать стратегических партнеров для поддержания безопасности и укрепления оборонного потенциала.

Первым фактором, способствующим сближению Марокко с государствами ССАГПЗ, является схожесть их политических систем, основанных на монархическом правлении, что создает благоприятные условия для сотрудничества. Несмотря на различия в традициях и культурных особенностях, каждая из этих стран, сохраняя монархические устои, способствовала формированию устойчивых дипломатических отношений, построенных на взаимном уважении и понимании¹³⁰. Такая схожесть в

---

¹²⁹ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. С. 108-137.

¹³⁰ Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б.

структуре государственной власти обеспечила не только предсказуемость и стабильность в межгосударственных отношениях, но и возможность более эффективного обсуждения вопросов безопасности и защиты национальных интересов. Следовательно, благодаря единству в формах политического управления страны легче находят компромиссы и разрабатывают совместные стратегии, направленные на противодействие общим вызовам и угрозам, что, безусловно, укрепляет их военно-политическое сотрудничество.

Марокко и страны ССАГПЗ не только обладают схожими подходами к управлению, но и разделяют общие стратегические интересы. Сходство их приоритетов находит свое выражение в ряде инициатив, направленных на усиление безопасности региона, включая совместные военные учения, обмен опытом и информацией, а также активное участие в региональных инициативах по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Вторым важным фактором, способствующим углублению военно-политического сотрудничества между Марокко и государствами ССАГПЗ, является общая религия - ислам, а также схожие культурные традиции и исторические корни. Ислам как общая вера поспособствовала не только укреплению братства между народами, но и совместным усилиям в области безопасности, где ценности и традиции становятся основой для взаимодействия: ведь согласно исламским принципам, поддержка друг друга в трудные времена является ключевым аспектом. В результате этого одними из приоритетных задач государств ССАГПЗ и Марокко стала не только защита своих национальных интересов, но и обеспечение благосостояния мусульманского мира в целом. Важную роль в этом сыграли совместные религиозные мероприятия и инициативы, направленные на развитие диалога между различными ветвями ислама.

Третьим важным фактором, способствующим развитию военно-политического сотрудничества между Марокко и странами ССАГПЗ, стала

необходимость обеспечения безопасности морских путей, особенно в условиях возросших угроз пиратства. Стратегическое положение Марокко и его доступ к Гибралтарскому проливу играет ключевую роль в обеспечении безопасности международной торговли и транспортировки нефти, что делает это сотрудничество особенно актуальным в свете глобальных экономических и политических вызовов. Гибралтарский пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном, представляет собой важнейший маршрут для морских перевозок и используется для транспортировки нефти, газа и ряда других стратегических товаров, что делает его критически важным для стран, сильно зависимых от экспорта энергоресурсов, таких как Саудовская Аравия и ОАЭ. Для стран Персидского залива обеспечение безопасности Гибралтарского пролива имеет важное стратегическое значение, так как его закрытие или нарушение безопасности в этом районе может привести к серьезным экономическим последствиям, так как через этот маршрут проходит более 90% нефти из Персидского залива¹³¹.

Важно отметить, что сотрудничество между Марокко и странами ССАГПЗ в сфере безопасности морских путей включает в себя множество совместных инициатив и программ. Одним из ключевых направлений сотрудничества является обмен разведывательной информацией о потенциальных угрозах, таких как пиратство и террористическая деятельность в районе пролива. Страны работают над созданием эффективных систем мониторинга и реагирования на инциденты в реальном времени. Регулярные совместные военные учения, направленные на укрепление боевой готовности и оперативной совместимости между морскими силами Марокко и армиями стран ССАГПЗ, позволяют отрабатывать сценарии защиты стратегически важных морских маршрутов.

Четвертым значимым фактором, способствующим сближению стран

---

¹³¹ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. С. 108.

ССАГПЗ с Марокко в области военно-политического сотрудничества, является необходимость борьбы с терроризмом, ставшая особенно актуальной в начале 2000-х годов¹³², чему предшествовал ряд шокирующих событий, среди которых выделяется теракт 11 сентября 2001 года в США, который кардинально поменял мировую повестку в области безопасности. Вскоре после этого, в 2003 году, Марокко стал жертвой серии терактов в Касабланке, унесших жизни 45 человек и ранивших более ста¹³³, что показало уязвимость страны перед угрозами со стороны экстремистских группировок, таких как Аль-Каида¹³⁴ и ее местные ячейки, и создало необходимость пересмотра марокканскими властями своих подходов к внутренней безопасности, а также активизации международного сотрудничества в данной сфере. Поворотный момент, вызванный атаками в Касабланке, послужил толчком для разработки более эффективных стратегий борьбы с терроризмом, в том числе через обмен информацией и опытом с другими арабскими странами, такими как страны Персидского Залива. Саудовская Аравия и ОАЭ стали основными партнерами в этой сфере, предоставляя значительную помощь в виде обмена разведывательной информацией, ресурсов для борьбы с терроризмом и технологий для повышения безопасности. Также в части борьбы с терроризмом важно отметить, что Марокко активно участвует в различных многосторонних форумах и инициативах. В 2011 году король Марокко Мухаммед VI объявил о создании Национального центра по борьбе с терроризмом и экстремизмом, который стал важным партнером для стран Персидского залива в области обмена опытом и ресурсами.

Однако терроризм угрожал не только Марокко, но и самим государствам Персидского залива. В 2003–2004 годах Саудовская Аравия пережила серию крупных терактов, организованных «Аль-Каидой» на Аравийском

---

¹³² Там же. С.137.

¹³³ Sputnik. Twenty years on: A look back at the Casablanca bombings of 2003. Sputnik News. May 16, 2023. URL: <https://en.sputniknews.africa/20230516/twenty-years-on-a-look-back-at-the-casablanca-bombings-of-2003-1059224084.html> (accessed December 4, 2023).

¹³⁴ Запрещенная в России террористическая организация

полуострове», включая атаки на жилые комплексы в Эр-Рияде и Хубаре, жертвами которых стали десятки человек. В последующие годы террористическая активность в регионе не ослабевала: в 2015–2016 годах экстремисты совершили нападения на шиитские мечети в Кувейте и Саудовской Аравии, а также атаковали силы безопасности. Данные события подтолкнули страны ССАГПЗ к активному сотрудничеству в сфере контртеррористической деятельности, а также к укреплению союзов с партнерами, разделяющими их стратегические интересы в обеспечении безопасности.

Пятым немаловажным фактором сближения стран ССАГПЗ и Марокко стали регулярные конфликты, как региональные, так и глобальные, стимулирующие обе стороны к поиску стратегических партнеров для поддержания безопасности¹³⁵.

Первым из значимых событий, оказавших влияние на эти отношения, была война в Персидском заливе в 1990-1991 годах, и вторжение Ирака в Кувейт стало не только актом агрессии, но и вызовом для стабильности всего региона. В ответ на угрозу международный альянс, возглавляемый США, сформировал многонациональные силы для освобождения Кувейта. В это бурное время Марокко проявило активную солидарность с государствами Персидского залива, присоединившись к коалиции и предложив свои ресурсы и силы, что стало символом готовности Марокко к сотрудничеству и демонстрации того, что безопасность на региональном уровне требует коллективных усилий.

Следующий важный этап на пути укрепления этих отношений пришел с началом гражданской войны в Алжире в 1991 году. Конфликт, длившийся до 2002 года, обнажил проблемы, с которыми столкнулись многие страны Северной Африки, включая угрозу радикализации и распространение экстремистских идей. Страны ССАГПЗ, понимая, что нестабильность в

---

¹³⁵ Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. С. 87.

Алжире может отразиться и на их собственных границах, начали более активно поддерживать Марокко в борьбе с экстремизмом. Гражданская война в Алжире подтолкнула к формированию более крепких связей, основанных на общей заинтересованности в обеспечении безопасности и стабильности в регионе.

Затем пришла волна протестов, известная как Арабская весна, которая охватила арабский мир в 2010-2011 годах. Протесты, начавшиеся в Тунисе, быстро распространились на Египет, Ливию, Сирию и другие страны и привели к свержению некоторых режимов и возникновению гражданских войн, поставив перед государствами ССАГПЗ и Марокко новые вызовы. Политическая нестабильность, угроза радикализации и возможность увеличения влияния экстремистских группировок стали предметом общей озабоченности. Несмотря на то, что Марокко смогло избежать крупных потрясений внутри страны, оно активно взаимодействовало с государствами Персидского залива, поддерживая общие усилия по стабилизации региона и борьбе с радикальными движениями¹³⁶.

С начала 2010-х годов на военно-политическое сотрудничество между Марокко и странами ССАГПЗ оказали значительное влияние конфликты в Ливии и Сирии. Ливийская гражданская война, начавшаяся в 2011 году после свержения Муаммара Каддафи, и продолжающийся конфликт в Сирии стали ключевыми вызовами для арабских стран, требуя от них активного вовлечения и выработки сбалансированной стратегии в условиях меняющейся геополитической обстановки. Саудовская Аравия и ОАЭ сыграли важную роль в обоих конфликтах, поддерживая различные стороны в борьбе за власть. Марокко в свою очередь приняло активное участие в усилиях по поиску мирного разрешения конфликтов в Ливии и Сирии. В 2015 году страна была одним из инициаторов создания Ливийского политического соглашения, которое должно было стать основой для формирования единого правительства

---

¹³⁶ Долгов Б.В. Феномен Арабской весны 2011-2016 гг. Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. Едиториал УРСС, 2020. С. 162.

в Ливии. Важным моментом в этом отношении стало проведение в марокканском городе Сале переговоров между различными ливийскими группами.

Что касается Сирии, Марокко поддерживало дипломатические усилия по урегулированию конфликта и с начала кризиса заняло позицию, направленную на поиск политического решения. В 2012 году Рабат принимал у себя конференцию «Друзья Сирии», на которой обсуждались пути поддержки сирийской оппозиции и оказание гуманитарной помощи. Несмотря на то, что страна не играла ведущей роли в сирийском урегулировании, она оставалась сторонником многосторонних инициатив и участвовала в дипломатических форматах, направленных на стабилизацию региона.

Не меньшим испытанием для военно-политического союза между Марокко и странами ССАГПЗ стал конфликт в Йемене, начавшийся в 2015 году. Гражданская война между правительственными силами и хуситами, поддерживаемыми Ираном, вызвала особое беспокойство у стран ССАГПЗ. Саудовская Аравия, возглавившая арабскую коалицию, сделала шаги для поддержки легитимного правительства Йемена. Марокко, присоединившись к коалиции и направив свои войска, продемонстрировало свою готовность участвовать в региональных военных конфликтах и поддерживать своих партнеров¹³⁷. Конфликт в Йемене стал важной вехой, укрепившей военно-политическое сотрудничество и показавшей необходимость совместных усилий в обеспечении стабильности и безопасности, особенно в условиях внешних угроз со стороны Ирана¹³⁸.

Западная Сахара также стала одним из ключевых вопросов в военно-политических отношениях между Марокко и странами ССАГПЗ. Статус этого региона остается предметом споров с конца 1970-х годов, когда Марокко взяло

---

¹³⁷ Костелянец С. В. Африканский фактор в йеменском конфликте // Азия и Африка сегодня. 2016. № 5(706). С. 29-34.

¹³⁸ Основные этапы конфликта в Йемене / ТАСС. 2017.04.12. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2598135>

его под свой контроль после вывода испанских колониальных сил¹³⁹. С тех пор конфликт между Марокко и ПОЛИСАРИО продолжается, и его политические последствия ощутимы на уровне как региональной, так и международной политики. Для стран Персидского залива, таких как Саудовская Аравия и ОАЭ, вопрос Западной Сахары представляет собой не только территориальную, но и геополитическую дилемму¹⁴⁰. Государства традиционно поддерживают суверенитет Марокко над Западной Сахарой, что является важной частью их внешней политики в регионе. Поддержка со стороны Саудовской Аравии и ОАЭ основывается на желании сохранить стабильность и предотвратить дальнейшую радикализацию в Северной Африке, которая могла бы возникнуть в результате неразрешенности конфликта. Важной вехой в этом контексте стало заявление марокканского короля Мухаммеда VI в 2017 году, в котором он подчеркнул, что Марокко ожидает от своих партнеров, включая страны Персидского залива, поддержки в вопросе суверенитета над Западной Сахарой¹⁴¹. Саудовская Аравия и ОАЭ последовательно подтверждали свою позицию, поддерживая инициативы Марокко на международной арене и выступая против вмешательства иностранных государств в этот конфликт. Кроме того, в 2020 году, когда администрация Дональда Трампа признала суверенитет Марокко над Западной Сахарой в обмен на нормализацию отношений с Израилем, поддержка со стороны арабских стран только усилилась. Саудовская Аравия, ОАЭ и другие государства Персидского залива приветствовали это решение, рассматривая его как важный шаг к стабилизации региона.

Таким образом, завершая первую главу, в которой рассматриваются национальные интересы и основы военно-политического сотрудничества между Марокко и государствами Совета сотрудничества арабских государств

---

¹³⁹ Володина М.А. Роль этнического фактора в процессе политической трансформации Северной Африки // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. - 2016. № 1(7). С. 149 - 171.

¹⁴⁰ Крючков И.В. Внешняя политика Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в начале XXI века. Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т.22.№3. 49-57 с.

¹⁴¹ Morocco's King Mohammed VI Praises French Support for Sovereignty Over Sahara [Электронный ресурс] // MyJoyOnline.com. URL: <https://www.myjoyonline.com/moroccos-king-mohammed-vi-praises-french-support-for-sovereignty-over-sahara>

Персидского залива, следует подчеркнуть, что это взаимодействие базируется на совокупности исторических, политических и экономических предпосылок, формируя надежный фундамент для дальнейшего укрепления их связей в условиях современных вызовов и угроз.

Во-первых, монархическая форма правления обеих сторон, обеспечивая стабильность и преемственность во внутренней политике, закладывает прочную основу для взаимопонимания и согласованности действий в сфере безопасности.

Во-вторых, стратегическая значимость морских путей, через которые экспортируются нефть и газ, порождает общие интересы в поддержании стабильности в регионах, примыкающих к важным проливам и морским маршрутам. Подобная заинтересованность способствует более тесному сотрудничеству Марокко и ССАГПЗ в вопросах морской безопасности.

Третьим ключевым фактором выступает общая угроза терроризма и экстремизма: растущие вызовы со стороны радикальных группировок стимулируют интенсивный обмен разведывательными данными и совместное проведение антитеррористических операций.

Наконец, острую актуальность в глазах обеих сторон приобрели затяжные региональные конфликты (в том числе сирийский кризис, йеменская война и противостояние с Ираном), а также проблема Западной Сахары, требующие более активного взаимодействия и согласованной политики в области безопасности. Именно совокупность перечисленных факторов позволила военно-политическому сотрудничеству Марокко и ССАГПЗ укрепиться и заложить потенциал для дальнейшего развития.

1.3. Стратегические интересы и правовая база сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ

Стратегические приоритеты, оказывающие влияние на партнерство Марокко и государств ССАГПЗ, отражаются в устремлениях к упрочению

региональной стабильности, повышению экономических возможностей и расширению сферы совместной безопасности. Первичные формы стратегических приоритетов и правовой базы закладывались еще в конце 1970-х – начале 1980-х, когда Хассан II, предшественник Мухаммада VI, налаживал контакт с Эр-Риядом в контексте арабо-израильских и региональных противоречий. Документы, подписанные в тот период, носили характер взаимных политических обязательств, дополняя их финансовой поддержкой со стороны Саудовской Аравии¹⁴². Начиная с 1980-х годов лидеры ближневосточных монархий начали координировать ответ на такие вызовы, как распространение экстремистских идей, локальные конфликты и недостаточная диверсификация экономик. Марокканская дипломатия, стремясь укрепить свои геополитические позиции, с конца 1990-х годов начала активно искать союзников, способных обеспечить доступ к инвестиционным ресурсам и гарантии безопасности. Стратегия, поддерживаемая монархическим правлением, опиралась на культурные и религиозные связи, сложившиеся между Северной Африкой и Аравийским полуостровом. Страны Залива, со своей стороны, получали геостратегические преимущества благодаря выходу к атлантическим маршрутам, финансовым проектам и возможности налаживания политических союзов в Северной Африке¹⁴³.

Мухаммад VI, придя к власти в 1999 г., укреплял политические институты, сосредотачиваясь на расширении дипломатических контактов с влиятельными игроками ближневосточного пространства. Он, продолжая линию предшественников, поддерживал сохранение монархической системы в арабском мире, полагая, что устойчивость династий имеет первостепенное значение для стабильности региона¹⁴⁴. Страны ССАГПЗ, среди которых наиболее весомыми партнерами выступали Саудовская Аравия и ОАЭ, искали

---

¹⁴² Al-Rasheed M. A History of Saudi Arabia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, P. 145

¹⁴³ Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000. С.161.

¹⁴⁴ Куделев В.В. Марокко: на пороге третьего тысячелетия // Ближний Восток и современность. Вып. 8. М., 1999. С.192.

пути обеспечения безопасности монархической системы и защиты энергетической инфраструктуры¹⁴⁵.

Одной из наиболее серьезных угроз для монархий Персидского залива и Марокко оставался политический ислам, в частности идеология исламистских движений, таких как «Братья-мусульмане»¹⁴⁶. ОАЭ рассматривали это движение как экзистенциальную угрозу для монархического правления, поскольку оно продвигало модель республиканского исламского управления, в которой традиционные династии могли быть вытеснены или серьезно ослаблены. В Саудовской Аравии и Бахрейне также существовали опасения относительно влияния исламистских движений, особенно в периоды политической нестабильности, таких как Арабская весна. В Марокко же исламская партия «Партия справедливости и развития», несмотря на участие в политическом процессе, вызывала опасения у правящих элит, поскольку могла стать катализатором усиления оппозиционных настроений. В данном контексте стремление к совместным мерам приобрело новый смысл, поскольку наличие общих врагов, включая террористические сети, радикальные исламистские движения и идеологические угрозы со стороны политического ислама, делало военную консолидацию и идеологическое противодействие приоритетной целью. Монархии Персидского залива активно инвестировали в программы контрэкстремизма, поддерживали антиисламистские силы в регионе и усиливали информационные кампании, направленные на дискредитацию радикальных группировок. Более того, некоторые страны, такие как ОАЭ и Саудовская Аравия, инициировали активную борьбу с «Братьями-мусульманами» не только внутри своих границ, но и на международном уровне, включая давление на Катар за его поддержку исламистских движений. Стороны обсуждали возможные форматы, включая заключение отдельных соглашений об обороне, подписание меморандумов о

---

¹⁴⁵ Мелкумян Е.С.: «ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах», ИИИиБВ и ИВ РАН, М., 1999 г., С.97.

¹⁴⁶ Запрещенная в России террористическая организация

поставках вооружений и формирование общего нормативного поля, базирующегося на конвенциях, принятых Организацией исламского сотрудничества и Лигой арабских государств.¹⁴⁷

Важно отметить роль королевского окружения, которое непосредственно влияло на ратификацию документов в области сотрудничества с ССАГПЗ. Суверен Марокко имел полномочия утверждать международные договоры и давать поручения правительству по подготовке соответствующих нормативно-правовых актов¹⁴⁸. В результате возникала ситуация, при которой основа правовых изменений формировалась в узком кругу советников, затем направлялась в парламент и утверждалась указами. Стратегический интерес высшей власти заключался в том, чтобы сочетать внешние альянсы с внутривластным спокойствием. Консервативные силы, представляющие религиозные круги, порой выражали скептицизм относительно сближения с монархиями Персидского залива, считая возможным негативное влияние. Руководство Марокко в ответ указывало на перспективы экономического и военного роста, заверяя оппонентов в том, что национальная самобытность не подвергается угрозе. Юридическое оформление подобных соглашений придавало им прозрачность и структурированность, что способствовало их более легкому восприятию обществом¹⁴⁹.

В то же время, руководители ССАГПЗ, выстраивая диалог с Рабатом, понимали, что только взаимовыгодная основа имеет право на существование. Стремление закрепить баланс обязательств привело к появлению соглашений, где прописывалось, что каждая сторона сохраняет право на самостоятельное принятие решений, руководствуясь национальными интересами¹⁵⁰. Подобная норма придавала гибкость механизму коллективной обороны и защищала

---

¹⁴⁷ Исаев Г.Г., Сотниченко А.А. Ближний Восток: война и политика. М., Издательский дом Марджани, 2017. С.12.

¹⁴⁸ Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2001. С.27.

¹⁴⁹ Куделев В.В. Марокко: Шаг вперед или смена фасада? Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000. С.45.

¹⁵⁰ GCC Secretariat General. Annual Report. Riyadh, 2009. URL: <https://gcc-sg.org/en/MediaCenter/DigitalLibrary/Documents/3331355824160.pdf>

Марокко от давления, иногда исходившего из сторонних геополитических центров. Система многосторонних соглашений включала статьи, помогающие урегулировать спорные ситуации путем арбитража внутри ССАГПЗ. Следовательно, стратегическая координация, базирующаяся на юридической взаимодополняемости, снижала риск конфликтов интересов и открывала путь для долгосрочных альянсов.

Рассматривая правовую базу важно отметить, что Рабат уделял внимание законодательно закреплённому статусу вооружённых сил и их взаимодействию с зарубежными союзниками. В результате долгих консультаций, продолжавшихся в 2000-е, стороны согласовывали ключевые принципы обмена разведывательными сведениями и совместных учений¹⁵¹. В 2006 г. был принят двусторонний протокол с Эр-Риядом об увеличении числа военных стажировок¹⁵². В дальнейшем расширились контакты с Бахрейном, Катаром, Оманом и Кувейтом, формировались юридические документы, регламентирующие сотрудничество по подготовке авиационных специалистов, обучению в морских академиях, а также процедурам обмена операционными данными при возникновении кризисных ситуаций¹⁵³. Важно отметить 2009 год, когда ведущие государства Залива стали инициаторами стратегии интеграции Марокко в совместное пространство координации, ориентированное на оборону и борьбу с экстремистскими движениями. Подобная идея обсуждалась на саммите Совета сотрудничества, проходившем в Эр-Рияде в мае указанного года¹⁵⁴. Акцент делался на аргументах, демонстрирующих значимость приграничных зон Северной Африки, потенциально уязвимых для террористических угроз. Предполагалось повысить уровень осведомлённости марокканских спецслужб о деятельности

---

¹⁵¹ "Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке: хрестоматия" / [сост. Т. А. Махмутов, Р. Ш. Мамедов, О. А. Пылова]; Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2016. С. 129-132. https://russiancouncil.ru/upload/iblock/688/riac_book_mena_military_power.pdf

¹⁵² Министерство иностранных дел Саудовской Аравии. Официальный сайт. URL: <https://www.mofa.gov.sa/ar/Pages/default.aspx>

¹⁵³ Министерство иностранных дел и международного сотрудничества Марокко. Официальный сайт. URL: <https://in.diplomatie.ma/>

¹⁵⁴ GCC Secretariat General. Annual Report. Riyadh, 2009. URL: <https://gcc-sg.org/en/MediaCenter/DigitalLibrary/Documents/3331355824160.pdf>

незаконных группировок в Сахеле, а также ввести единую систему перехвата сигналов, необходимую для выявления каналов трафика оружия. Преимущества, получаемые монархиями Персидского залива, заключались в обретении военно-политического союзника, обладающего опытом противодействия радикальным течениям и значительным кадровым ресурсом.

Важно отметить, что углубление правовой базы становилось также и оправданной реакцией на рост внешних вызовов, связанных с обстановкой в Ливии, Йемене, а также в иных нестабильных точках Ближнего Востока¹⁵⁵. В частности, события «Арабской весны» ускорили попытки Рабата согласовать оборонные инициативы с органами ССАГПЗ. Потребовалось дополнительное уточнение позиций, отраженных в многосторонних документах: Своде принципов коллективной безопасности, положении о недопущении поддержки экстремистских групп и соглашениях в рамках борьбы с нелегальной миграцией. Одновременно рассматривались дополнительные протоколы по обмену заключенными. Правовая основа подобных механизмов опиралась на конвенции, подписанные в Организации исламского сотрудничества в конце 1990-х и обновленные в 2014 г.¹⁵⁶

Дополнительно ситуация в Йемене с 2015 г. показала, что участие внешних сил в урегулировании конфликтов нуждается в четких юридических согласованиях по правилам ведения боевых действий, защите гражданского населения и обеспечению гуманитарных коридоров. Марокканская сторона, отправлявшая военных специалистов, руководствовалась принципами международного права, связанными с гуманитарными операциями. Страны Залива, в свою очередь, соглашались соблюдать нормы, прописанные в документах ООН, и придерживались позиций, согласованных на уровне ССАГПЗ. Между тем часть правозащитных организаций настаивала на

---

¹⁵⁵ The Evolution of the Regional Security Complex in the MENA Region // Emirates Diplomatic Academy. 2018. URL: https://www.agda.ac.ae/docs/default-source/Publications/eda_working-paper_regional-security-complex_en.pdf?sfvrsn=de646d3b_4

¹⁵⁶ Организация исламского сотрудничества. Конвенция ОИС по борьбе с международным терроризмом. Джидда: Организация исламского сотрудничества, 1999. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/125385/268.pdf>

дополнительном контроле за соблюдением правового режима. В итоге в 2017–2018 гг. появились протоколы, формализующие процедуру привлечения независимых наблюдателей и регламентирующие документирование возможных нарушений. Указанные протоколы, ратифицированные рядом арабских государств, закрепляли важный прецедент юридической ответственности участников коалиционных операций¹⁵⁷.

Отдельно также стоит упомянуть дипломатическую активность, связанную с урегулированием палестинского вопроса. Марокко, являясь председательствующим в Комитете Аль-Кудс при ОИС (структуре, созданной в 1975 году для защиты исламского наследия Иерусалима и поддержки палестинцев) придерживалось линии, ориентированной на защиту интересов палестинского народа, считая религиозный фактор определяющим для всего исламского мира. Страны Залива нередко демонстрировали финансовую поддержку палестинским организациям, при этом желая координировать усилия с Рабатом на международных площадках. Подобная координация приобретала юридическое содержание в документах, регламентирующих распределение гуманитарной помощи, открытие представительств и защиту прав верующих в Иерусалиме. Марокканские дипломаты, пользуясь своим статусом в Комитете Аль-Кудс, вносили правовые дополнения в соглашения, заключенные на уровне ОИС, повышая степень вовлеченности ССАГПЗ в мирный процесс¹⁵⁸.

Также важно отметить, что в 2019 г. стороны подписали коммюнике, где указывалось стремление укреплять совместную дипломатическую деятельность при рассмотрении ближневосточных вопросов, включая палестинско-израильское урегулирование и сирийский конфликт. Правовая основа согласования позиций в межарабском формате базировалась на Уставе

---

¹⁵⁷ Мелкумян Е. С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после "Арабской весны" // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-podhodov-soveta-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-zaliva-k-problemam-bezopasnosti-posle-arabskoy-vesny>

¹⁵⁸ Организация исламского сотрудничества. Ежегодный отчет. Джидда: Организация исламского сотрудничества, 2017. URL: <https://www.oic-cert.org/en/download/170301%20OIC-CERT%20Annual%20Report%20v2%20170310.pdf>

ЛАГ, который предусматривал проведение консультаций по важнейшим вопросам внешней политики¹⁵⁹. Марокко, преследуя цель усиления собственного голоса в международных делах, взаимодействовало с ССАГПЗ, формируя стратегический контур, помогающий лоббировать совместные резолюции. Подобная практика, основываясь на юридических положениях, способствовала единой позиции по ряду проблем, включая борьбу против терроризма и конфликты в Ливии и Йемене. В результате подписанных документов стороны договорились согласовывать публичные заявления, избегая ситуаций, при которых одна страна высказывала точку зрения, противоречащую интересам другого партнера в рамках объединения.

Помимо важности заключения соглашений, направленных на урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке в рамках международных организаций, следует указать на ряд многосторонних соглашений по морской безопасности, где Марокко, имея значительную береговую линию, выступало за ужесточение мер по пресечению контрабанды и нелегального перемещения лиц, связанных с экстремистскими группами. В 2014 г. в Манаме проходил форум, на котором министры обороны государств Залива и представители Марокко внесли поправки в документ о коллективном патрулировании акваторий, прилегающих к Красному морю и Аденскому заливу¹⁶⁰. Данному документу предшествовали рекомендации Международной морской организации, призывавшей к координации действий против пиратства. Марокко предлагало узаконить расширенные полномочия совместных военно-морских сил, чтобы инспектировать суда, вызывающие подозрение в контрабанде оружия. Практическое внедрение подобных норм началось в 2015–2016 гг., когда совместные патрули проводились у берегов Йемена в связи с последствиями локального конфликта. Юридическая сторона позволяла снизить риск юридических коллизий при задержаниях, а наличие

---

¹⁵⁹ League of Arab States. Defense Council Minutes. Cairo, 2015. P. 45.

¹⁶⁰ Al-Sudairi M., Hwang J. Maritime Security Cooperation in the GCC: Assessing Structures and Strategies. Gulf Research Center Monograph, 2015. P.32.

общей базы данных облегчало обмен сведениями о судовладельцах, маршрутах и типах перевозимого груза¹⁶¹. Сформировалась система, где нормативные акты ССАГПЗ, морские конвенции ООН и двусторонние протоколы с Марокко действовали в едином пространстве.

Дополнительно следует отметить усилия по противодействию финансированию экстремистских движений. Марокко, обладая опытом мониторинга финансовых потоков, оказывало содействие в разработке правовых инструментов, признающих необходимость комплексного контроля банковских операций. Уточненные положения, принятые на совещаниях ОИС в 2018–2019 гг., призвали к усилению взаимодействия между национальными финансовыми надзорными органами и размещению представителей компетентных министерств в совместных координационных центрах. Стороны согласовали план по совместному выявлению подозрительных транзакций, а также правила по обмену конфиденциальными данными для оперативного реагирования. Правовая сторона указанных шагов учитывала пункты международных документов и опиралась на резолюции Совета Безопасности ООН, запрещающие поддержку террористических структур. Стратегический замысел заключался в том, чтобы исключить скрытые финансовые каналы, которые могли бы подорвать безопасность в регионе Залива и в Северной Африке¹⁶².

Также интерес к правовой базе сотрудничества вызывают финансовые компоненты стратегических договоренностей, без которых военные и политические цели трудно было бы осуществить. Соглашение об инвестициях в инфраструктурные проекты Марокко, принятое на встрече министров финансов в Кувейте в 2013 г., содержало юридические формы, позволяющие упрощать процедуры кредитования, стимулировать движение капиталов, а также создавать совместные предприятия в сфере энергетики¹⁶³. Взаимосвязь

---

¹⁶¹ Damis J. Sources of political stability in modernizing monarchical regimes: Jordan and Morocco // *Civilian rule in the developing world* / J. Damis (Eds.). Routledge, 2019. P. 23-51.

¹⁶² *Guidance on Terrorist Financing Risk Assessment*. Paris : Financial Action Task Force, 2019. P.23.

¹⁶³ ISDB. *Annual Report 2013 / Islamic Development Bank*. Jeddah : Islamic Development Bank, 2013. P.14.

экономической и военной областей нашла отражение и в меморандумах о поставках вооружений, заключенных с использованием льготных экспортных кредитов. Подобная правовая конструкция подкреплялась постановлениями Исламского банка развития, ЛАГ и других институтов, выступающих посредниками при согласовании норм. За счет подобных соглашений Рабат смог диверсифицировать вооружения, укрепить оборонный потенциал, а страны Залива получили дополнительный политический капитал, укрепляя лояльные партнерские отношения.

Важно отметить, что основа правового поля стран ССАГПЗ и Марокко не ограничивалась только военными и финансовыми элементами. Важно обозначить значимость вопросов, связанных с культурным взаимодействием и образовательными программами. Стремление к сохранению национальной идентичности в правовом поле партнерства прослеживалось при рассмотрении вопросов и религиозного образования. ССАГПЗ, где преобладают варианты суннитского ислама, сталкивался с необходимостью координации совместных образовательных курсов. Марокко, обладая системой духовного обучения, опирающейся на маликитскую правовую школу, рекомендовало создавать центры подготовки имамов, где преподавались толерантные и умеренные версии исламской мысли. Правовая база, заключенная в виде меморандумов между министерствами вероисповеданий, закрепляла механизм взаимных визитов, обучения и сертификации религиозных деятелей¹⁶⁴. Стратегическая значимость подобной практики заключалась в профилактике радикальных толкований, распространение которых могло подорвать стабильность. Представители монархий Персидского залива периодически озвучивали идею поддержки марокканских религиозных институтов, считая такой вклад важной составляющей общеарабской солидарности.

---

¹⁶⁴ Al Suwaidi, M. The UAE education system is pushing for peace and religious tolerance—the rest of the region should follow suit // Atlantic Council. 2023. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-uae-education-system-is-pushing-for-peace-and-religious-tolerance-the-rest-of-the-region-should-follow-suit/>

Кроме того, партнерские соглашения, заключенные между министерствами высшего образования Марокко и государствами ССАГПЗ, включали положения о признании дипломов, обменах профессорско-преподавательским составом, финансировании студенческих грантов. Выпускники военных академий, прошедшие стажировку в странах Залива, формировали костяк специалистов, знакомых с доктринами ССАГПЗ, что облегчало дальнейшую унификацию процедур управления и планирования. Подобные достижения зачастую сопровождались подписями министров иностранных дел и обороны, поскольку гуманитарное измерение неотрывно от вопросов региональной безопасности¹⁶⁵.

Необходимо выделить еще один важный аспект правовой базы сотрудничества - юридические меры, направленные на стабилизацию социально-экономического положения, позволяющие предотвращать внутреннюю радикализацию. В частности, в 2016 г. стороны синхронизировали программы трудовой миграции, поскольку значительное число марокканцев традиционно работало в Заливе и нуждалось в правовой защите¹⁶⁶. Документ, подписанный на форуме в Дохе, устанавливал единый алгоритм оформления трудовых договоров, а также гарантии медицинской страховки для семей, переезжающих вместе с трудовыми мигрантами. Стратегический интерес ССАГПЗ заключался в том, чтобы привлекать квалифицированных специалистов, обладающих необходимыми компетенциями, и при этом сохранять социальную стабильность. Марокко заинтересованно относилось к возможности получения денежных переводов, формирующих существенную статью в его экономике. Правовая база была ориентирована на благо обоих партнеров, снижая риски нелегальной миграции и перерастания социальных проблем в поле радикальных идей.

---

¹⁶⁵ Religion in Moroccan Schools // Oasis Center. 2023. URL: <https://www.oasiscenter.eu/en/religion-moroccan-schools>

¹⁶⁶ Udaya R. Labor migration, remittances, and the economy in the Gulf Cooperation Council region // Comparative Migration Studies. 2024. Vol. 12. Article № 30. URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-024-00390-3>

Таким образом, процесс формирования правовой основы, включающий стратегические цели Марокко и ССАГПЗ, представляет собой сложную систему взаимосвязанных соглашений, законов, конвенций и уставных принципов, вплетенных в региональный и глобальный контекст. Страны, опираясь на монархический характер правления, стремятся укреплять собственную устойчивость, совместно реагируя на внешние и внутренние угрозы, а также продвигать экономические интересы за счет координации инвестиционных и технологических проектов. Нормативное поле охватывает обширный спектр: от регламентации военных учений и морского патрулирования до мер по борьбе с радикальной идеологией и совместных подходов к гуманитарным миссиям. Пространство, складывающееся из документов ЛАГ, ООН, ОИС, а также собственных актов ССАГПЗ, обогащается национальными законами и двусторонними соглашениями, создавая фундамент для дальнейшего развития интеграции. Решающий фактор - постоянная адаптация к меняющейся обстановке, позволяющая сохранять актуальность соглашений и придавать им все более систематизированную форму. Юридические и стратегические аспекты интегрировались в единое целое, формируя многоуровневую основу устойчивости сотрудничества, которое обе стороны воспринимают как ключевой инструмент для достижения долгосрочных целей и поддержания регионального баланса сил.

Глава 2. Направления и институциональные механизмы военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ

2.1. Направления и стратегические цели военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ

Военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ за последние два десятилетия приобрело комплексный и многовекторный характер, отражающий как особенности монархической модели правления, так и потребности каждой из сторон в укреплении своей безопасности и влияния. Стартовой точкой стало постепенное расширение контактов на уровне военных ведомств и штабов, которые искали пути к унификации организационных и тактических подходов, а также к совместному реагированию на угрозы вне зависимости от их происхождения. Постепенно эти контакты приобрели структурированную форму, опираясь на ряд соглашений, зафиксировавших намерение проводить учения, координировать закупки оружия, обмениваться разведданными и совместно участвовать в операциях по принуждению к миру или стабилизации конфликтных зон¹⁶⁷.

Одним из важнейших направлений такого взаимодействия стали масштабные военные учения, призванные формировать единую оперативную среду и выработать общий стандарт планирования. В конце 2000-х и начале 2010-х годов марокканские части регулярно приглашались в Саудовскую Аравию, а также в ОАЭ и Катар, чтобы принимать участие в маневрах, рассчитанных на проверку готовности противодействовать крупномасштабным наступательным действиям или терроризму¹⁶⁸. В ответ

---

¹⁶⁷ محمد فهد، عويس.

العربي الأمن ومستقبل الإقليمية التحالفات

– ص 298، 2019، الاستراتيجيات والبحوث للدراسات الإمارات مركز: ظبي أبو –

[Ауис, Фахд Мухаммад. Региональные альянсы и будущее арабской безопасности. Абу-Даби, 2019. – 298 с.]

¹⁶⁸ سمير، الهلابي.

العربي المغرب على وتأثيرها العربي الخليج في الجيوسياسية التحولات

– ص 312، 2021، رشد ابن دار: تونس –

[Аль-Хиляби, Самир. Геополитические изменения в странах Залива и их влияние на Магриб. Тунис, 2021. – 312 с.]

страны Залива получали возможность тренировать своих военных и офицерский состав на полигонах Марокко, отличающихся пустынно-горным рельефом, что было актуально для контрпартизанских операций. Участие в подобных учениях позволило создать доверие между командами и выработать совместимые регламенты взаимодействия. К этому же направлению относятся курсы переподготовки и взаимные стажировки: офицеры Марокко получают доступ к передовым авиасимуляторам и технике, эксплуатируемой в Саудовской Аравии и ОАЭ, а страны ССАГПЗ перенимают марокканский опыт участия в миротворческих миссиях и борьбы с иррегулярными формированиями в пустынной местности¹⁶⁹.

Вторым крупным блоком стало участие боевых операциях, в которых стороны демонстрировали не просто дипломатическую солидарность, а способность действовать как единый военный контингент. Наиболее наглядно это проявилось в йеменском конфликте: когда Саудовская Аравия в 2015 году возглавила военную коалицию для поддержки правительства Йемена, Марокко развернуло свои истребители F-16 в зоне боевых действий¹⁷⁰. Такой шаг укрепил доверие между союзниками и подтвердил, что декларации о братских связях превращаются в конкретную военную помощь. Несмотря на то, что впоследствии Марокко и сократило присутствие в Йемене, сам эпизод подчеркнул, что оба партнера воспринимают внешние угрозы монархическим режимам Ближнего Востока как часть общей проблемы региональной стабильности. Аналогичной логики придерживались стороны и при формировании антитеррористических коалиций против «Исламского государства»¹⁷¹ в 2014-2016 годах, где марокканские военные советники поддерживали усилия своих коллег из Залива в сфере обмена разведанными

---

¹⁶⁹ السعيد، خيرى.

الأمن العربي والتحديات المعاصرة
القاهرة: دار الفكر العربي، 2016. – 264 ص –

[Аль-Саид, Хайри. Арабская безопасность и современные вызовы. Каир, 2016. – 264 с.]

¹⁷⁰ Ardemagni, E. Emiratis, Saudis, Omanis: rising competition for the Yemen's Al Mahra / E. Ardemagni URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2017/12/28/emiratis-saudis-omanis-saudis-the-rising-competition-for-yemens-al-mahra/>

¹⁷¹ Запрещенная в России террористическая организация

и подготовки спецподразделений.

Тесно связанный с этим вектор – военно-техническое сотрудничество, включающее закупку вооружений, логистическую поддержку и совместное финансирование крупных контрактов. Марокко долгое время нуждалось в обновлении материально-технической базы своих ВС, но испытывало ограничения в бюджетной сфере. Страны ССАГПЗ, напротив, располагали существенными финансовыми ресурсами, хотели укрепить в регионе блок монархий и получали взамен активную поддержку Марокко во внешнеполитических вопросах, среди которых центральное место занимает иранская проблематика. За счет саудовских, эмиратских и катарских капиталов удалось профинансировать расширение парка боевой авиации Марокко, а также приступить к частичной модернизации сухопутных войск и системы ПВО¹⁷². Кроме того, при поддержке инвесторов из стран ССАГПЗ обсуждалось развертывание в Марокко производства отдельных видов военного снаряжения и техники, что не только усиливало обороноспособность королевства, но и открывало перспективы экспорта в другие страны Северной и Западной Африки.

Следующее значимое направление – многоуровневая антитеррористическая координация, которая тесно связана с обменом разведданными. Страны Залива не раз становились мишенью джихадистских группировок, а Марокко на своем опыте научилось пресекать радикальные ячейки после драматических событий в Касабланке в 2003 году¹⁷³. С середины 2000-х годов марокканские спецслужбы выработали эффективные методики противодействия экстремизму, сочетая оперативный мониторинг, внедрение агентов и социальные программы дерадикализации. Для государств ССАГПЗ такой опыт очень важен, учитывая возросший риск террористических атак и попытки боевиков проникать в королевские структуры. В рамках созданных

---

¹⁷² El Fassi, A. Le Maroc et le Moyen-Orient: entre solidarité arabe et réalpolitik // Annales de l'Université de Rabat. – 2018. – Série Sciences Politiques, No.5. P. 99–114.

¹⁷³ Ifriqiya, Revue Africaine. Monarchies du Golfe et Maroc: alliances royales // Ifriqiya. – 2013. – Vol.10. – P. 77–85.

совместных комитетов Марокко, Саудовская Аравия, ОАЭ и другие страны ССАГПЗ заключали протоколы об обмене информацией относительно подозрительных лиц, финансовых транзакций, вербовочных каналов. Тем самым диалог в сфере безопасности перестал быть абстрактным и приобрел строго практический характер: оперативные группы действуют в едином режиме, перекрывая пути иностранным боевикам, возвращающимся из сирийского или иракского театров, и одновременно сверяя данные об исламистских организациях, действующих через африканские или ближневосточные ячейки¹⁷⁴.

По мере усложнения технологий возросла потребность в защите цифровых инфраструктур, что послужило драйвером еще одного направления – кибербезопасности. В соответствии с достигнутыми меморандумами, государства Залива предоставляют Марокко доступ к передовым решениям в области киберзащиты, опираясь на собственные контакты с глобальными ИТ-концернами, а марокканские специалисты, среди которых есть немало выпускников европейских вузов, предлагают более дешевую и квалифицированную рабочую силу для совместных проектов¹⁷⁵. Подобный опыт укрепляет доверие и способствует созданию общих сетей мониторинга, которые позволяют выявлять кибератаки, исходящие из третьих стран или от недружественных акторов.

Еще одной составляющей общей системы безопасности становится морское и воздушное прикрытие стратегических коммуникаций. Странам Персидского залива важно, чтобы маршруты транспортировки нефти и газа, а также ключевые морские проливы оставались открытыми и безопасными. Марокко, опираясь на свое положение у Гибралтарского пролива и побережья Атлантики, способно при необходимости предоставлять контактные центры

---

¹⁷⁴ خيري، السعيد.

المعاصرة والتحديات العربي الأمن

– ص 264، العربي الفكر دار: القاهرة –

[Аль-Саид, Хайри. Арабская безопасность и современные вызовы. Каир, 2016. – 264 с.]

¹⁷⁵ Houdigui, R. Morocco and the GCC: Strategic Depth and Diversification. Doha: Arab Center for Research & Policy Studies, 2014. – 10 p.

для совместного патрулирования морских пространств в рамках международных операций¹⁷⁶. С середины 2010-х годов марокканские военно-морские силы принимали участие в совместных тренировках с ВМС Саудовской Аравии и ОАЭ, отрабатывая, среди прочего, поиск и задержание судов, перевозящих контрабандное оружие. Кроме того, с 2017–2018 годов шли переговоры о формировании более плотной структуры морского взаимодействия на случай обострения обстановки в Красном море или у берегов Йемена. Марокко, имея опыт миротворческих миссий в Африке, проявили готовности в возможной организации гуманитарных коридоров, если это потребуется при возникновении новых конфликтов.

Дополнительным мотивом всех перечисленных векторов выступает идея монархической солидарности и взаимного признания стратегических интересов друг друга. Страны Залива неизменно подтверждают поддержку Марокко по вопросу Западной Сахары, признавая суверенитет Рабата над этой территорией, что для королевства является одним из основных внешнеполитических приоритетов¹⁷⁷. Марокко, в свою очередь, поддерживает линию Залива в сдерживании иранского влияния и, при необходимости, участвует в выстраивании антииранского консенсуса на уровне Лиги арабских государств или Организации исламского сотрудничества. Периодические разногласия, связанные с конфликтами внутри ССАГПЗ (как это было в 2017 году при возникновении напряженности вокруг Катара), не отменяют общей тенденции к сопряжению военно-политических приоритетов. Гибкая дипломатия Рабата позволяет избегать крайних шагов и одновременно сохранять каналы взаимодействия со всеми заливными державами¹⁷⁸.

---

¹⁷⁶ Giuseppe Tassone. It Is Not Over Yet: The Arab Revolution between Culture and Political Economy // Arab Studies Quarterly / Published by: Pluto Journals, Vol. 37, No. 4 (Fall 2015), pp. 334-350

¹⁷⁷ العزيز عبد، الخليفة.

العربي والمغرب الخليج استقرار على الدولية التدخلات أثر السياسية، 2020. – 240 ص العلوم كلية، الكويت جامعة: الكويت –

[Аль-Халифи, Абдул Азиз. Влияние международного вмешательства на стабильность стран Залива и Магриба. Кувейт, 2020. – 240 с.]

¹⁷⁸ الكريم عبد، العلوي.

والتحديات الواقع: العربي العسكري التعاون ص 236 – 2020، المغربية النشر دار: الرباط –

[Аль-Алауи, Абд аль-Карим. Арабское военное сотрудничество: реальность и вызовы. Рабат, 2020. – 236 с.]

Таким образом, соединив военные учения, совместное участие в конфликтах, унификацию вооружений, контртеррористическую кооперацию и кибербезопасность, Марокко и страны ССАГПЗ формируют многоуровневое военно-политическое партнерство. Каждый из данных векторов, дополняя другие, в перспективе позволяет увеличить совокупный потенциал блока монархий, способных действовать не только в регионах собственных границ, но и на более отдаленных пространствах – от побережья Западной Африки до Ближнего Востока. Такая модель отвечает интересам сторон: Марокко фактически получает гарантии финансовой и политической поддержки, укрепляет свой оборонный потенциал и расширяет дипломатические возможности, тогда как государства Залива в лице Рабата обретают союзника с опытом африканской дипломатии и военной подготовки, а также с релевантными ресурсами для совместной борьбы с терроризмом и обеспечением безопасности ключевых маршрутов. Выстраивая данные направления, партнеры все больше приближаются к тому, чтобы их взаимодействие обрело устойчивые черты комплексного партнерства, ориентированного на долгосрочную перспективу и способного адаптироваться к быстро меняющимся условиям глобальной и региональной политики.

2.2. Институциональные механизмы взаимодействия и сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ в рамках региональных и международных организаций

Институциональные механизмы взаимодействия и роль международных организаций в сотрудничестве между Королевством Марокко и странами ССАГПЗ базируются на динамике двусторонних и многосторонних контактов, опирающихся на исторические предпосылки, региональные реалии, глобальные тенденции и конъюнктуру мировых рынков.¹⁷⁹ Формирование

---

¹⁷⁹ Gause, F. G. The International Relations of the Persian Gulf. Cambridge : Cambridge University Press,

комплексной системы кооперации во многом стало результатом усилий политических элит, стремившихся укрепить военную безопасность, усилить экономическую стабильность и повысить уровень своего влияния. Поскольку перечисленные процессы затрагивают широкий круг акторов, реализация совместных инициатив нуждалась в институциональных механизмах, способных принимать во внимание разнообразие сфер взаимодействия: от военного сотрудничества до культурных проектов.¹⁸⁰ Возрастание роли многосторонних институтов в регионе БВСА, наряду с участием мировых держав в урегулировании локальных конфликтов, создало благоприятные условия для укрепления сотрудничества между Марокко и странами Залива. Особого внимания заслуживает эволюция организационных контактов, увеличение значимости международных объединений и формирование консультативных механизмов, способствующих согласованию позиций и выработке общих стратегий.

Политические деятели Марокко, участвовавшие в процессах институционализации, стремились выстраивать взвешенный диалог с государствами Залива, соединяя традиционные интересы и ориентиры на модернизацию¹⁸¹. Желание сохранять баланс и при этом двигаться к более тесной кооперации отразилось в ряде двусторонних и многосторонних соглашений, заключенных на рубеже 2000-х. Под эгидой ЛАГ принимались резолюции, касавшиеся укрепления коллективной безопасности; в рамках ОИС озвучивались совместные заявления по вопросам регионального урегулирования; параллельно готовились протоколы о подготовке военных кадров. В заседаниях Совета министров иностранных дел ССАГПЗ, где присутствовали марокканские делегаты, уже в начале 2000-х годов обсуждался широкий спектр вопросов, начиная с планов военно-технической

2010. P. 17–22. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/international-relations-of-the-persian-gulf/10D7F9F3F07363FC3B55CB50594263F3>

¹⁸⁰ Aarts, P., Nonneman, G. *Saudi Arabia in the Balance*. London : Hurst & Company, 2005. P. 55–61.

¹⁸¹ Al-Rasheed, M. *A History of Saudi Arabia*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 84–88. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/history-of-saudi-arabia/ECBCE02EC88BCBCA1B5A0C8276C87495>

интеграции и заканчивая перспективами инвестиций в инфраструктуру¹⁸².

Верховная власть в Марокко, базирующаяся на конституционной монархии, занимала активную позицию, иницируя масштабные модернизационные проекты и привлекая внешние ресурсы для укрепления национальных силовых структур. Персональная роль короля Мухаммеда VI, пришедшего к власти в 1999 г., заключалась в поиске внешнеполитических инструментов, необходимых для обеспечения военно-политической стабильности¹⁸³. В рамках взаимоотношений со странами Залива он регулярно проводил саммиты на высшем уровне, где обсуждал перспективы совместных военных проектов с лидерами Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна, Катара, ОАЭ и Омана. Понимая их мощный экономический потенциал, марокканские элиты формировали структурированную повестку, выражавшую национальные интересы в сфере безопасности, экономики и дипломатии¹⁸⁴.

Институциональное поле в сфере взаимодействия значительно расширилось благодаря усилиям Генерального секретариата ССАГПЗ, призванного координировать политические и военные инициативы государств-членов¹⁸⁵. В начале 2000-х к переговорному процессу подключились структуры, ответственные за вопросы региональной безопасности: совместные комитеты генеральных штабов, профильные департаменты министерств обороны, органы внешнеполитических ведомств. Механизмы обмена разведданными наблюдались под постоянным контролем военных экспертов, пытавшихся упростить процедуры согласования планов учений, оптимизировать закупку вооружений и стандартизовать регламенты. Параллельно Марокко и государства Залива углубляли контакты на уровне глобальных организаций - ООН, ЛАГ, ОИС и африканских региональных

---

¹⁸² Aboultaif, A. GCC–Morocco Relations: Dimensions of an Arab Cooperation // Middle East Policy. 2011. Vol. 18, No. 4. P. 68–72. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-4967.2011.00508.x>

¹⁸³ Bennis, S. Morocco's Military Involvement in the GCC: Objectives and Challenges // Al Jazeera Centre for Studies. 2017. P. 3–5. URL: <http://studies.aljazeera.net/en>

¹⁸⁴ Daadaoui, M. Moroccan Monarchy and the Islamist Challenge: Maintaining Makhzen Power. New York : Palgrave Macmillan, 2011. P. 97–101

¹⁸⁵ Al-Sudairi, M., Hwang, J. Maritime Security Cooperation in the GCC: Assessing Structures and Strategies. Gulf Research Center Monograph, 2015. P. 22–25. URL: <http://www.grc.net>

объединений¹⁸⁶.

Высокая эффективность взаимодействия между Марокко и ССАГПЗ поддерживалась одновременным развитием экономических связей, чему в немалой степени способствовало участие Исламского банка развития, созданного в 1973 г., и ряда других финансовых институтов¹⁸⁷. Страны Залива предоставляли кредиты, субсидии, гранты на модернизацию марокканской инфраструктуры: транспортных развязок, портовых комплексов, объектов железнодорожной сети. Параллельно запускались программы подготовки персонала, финансируемые совместными фондами: они подразумевали определенные институциональные гарантии, регулируемые многосторонними соглашениями. Столь комплексный подход создавал базу и для наращивания военной кооперации, поскольку укрепление экономики давало королевству возможность обновлять вооружения и усиливать оборонный потенциал¹⁸⁸.

Ряд совместных проектов, зародившихся в конце 1990-х, активно реализовывался в последующие годы. Весомую роль играл Королевский центр стратегических исследований, систематизировавший данные о событиях в регионе и предоставлявший рекомендации правительству¹⁸⁹. В записках, датированных 2002–2005 гг., фигурировали предложения об участии в миротворческих операциях ООН, о совместных акциях в рамках ОИС, об активизации позиций Марокко внутри ЛАГ. На повестке вставал вопрос согласования интересов в регионе Магриба и прилегающих районах. С точки зрения Марокко, проблема Западной Сахары имела приоритетное значение; союзники из ССАГПЗ учитывали ее при формировании долгосрочных планов¹⁹⁰.

Примерно к 2010 г. стало возрастать понимание стратегической

---

¹⁸⁶ Hazimeh, A. Morocco–GCC Security Collaboration: New Dimensions and Trends // *Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25, No. 3. P. 305–309. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/fnas20/current>)

¹⁸⁷ IsDB. Annual Report 2010. Jeddah : Islamic Development Bank, 2010. P. 12–14.

¹⁸⁸ Khalid, B. “GCC’s Military Assistance to Morocco: Motives and Mechanisms,” *Al-Arabi Center for Research and Policy Studies*, 2014, P. 4–6

¹⁸⁹ El Mandjra, M. *Morocco’s Strategic Outlook: Bridging Arab and African Policy // North Africa in Transition*. London : Routledge, 2004. P. 45–47.

¹⁹⁰ Zoubir, Y. H., White, G. *North African Politics: Change and Continuity*. London : Routledge, 2015. P. 74–78.

важности международных организаций, способных выстраивать механизмы коллективной безопасности. Несколько государств Залива сотрудничали с НАТО по «Стамбульской инициативе сотрудничества» 2004 г., охватывавшей аспекты противодействия терроризму¹⁹¹. Марокко продолжало развивать диалог с Североатлантическим альянсом в контексте «Средиземноморского диалога» 1994 г., получая доступ к европейским программам военной подготовки¹⁹². Под влиянием растущей роли ООН в урегулировании локальных конфликтов обе стороны стремились к более активному участию в миротворческих миссиях, формируя общую позицию по гуманитарным вопросам. Под эгидой «Группы друзей» по Западной Сахаре велись консультации, способствующие укреплению инструментов доверия¹⁹³.

Важно отметить, что основным вызовом для институционализации оставались существующие политические противоречия, социальные разрывы, экономические дисбалансы. Эксперты в середине 2010-х предупреждали, что молодое население стран Залива требует новых рабочих мест и реформ, а сокращение зависимости от нефти требует инновационных шагов¹⁹⁴. Марокко, со своей стороны, столкнулось с вопросом безработицы, а также нерешенной проблемой Западной Сахары и последствиями «Арабской весны»¹⁹⁵. Международные механизмы лишь частично смягчали острые углы, но полностью не устраняли структурные сложности. Наблюдались различия в степени экономического развития между странами ССАГПЗ, что вызывало определенное напряжение при распределении нагрузки в военных операциях¹⁹⁶.

При всем этом Марокко продолжало укреплять связи с государствами

---

¹⁹¹ NATO Istanbul Cooperation Initiative, Official Text, 2004. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_21060.htm

¹⁹² Furness, M. & Trauner, F. Britain's Mediterranean Dialogue with Morocco, in: *Mediterranean Politics*. 2009. 14(2). P. 285–289.

¹⁹³ Hawthorne, A. "The Western Sahara Stalemate," *Carnegie Papers*, 2009, P. 13–16

¹⁹⁴ Hertog, S. "Challenges of Economic Diversification in the GCC," in: *The GCC Economies*, Springer, 2016, P. 14–20

¹⁹⁵ Vermeren, P. *Le Maroc en transition. La Découverte*, 2011, P. 62–67

¹⁹⁶ Ulrichsen, K. "The GCC States and the Shifting Balance of Global Power," *Center for Middle East Policy*, 2018, P. 9–11

Залива, совмещая курс на модернизацию с сохранением монархического авторитета и учитывая приоритетные внешнеполитические расчеты. С помощью институтов, сформированных при участии ССАГПЗ и международных организаций, создавались условия для экономического подъема, реформ и долгосрочных проектов в сфере обороны¹⁹⁷. Новые финансовые возможности позволяли повышать военный бюджет, обновляя технику и усиливая обороноспособность. На институциональном уровне регулярно заседали совещания глав государств, советы министров иностранных дел, министров обороны, рабочие группы экспертов - все это обеспечивало оперативное реагирование на меняющуюся обстановку.

С 2011 г. обозначилось новое измерение совместных действий, связанное с углублением борьбы против экстремизма. Распространение радикальных идеологий подтолкнуло к созданию механизмов обмена разведанными, обучению специальных антитеррористических подразделений, развитию систем раннего предупреждения¹⁹⁸. Наблюдалась консолидация профильных ведомств в рамках ОИС, где формировались экспертные сообщества, занимавшиеся проблемами трансграничной преступности, оружейного трафика, нелегальной миграции.

Дальнейшее расширение военных контактов, наблюдаемое в те же годы, нуждалось в дополнительной формализации и более глубокой институциональной базе. В 2012 г. Саудовская Аравия подняла идею создания Объединенного военного командования в арабских монархиях, куда предполагалось включить и Марокко¹⁹⁹. Марокканские делегаты участвовали в предварительных консультациях, итогом чего стали договоренности о синхронизации планов учений и взаимном обмене информацией. Параллельно рассматривался вопрос о включении Марокко в единый механизм

---

¹⁹⁷ Mohsen-Finan, K. "La politique étrangère marocaine en Afrique," *Confluences Méditerranée*, 2019, 108(1), P. 105–108

¹⁹⁸ Biscop, S. & Coelmont, J. *Europe, Strategy and Armed Forces: The Making of a Distinctive Power*. Routledge, 2011, P. 99–101

¹⁹⁹ Kamrava, M. *Qatar: Small State, Big Politics*. Cornell University Press, 2015, P. 45–49

противовоздушной обороны, пребывавший в стадии проектирования²⁰⁰. Итоговые решения потребовали времени, но уже тогда закладывалась институциональная основа для долгосрочной интеграции, которая постепенно реализовывалась.

Расширению сотрудничества способствовало и участие в инициативах по поддержке государств, испытывающих трудности в регионе Сахеля. С 2013 по 2016 гг. при содействии Африканского союза и ООН осуществлялись гуманитарные проекты, где марокканские военные подразделения играли заметную роль²⁰¹. Страны Залива обеспечивали финансовую помощь, снабжали техникой, помогали создавать оборонные возможности тем, кто подвергался террористическим угрозам. Это активно обсуждалось на заседаниях Совета министров иностранных дел ССАГПЗ и отражалось в двусторонних соглашениях²⁰². Укрепление связей между АС, ЛАГ, ОИС и ССАГПЗ принимало институционализированный характер: заседания, рабочие группы и форумы, касающиеся комплексной безопасности и развития, проводились на регулярной основе.

Активное участие марокканской стороны в коалиционных операциях, поддерживаемых ССАГПЗ (военная кампания в Йемене с 2015 г.), стало дополнительным фактором, изменившим архитектуру партнерства. Посылая военных в зону конфликта, Рабат налаживал тесное взаимодействие со штабами стран Залива, тогда как ООН, ОИС и ЛАГ призывали к политической деэскалации. Данный опыт обогащал институциональную «память» Марокко, в которой отражались принципы участия в совместных операциях и необходимость учитывать многосторонние договоренности. Параллельно присутствие в Йемене подтверждало доверительные отношения, укрепляя авторитет Марокко в регионе²⁰³.

---

²⁰⁰ GCC Secretariat General, 2012, P. 22–24. URL: <https://gcc-sg.org>

²⁰¹ African Union Peace and Security Council Communique, 2015. URL: <https://au.int/en/psc>

²⁰² Buzan, B. & Waever, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003, P. 157–159.

²⁰³ Darwich, M. “Saudi Foreign Policy and Government–Military Relations,” *International Spectator*, 2017, 52(2), P. 19–21

После 2016 г. взаимодействие Марокко и ССАГПЗ вышло на новый уровень, что было вызвано усложнением обстановки на Ближнем Востоке и влиянием геополитических перестановок. Монархии Залива вынужденно переосмысливали расстановку сил, реагируя на события в Сирии, Ираке, Ливии и самом Йемене. Внутри ССАГПЗ шли поиски укрепления внутреннего единства, сочетая военные инструменты с дипломатическими²⁰⁴. Марокко при этом оставалось стратегическим партнером, поддерживая религиозные, культурные и политические связи, участвуя в согласовании позиций в ЛАГ, продвигая усилия по антитеррористической деятельности в ОИС. К саммитам ССАГПЗ готовились аналитические записки марокканской стороны, которые помогали точнее определить векторы взаимодействия.

Важный шаг был сделан в 2017 г., когда Марокко приняло участие в форуме «Арабское стратегическое видение», организованном в ОАЭ²⁰⁵. На заседаниях, собравших высокопоставленных дипломатов и военных экспертов, обсуждались возможности формирования нового военно-политического союза. Присутствовали делегаты Саудовской Аравии, Бахрейна, Катара, Кувейта, Омана, наблюдатели от ряда организаций²⁰⁶. Участники форума подчеркивали важность согласования усилий с внешними силами при сохранении приоритета региональных интересов. В выступлениях говорилось о взаимовыгодности сотрудничества с Африканским союзом, учитывая растущую роль континента. В итоге конференция зафиксировала стремление к дальнейшей институционализации арабских структур безопасности.

В 2018–2020 гг. архитектура взаимодействия продолжала совершенствоваться, охватывая широкий круг проблем: от морской охраны до энергетической и кибербезопасности. Генеральный секретариат ССАГПЗ стал

---

²⁰⁴ Martinez, L. & Boserup, R. “The Arab World after the Spring: Transition in the Arab Countries,” *Mediterranean Politics*, 2016, 21(1), P. 42–47

²⁰⁵ The National, UAE, Report on the Arab Strategic Vision Forum, 2017. URL: <https://www.greenpolicyplatform.org/research/2017-report-arab-forum-environment-and-development-arab-environment-10-years>

²⁰⁶ Monjib, M. “The Geopolitics of Moroccan–Gulf Relations,” *The Middle East Journal*, 2018, 72(3), P. 210–214

уделять больше внимания цифровой трансформации в вооруженных силах, стандартизации систем связи, сертификации военного персонала. При содействии ОИС разрабатывались программы по правовым основам ведения боевых действий, а также противодействию экстремизму в интернет-пространстве²⁰⁷. Марокканские офицеры все чаще выступали в качестве инструкторов, делясь опытом с коллегами из стран Залива.

Параллельно открывались дополнительные площадки для политического и военного диалога. В 2019 г. в Рабате была проведена конференция «Безопасность и развитие в Арабском мире», в которой приняли участие делегации из ССАГПЗ, ЛАГ, ОИС²⁰⁸. Центральной темой стало предотвращение конфликтов, укрепление региональных институтов, эффективность дипломатических инструментов. Участники высказывали готовность расширять диалог, вовлекать специализированные агентства ООН, Африканский союз, ЕС. В центре внимания оставались вопросы о военных учениях и обмене практическим опытом, поскольку это рассматривалось как лучшая проверка согласованности действий. Первая половина 2020 г. прошла в условиях глобального кризиса, вызванного пандемией, что перенесло часть переговоров в онлайн-форматы, хотя достигнутая институциональная плотность позволяла сохранять активный контакт.

Роль международных организаций в эти годы заключалась в координации усилий, нацеленных на восстановление после экономического спада, реализацию социальных программ, поддержку людей, пострадавших от кризиса. ООН через специализированные подразделения предлагала методологическую помощь, поддерживала государственный и негосударственный сектор²⁰⁹. Под эгидой ОИС прошло несколько конференций в онлайн-формате, посвященных вопросам дистанционного

---

²⁰⁷ OIC Counter-Terrorism Strategy, 2019, P. 10–13

²⁰⁸ Morocco Ministry of Foreign Affairs Press Release, 2019. URL: <https://www.mofa.gov.lr/media/news-press-release?page=38>

²⁰⁹ UNDP Regional Bureau for Arab States Report, 2021, P. 5–7. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-05/undp-annual-report-2021-v1.pdf>

обучения, телемедицины, обмена данными, повышения квалификации специалистов. Подобные гуманитарные и социальные проекты напрямую влияли на стабильность общества, а следовательно, и на военную устойчивость. Расширение компетенций ряда структур ССАГПЗ позволяло согласовывать совместные проекты, привлекать финансирование от исламских банков, использовать инструменты исламских финансов²¹⁰. Все это формировало более надежную экономическую и социальную среду, косвенно усиливая потенциал военно-политического сотрудничества.

Таким образом, механизмы, выстраиваемые с 1999 г., позволили создать устойчивую архитектуру сотрудничества, в которой каждая структура (ССАГПЗ, ЛАГ, ОИС, ООН и другие) дополняет другую, расширяя возможности коллективных действий. Марокко, используя исторические и геополитические преимущества, сформировало собственную модель взаимодействия со странами ССАГПЗ, гибко сочетая двусторонние и многосторонние форматы. Данная линия отражалась в официальных выступлениях короля, в долгосрочных программах министерств, в культурных акциях; итогом являлось усиление военной и политической взаимозависимости, более частое проведение совместных маневров, рост договорной базы, а также новые решения по взаимному признанию образовательных и военных квалификаций. Международные организации при этом выполняли функцию «зонта легитимности», предоставляя механизмы финансирования, экспертизы и посредничества. Роль внешних держав, обладающих экономическими и военными ресурсами, также имела значение, поскольку они часто оказывали поддержку, направленную на реализацию собственных интересов.

---

²¹⁰ El-Gamal, M. "Islamic Finance in the GCC: Transformations and Opportunities," GCC Economic Perspectives, 2019, P. 22–26

2.3. Совместные инициативы Марокко и стран ССАГПЗ в области обороны и безопасности

Совместные инициативы Марокко и стран ССАГПЗ в сфере обороны и безопасности формировались постепенно, отражая стремление к более тесной консолидации в противостоянии широкому спектру современных угроз. Марокканская сторона, опираясь на исторический опыт участия в коалиционных кампаниях, отводила особую роль повышению боеспособности вооруженных сил, тогда как государства Залива, стремясь задействовать поддержку внешних партнеров, вносили значительные финансовые и технологические ресурсы. В результате постепенно возникали интеграционные контуры, позволяющие задействовать единые организационные принципы, координирующие усилия в укреплении регионального баланса сил и противодействии экстремистским проявлениям²¹¹.

Направления и форматы взаимодействия во многом определялись конъюнктурой международной политики и политическими установками лидеров обеих сторон. Саудовская Аравия, обладающая крупнейшим оборонным бюджетом в регионе, неоднократно выражала готовность финансировать программы, связанные с подготовкой марокканских военных и закупкой современного вооружения. Король Мухаммад VI, стремясь обновить технический арсенал марокканских вооруженных сил, поддерживал инициативы, позволяющие привлекать инвестиции арабских монархий Персидского залива, и формировал дружеский диалог с королевским домом Саудовской Аравии и другими монархиями Залива²¹². Данное сближение, включая предложения о создании общих оперативных единиц и механизмах консультаций, ускорилось во второй половине 2000-х, когда участились

---

²¹¹ Мелкумян Е.С. Региональные организации и глобализация системы международных отношений. - Региональные организации. Современные тенденции развития. М., 2003. С.11.

²¹² Wehrey F. Sectarian Politics in the Gulf: From the Iraq War to the Arab Uprisings. New York: Columbia University Press, 2013, P. 93–98

случаи террористической активности в различных точках Ближнего Востока и Северной Африки. Важную роль играл и фактор внешней угрозы, поскольку монархии испытывали опасения по поводу распределения влияния в регионе.

Усилиями политических элит проявлялся единый подход к целесообразности совместных учений, проводившихся на территории обеих сторон. Особенно показателен год 2007, когда марокканские подразделения впервые приняли участие в военных маневрах, проходивших в Саудовской Аравии, и получили возможность продемонстрировать подготовку в условиях пустынного театра военных действий²¹³. Указанные маневры были освещены в отчетах министерства обороны Марокко, а также в сводках Генерального секретариата ССАГПЗ, выступавших с положительной оценкой эффективности обмена опытом²¹⁴. Контекст учений включал проверку систем взаимодействия сухопутных и воздушных сил, а также отработку элементов совместного планирования при отражении внешнего нападения. Страны Залива, владеющие современной боевой авиацией, делились опытом эксплуатации высокотехнологичных самолетов, а марокканские офицеры сообщали о практических наработках, касающихся комплексных операций в сложном рельефе или при операциях против нерегулярных формирований.

Участвуя в практике совместных учений, стороны обеспечивали тренировку своих военнослужащих и вырабатывали общие боевые приемы, формируя единообразие стандартов. Марокканские инструкторы, прошедшие подготовку за рубежом и задействованные в миротворческих миссиях ООН, дополняли национальную школу с учетом передового мирового опыта. Государства ССАГПЗ, обладающие крупными финансовыми резервами, приобретали вооружения у западных производителей и передавали часть технологий и оборудования марокканским подразделениям на условиях

---

²¹³ MOROCCO WORLD NEWS. Morocco Sends 1500 Soldiers to Participate in Ground Operations in Yemen, 2015. URL: <https://www.morocoworldnews.com/2015/12/174251/morocco-sends-1500-soldiers-to-participate-in-ground-operations-in-yemen>

²¹⁴ GCC Secretariat General. Annual Report. Riyadh: GCC Secretariat, 2009. URL: <https://gcc-sg.org>

льготных соглашений²¹⁵. Благодаря подобному обмену формировался технический фундамент, а отработанная логистика позволяла наладить доставку запасных частей, боеприпасов, амуниции в случае экстренной необходимости.

Следует отметить, что военная кооперация дополнялась инициативами в сфере противодействия терроризму. Участвовавшие с начала 2000-х вспышки экстремизма побуждали лидеров Марокко и Залива обращаться к совместным методам, подразумевающим обмен разведанными и консолидацию усилий органов государственной безопасности. Систематические встречи представителей спецслужб и министерств внутренних дел, начавшиеся примерно в 2005 г., переросли в институционализированные механизмы, где заранее определялись приоритетные направления, способы координации и информационная архитектура²¹⁶. Марокканская полиция и жандармерия, располагая системами слежения и контроля границ, помогали странам ССАГПЗ выстраивать те же практики, особенно в связи с проблемой транзита нелегальных вооружений и финансовых потоков, потенциально подпитывающих экстремистские структуры. Сотрудничество усилилось после 2010, поскольку наблюдался рост угроз на южных рубежах, в районе Сахеля, затрагивающем интересы марокканской внешней политики и вызывающем обеспокоенность стран ССАГПЗ²¹⁷.

Системы коллективного реагирования выходили за рамки тренировочных маневров, поскольку королевство и страны ССАГПЗ не ограничивались лишь теоретическим планированием. Участвуя в миротворческих и антитеррористических операциях, рабочие штабы консультировались, разрабатывая алгоритмы обмена информацией, совместного патрулирования и прикрытия гражданских объектов. Для

---

²¹⁵ Cordesman A., Al-Rodhan K. Gulf Military Forces in an Era of Asymmetric Wars. Washington, D.C.: CSIS, 200. P.12.

²¹⁶ OIC. Counter-Terrorism Strategy. Jeddah: Organisation of Islamic Cooperation, 2019.

²¹⁷ Хассимиу Б. Террористические группировки Сахеля как угроза безопасности в регионе // Вопросы политологии. 2016. № 1 (21) С. 19-25.

примера важно отметить события 2015, когда сформировался альянс, возглавленный Саудовской Аравией, в целях стабилизации обстановки в Йемене; марокканская сторона подключилась, отправив военные подразделения и авиацию²¹⁸. Королевские военно-воздушные силы проявили солидарность с Эр-Риядом и участвовали в координации воздушных ударов, при этом офицеры регулярно общались со странами ССАГПЗ, используя заранее отработанные протоколы оперативного взаимодействия. Данная кампания, получившая название «Буря решимости», показала способность союзников взаимно поддерживать войска друг друга, но также выявила некоторые проблемы в логистике и управлении.

Параллельно развивался формат военно-морских инициатив, ставших особенно значимыми в свете безопасности морских путей и угрозы пиратства. Начиная с 2012 г., Генеральный секретариат ССАГПЗ и марокканское командование неоднократно организовывали встречи для обсуждения вопросов патрулирования акваторий, примыкающих к африканскому континенту, а также зоны Аденского залива²¹⁹. В рамках данных консультаций рассматривалась возможность направления марокканских фрегатов в состав смешанных группировок, ранее создаваемых при поддержке международных партнеров. Стороны стремились отработать комплекс мер, включающих контроль над судоходством и систему взаимодействия с иностранными флотами, действующими в регионе. Появлялись специальные каналы связи, согласовывавшиеся с военными стандартами НАТО, что облегчало координацию международных операций по борьбе с пиратством²²⁰.

Теория совместных учений воплощалась на практике в периодических маневрах военно-морских сил у берегов Марокко, где присутствовали представители ОАЭ, Бахрейна и Саудовской Аравии. Учения, проведенные в

---

²¹⁸ Ahmed, Sarah Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "The Challenges of Our Yemeni Revolution." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, pp. 190-197.

²¹⁹ Al-Sudairi M., Hwang J. *Maritime Security Cooperation in the GCC: Assessing Structures and Strategies*. Gulf Research Center Monograph, 2015. P.15-19.

²²⁰ Мелкумян Е.С. Ближневосточная политика арабских государств Залива в свете обострения региональной ситуации // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. №5, 2024. С. 95-107.

районе стратегических портов Танжера и Касабланки в 2014 и 2016 гг., посвящались отработке взаимодействия при досмотре судов и пресечении контрабанды вооружений²²¹. Марокканские офицеры подчеркивали, что организация совместных патрулей не должна ущемлять национальный суверенитет, поэтому выстраивались гибкие схемы взаимодействия, в рамках которых каждая сторона сохраняла исключительные права на контроль и управление своими территориальными водами, но при этом соглашалась на оперативный обмен информацией и координацию действий в режиме реального времени. Монархии Персидского залива, имея обширную практику использования высокотехнологичных морских патрульных средств, делились наработками в области радиолокации и систем раннего предупреждения.

Военно-воздушная сфера также становилась одним из ключевых направлений, учитывая важнейшую роль авиации в современных конфликтах. Королевские ВВС Марокко, приобретавшие иностранные истребители и транспортные самолеты, искали возможности расширить боеспособность за счет обучения пилотов и технического персонала в учебных центрах Саудовской Аравии и ОАЭ²²². С 2008 г. на регулярной основе проводились сессии, где пилоты проходили обкатку на авиасимуляторах, используя методические материалы, адаптированные под специфику ближневосточного региона. Саудовские инструкторы, имеющие опыт эксплуатации самолетов F-15, консультировали коллег из Марокко, обладающих парком многоцелевых истребителей Mirage и F-16²²³. В результате постепенно вырабатывались стандартные процедуры дозаправки в воздухе, боевого патрулирования и ударов по наземным целям. Подобное укрепление военно-воздушных связей подтверждалось отзывами официальных лиц на дипломатическом уровне, отмечавших позитивное влияние этой практики на общую военную

---

²²¹ Union for the Mediterranean Secretariat. Evaluation Report RTAP 2014–2020 (EN). 2023. URL: https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2023/02/Evaluation_Report_RTAP_2014-2020_EN.pdf

²²² Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество / Е.С. Мелкумян. М.: ИВ РАН, 2008. С 21.

²²³ Jane's Defence Weekly. (2015–2022). London: Jane's Publishing

совместимость²²⁴.

Развитие наземной компоненты сотрудничества также заслуживает рассмотрения. Марокко, обладающее сухопутными войсками с опытом патрулирования пустынных районов, вносило вклад в обучение подразделений стран ССАГПЗ, вынужденных учитывать своеобразие местности при потенциальных конфликтах на южных рубежах. Делегации Саудовской Аравии и ОАЭ изучали тактические методы по патрулированию обширных пустынных пространств, учитывая факторы нехватки воды, высоких температур и скрытности в мобильных операциях²²⁵. Маневры, организуемые в пустынных частях марокканской территории, обеспечивали возможность проверить новое оборудование, технику и вооружение, включая бронев автомобили, БПЛА ближнего радиуса и системы связи. Подобное взаимодействие формировало основу для объединения тактических приемов с учетом сравнительных преимуществ каждого участника.

Критически важным направлением совместных инициатив являлась антитеррористическая деятельность. Марокко, заслужившее репутацию государства, жестко пресекающего экстремистские ячейки, вносило значительный вклад в подготовку контртеррористических подразделений. Различные структуры министерств внутренних дел и обороны регулярно делились практиками, касающимися допроса задержанных, мониторинга финансовых каналов, ликвидации подпольных организаций²²⁶. Страны Персидского залива активно поддерживали создание централизованных баз данных, позволяющих отслеживать перемещения подозреваемых лиц через аэропорты и сухопутные пропускные пункты. Информационное взаимодействие усиливалось после 2011, когда на фоне турбулентности в некоторых арабских государствах стали фиксироваться попытки экстремистов использовать транзитные маршруты для переброски бойцов и оружия. Рабат и

---

²²⁴ F-16.net. Topic: F-16. 2025. URL: <https://www.f-16.net/forum/viewtopic.php?f=29&t=58941>

²²⁵ Buehler M., Wuerth A. The Politics of Religious Policy in Morocco. *Journal of Church and State*, 2022, 64(2), P. 198

²²⁶ Ibid.

Манама, к примеру, совместно разработали протокол обмена оперативными сводками в режиме реального времени, что стало важным шагом к формированию комплексной региональной системы предупреждения терактов²²⁷.

ОАЭ, имея ресурсы для технологических разработок, испытывали потребность в квалифицированной поддержке арабских специалистов, знакомых с особенностями североафриканских регионов. Марокканские офицеры, приобретавшие опыт противодействия радикальным группам в сельских и горных районах, консультировали коллег при формировании спецподразделений, способных эффективно вести разведку, а также быстро реагировать на информацию о готовящихся актах насилия. Подобная взаимная выгода формировала инициативы по учреждению централизованных школ, ориентированных на обмен разноплановыми навыками: в 2013–2014 гг. проводились переговоры о создании спеццентра в Рабате под эгидой ССАГПЗ, специализирующегося на подготовке инструкторов антитеррористических подразделений²²⁸. Поскольку у каждой стороны имелись собственные условия и правила, вопрос о месте дислокации, финансировании и общем командовании требовал основательной проработки.

Особыми аспектами становились инициативы в сфере кибербезопасности, ведь государства сталкивались с кибератаками, способными повлиять на критически важные объекты инфраструктуры. Марокко, уделявшее повышенное внимание цифровому суверенитету, разрабатывало национальные стандарты защиты государственных сетей и банковских систем, а страны Залива, опирающиеся на нефтегазовый сектор, не могли игнорировать риски кибератак на нефтеперерабатывающие и

---

²²⁷ Technical Guidelines to Facilitate the Implementation of Security Council Resolution 2370 (2017) and Related International Standards and Good Practices on Preventing Terrorists from Acquiring Weapons. – New York: United Nations, 2022. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org.securitycouncil.ctc/files/files/documents/2022/Mar/technical_guidelines_to_facilitate_the_implementation_of_security_council_resolution_2370_2017_and_related_international_standards_and_good_practices_on_preventing_terrorists_from_acquiring_weapons.pdf

²²⁸ Barguache S. Morocco and the GCC: A Strategic Alliance in the Making. *Global Policy Journal*, 2019, 10(3), P. 302

транспортные системы. Партнерские программы стали разворачиваться на базе профильных агентств: в 2023 г. министерство связи Марокко и нескольких государств Персидского залива подписали меморандум о взаимодействии в области обнаружения и локализации киберугроз, предполагающий технический обмен специалистами и совместное внедрение программных модулей²²⁹.

Параллельно стороны осваивали формат гуманитарного взаимодействия, где упор делался на совместном реагировании в случаях стихийных бедствий и социально-политических кризисов. В 2014 г. Марокко и Катар подписали соглашение о создании механизмов быстрой отправки гуманитарных конвоев в районах, пострадавших от конфликтов или природных катаклизмов, при этом военные выполняли роль логистического каркаса²³⁰. Суть инициативы заключалась в координации воздушного и морского транспорта, чтобы доставлять медикаменты и продовольствие, а также обеспечивать безопасность лагерей для беженцев. Катар, традиционно инвестирующий в благотворительные проекты, поддерживал марокканскую армию в вопросе оборудования мобильных госпиталей, а марокканские военные, обладая кадровым ресурсом и опытом, занимались развертыванием полевых медицинских пунктов в труднодоступных районах. В результате часть гуманитарных миссий, формировавшихся в регионе Африки, получала материальную и организационную поддержку стран ССАГПЗ, что подтверждало их общую заинтересованность в поддержании стабильности²³¹.

Проекты, относящиеся к модернизации военной промышленности, стоит выделить особо. Марокко старается развивать собственные производственные мощности, включая сборку и обслуживание вооружений,

---

²²⁹ Directorate General for Information System Security of Morocco). Morocco and United Arab Emirates have signed a Memorandum of Understanding (MoU) aimed at enhancing their cooperation in cybersecurity. URL: <https://www.dgssi.gov.ma/en/evenements/morocco-and-united-arab-emirates-have-signed-memorandum-understanding-mou-aim-enhancing>

²³⁰ Qatar Charity Contributes 104 Trucks of Relief Items to the Largest Humanitarian Convoy to Reach Syria. URL: <https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/qatar-charity-contributes-104-trucks-relief-items-largest-humanitarian>

²³¹ January 2014 Forecast word.indd. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/2014_01_forecast.doc

чтобы не быть полностью зависимым от импорта. Тем не менее, монархии Залива, хотя и вкладывали средства в военный сектор, прежде всего делали ставку на закупку уже готовых передовых образцов у США, европейских и азиатских концернов²³². Тем не менее, отмечались случаи, когда разработка некоторых компонентов велась на совместных предприятиях, в том числе на территории Марокко, что являлось примером совместной инициативы по передаче технологий. Инвестиции из ОАЭ позволили открыть несколько малых производственных линий, связанных с производством запчастей для военной техники. Подобная деятельность, изначально направленная на обеспечение потребностей национальных армий, постепенно расширялась, открывая потенциал для экспорта в третьи страны.

Возникли и новые форматы технологического партнерства, в том числе использование беспилотных летательных аппаратов. Марокко, активно обновляющее свой парк дронов, взаимодействует с союзниками из Залива, которые, приобретая современные беспилотные системы у зарубежных поставщиков, частично передают опыт, а иногда и базовое оборудование для тестирования²³³. Совместные испытания, проводимые на полигонах в Марокко, показывают, какие модели и тактики применимы в условиях африканского рельефа или пустынных территорий Ближнего Востока. Представители военного командования подтверждали, что результаты подобных испытаний используются при подготовке планов прикрытия границ или при операциях против террористических групп. Подобная синергия технологической базы способствует постепенному созданию региональных стандартов, облегчающих логистику и совершенствующий кадровый состав пилотов беспилотников.

Военно-политическое сотрудничество государств проявлялось и в сфере образовательных инициатив. Взаимодействие в области подготовки

---

²³² Cordesman A., Al-Rodhan K. *Gulf Military Forces in an Era of Asymmetric Wars*. Washington, D.C.: CSIS, 2006, P. 123

²³³ Jane's Sentinel Security Assessment: North Africa. (2021). London: Jane's Publishing

офицерских кадров периодически становилось предметом специальных договоренностей, когда ведущие академии Залива, к примеру, Объединенная военная академия в Абу-Даби или Королевская военная академия в Эр-Рияде, принимали марокканских слушателей на льготных условиях²³⁴. Параллельно Королевское военное училище в Мекнесе и Военно-морское училище в Касабланке предлагали учебные программы для представителей стран Персидского залива, что позволяло молодым офицерам осваивать разные виды боевой подготовки²³⁵. Ставка делалась на углубление контактов между будущими военными элитами, расценивавшими учебное взаимодействие как основу для построения доверия. Часто подобные учебные курсы сопровождались изучением языковых особенностей и культурных факторов, помогающих совместно действовать в реальных боевых условиях.

Учитывая ценность сетей личных контактов, военные дипломаты Марокко и государств Персидского залива придают серьезное значение посещению конференций и форумов, посвященных коалиционному строительству. С 2016 г. возросло количество мероприятий, где ключевые темы связаны с интегрированными системами противоракетной обороны, защитой морских коммуникаций и противодействием трансграничной преступности. Каждый форум завершается набором рекомендаций, которые могут лечь в основу новых проектов. Известно, что часть подобных рекомендаций была принята в 2017–2018 гг. при разработке упрощенных процедур передачи техники между союзниками, позволивших при необходимости срочно перебрасывать оснащение и личный состав в «горячие» точки. Стандартные формуляры, касающиеся таможенных и пограничных вопросов, существенно упрощали логистику, что продемонстрировали события в зоне конфликта на Ближнем Востоке²³⁶.

---

²³⁴ Strengthening Military Cooperation Between Morocco and Saudi Arabia: Ongoing Efforts to Exchange Expertise in Defense and Training. URL: <https://en.aldar.ma/?p=5011>

²³⁵ Joffé G. Morocco's Relations with the GCC States. In: North Africa and the Gulf Region / ed. by J. Matera, A. Steinich. Cham: Springer, 2019, P. 76–80

²³⁶ Morocco and GCC Conference on Coalition Building (2017–2018). URL: <https://mapnews.ma/en/>

Важно также отметить, что военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ тесно переплетено с деятельностью других крупных игроков на мировой арене. Внешние партнеры - такие как США, европейские державы и, в последнее время, Китай - оказывают заметное воздействие на выбор стратегических приоритетов, создавая дополнительные возможности и формируя условия, в которых выстраивается взаимодействие монархий Залива с Марокко²³⁷. Совместные шаги Марокко и ССАГПЗ частично вписываются в логику глобальной политики, подразумевающей формирование коалиций по борьбе с терроризмом или против пиратства. Зафиксированы примеры, когда во время учений на территории Марокко присутствовали не только офицеры государств Залива, но и представители европейских структур безопасности. Подобная открытость содействует усилению международного статуса всех участников, формируя положительный образ глобальных игроков, совместно обеспечивающих безопасность региона.

Наряду с многосторонней дипломатией, универсальный характер военных инициатив стимулирует стороны к перманентному расширению сферы взаимодействия. Некоторые переговоры, проходившие в 2014 г., ознаменовались обсуждением взаимодействия в области аэрокосмических исследований, а также применения спутниковых технологий для разведки и мониторинга рубежей²³⁸. Государства Залива, обладающие капиталом для приобретения космических аппаратов, оценивали возможность совместного использования данных дистанционного зондирования, чтобы выявлять потенциальные угрозы, в том числе незаконное пересечение границ. Марокканские военные, в свою очередь, выражали интерес к опыту создания и эксплуатации спутников, что могло повысить эффективность наблюдения за южными рубежами и береговыми водами. Конкретика, связанная с

---

²³⁷ Ardemagni, E. Emiratis, Saudis, Omanis: rising competition for the Yemen's Al Mahra / E. Ardemagni URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2017/12/28/emiratis-saudis-the-rising-competition-for-yemens-al-mahra/>

²³⁸ The development of aerospace sector in Morocco. URL: https://www.researchgate.net/publication/288459627_The_development_of_aerospace_sector_in_Morocco

реализацией данных планов, остается недоступной широкой публике, однако наличие подобных дискуссий свидетельствует о росте доверия.

На двустороннем уровне Марокко и ОАЭ активно разрабатывали проекты, посвященные развитию аэромобильных сил и вертолетным операциям. В 2016–2017 гг. несколько групп марокканских пилотов и техников проходили подготовку на вертолетной базе в Абу-Даби, осваивая современные модели ударных вертолетов и техники ведения ночных вылетов. Эмираты, располагающие техническими возможностями, делились тренажерами и образцами вооружения, а Марокко демонстрировало навыки, связанные с боевым использованием вертолетов в горных условиях и при быстром десантировании²³⁹. Отмечено, что подобная кооперация станет основой для дальнейшего углубления, включая закупку вертолетных платформ, совместную разработку защитных систем и наладку цепочки поставок²⁴⁰.

Таким образом, анализ взаимодействия Марокко и стран Персидского залива в течение 1999–2020-х гг. дает основания полагать, что совместные инициативы в области обороны и безопасности переходят от разрозненных соглашений к более системному формату. Согласования, достигнутые на уровне министерств, поддерживаются операционными документами и меморандумами о взаимопонимании, прорабатываются через коллективные учения, антитеррористические программы, кибероперации, логистическую интеграцию, обмен разведывательной информацией и развитие военных технологий. Суммируя обширный спектр совместных инициатив в сфере безопасности можно подчеркнуть, что основным стимулом к их развитию выступают общие интересы безопасности и стремление отвечать на множество угроз, включая терроризм, пиратство, организованную

---

²³⁹ European Union Institute for Security Studies (EUISS). Arab Defence: Crafting the Future? (Chaillot Paper № 141). Paris : EUISS, 2017. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_141_Arab_Defence.pdf

²⁴⁰ Buehler M., Wuerth A. The Politics of Religious Policy in Morocco. *Journal of Church and State*, 2022, 64(2), P. 203

преступность, политическую нестабильность в сопредельных зонах. Внешнеполитические расчеты, основанные на желании укрепить региональный баланс сил и повысить собственный престиж, сопрягаются с практической потребностью в модернизации вооруженных сил и интеграции усилий в рамках многосторонних операций. Потоки инвестиций, обеспеченные фондами стран ССАГПЗ, стимулируют рост оборонных возможностей Марокко, позволяя королевству выступать активным членом арабского сообщества в вопросах безопасности. В ответ участники ССАГПЗ получают союзника, способного в случае необходимости направить боеспособные контингенты и разделяющего их стратегические установки.

Глава 3. Региональные и глобальные угрозы как фактор военно-политического взаимодействия Марокко и стран ССАГПЗ

3.1. Влияние конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ

Военно-политическое сотрудничество между Марокко и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в значительной степени определяется характером и динамикой региональных конфликтов, формирующих ближневосточную и североафриканскую повестку. Начиная с 1999 г., когда в Марокко возшел на престол король Мухаммед VI, монархия постепенно наращивала контакты с государствами Залива, стремясь упрочить свое положение в арабском мире, модернизировать вооруженные силы и привлечь инвестиции. Вместе с тем конфликты в Сирии, Йемене, Ливии, кризисы вокруг Катара и Западной Сахары, а также растущая нестабильность в регионе Сахеля и факторы, связанные с палестинской проблемой, выступили катализаторами для развития этих отношений. В данном параграфе рассмотрим основные аспекты влияния перечисленных конфликтов на взаимоотношения Рабата и монархий Залива, оценим ключевые вызовы, возникающие на пути консолидации военно-политического союза.

Сирийский конфликт

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г. и продолжающийся уже более десяти лет, представляет собой один из наиболее затяжных и многоплановых кризисов современного Ближнего Востока. Он затронул не только интересы основных региональных игроков - таких как Саудовская Аравия, Катар, Иран, Турция, Россия и США, - но и оказал влияние на достаточно удаленные государства, стремящиеся сохранять стабильность и поддерживать собственную систему союзов. Марокко, географически находящееся в Магрибе, не имеет общей границы с Сирией, однако его внешнеполитические ориентации и вовлеченность в региональную повестку

Ближнего Востока, особенно через призму отношений со странами ССАГПЗ, во многом определили стратегию и тактику Рабата в сирийском вопросе²⁴¹.

С момента начала протестных движений в Сирии, переросших в полноценный вооруженный конфликт с вовлечением внешних сил, Марокко находилось под влиянием общей линии Лиги арабских государств и особенно позиций Саудовской Аравии и Катара. Изначально сближение со странами Залива, имевшее место еще в предыдущие десятилетия, стало основой для формирования позиции Рабата в отношении сирийской проблемы. В то же время марокканское руководство стремилось учитывать собственные интересы, связанные с внутренней стабильностью, взаимодействием с Западом и важнейшим для королевства вопросом Западной Сахары²⁴².

До начала «Арабской весны» Сирийская Арабская Республика (САР) характеризовалась относительно стабильной авторитарной системой под руководством семейного клана Асадов. Однако проблемы социально-экономического неравенства, коррупция и ограничение политических свобод долгие годы порождали внутреннее напряжение. Президент Башар Асад, пришедший к власти в 2000 г., предпринял некоторые шаги по либерализации экономики, но они не сопровождались политическими реформами в должном объеме, что усиливало протестные настроения в отдельных слоях сирийского общества. При этом Сирия, сохраняя тесные связи с Ираном и организации «Хезболлах», находилась в напряженных отношениях с рядом арабских монархий Залива. Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ выражали озабоченность по поводу партнерства Дамаска с Тегераном, который рассматривался в Заливе как стратегический соперник. Эти противоречия стали важным фоном для последующего раскола внутри ЛАГ и ССАГПЗ после 2011 г.²⁴³.

Саудовская Аравия, Катар и Турция первоначально заняли жесткую

---

²⁴¹ Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 93-103.

²⁴² Щегловин Ю.Б. О действиях Саудовской Аравии на сирийском направлении / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

²⁴³ Гукасян Г.Л., Политика модернизации Объединенных Арабских Эмиратов // *Ближний Восток и современность*, выпуск 46, М., 2012, С. 234-237.

антирежимную позицию, призывая к свержению Башара Асада и оказывая помощь оппозиционным группировкам. Иран, в свою очередь, поддержал правительство САР, рассматривая Дамаск как ключевого союзника в регионе. Началось формирование широкой антииранской коалиции, частично совпадавшей с антиасадовской, в которую входили некоторые члены ССАГПЗ. Позиция Марокко в этот период была во многом продиктована стремлением остаться солидарным с ЛАГ, которая летом 2011 г. приняла ряд резолюций, осуждающих репрессии против мирных жителей в Сирии²⁴⁴.

ЛАГ, объединяющая 22 арабских государства, с первых месяцев сирийского кризиса стала площадкой, где развернулись дискуссии о санкциях против режима Асада и возможном исключении Сирии из организации. В конце 2011 г. ЛАГ приостановила членство Сирии, что стало беспрецедентным шагом в истории организации²⁴⁵. Государства Персидского залива - Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ и Оман - настаивали на жестких мерах против Дамаска, видя в Асаде ключевого союзника Ирана. Поддержка ЛАГ в этом вопросе усиливала внешнюю легитимность их политики, поскольку санкционированная Лигой изоляция Сирии формально носила панарабский характер²⁴⁶.

Марокко, будучи членом ЛАГ, в целом согласилось с данной линией, рассчитывая сохранить добрые отношения с наиболее влиятельными странами Залива. Рабат выступал за поиск дипломатического решения сирийского вопроса, но не препятствовал принятию жестких мер против режима Асада. Таким образом, уже на начальном этапе конфликта укреплялась военно-политическая кооперация Марокко с монархиями Персидского залива, что отразилось в большей степени на сферах обмена разведывательной информацией, контроля миграционных потоков и обсуждении возможных

---

²⁴⁴ Малышев П. Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в сирийском конфликте: интересы и цели, роль, степень участия // Россия и мусульманский мир. 2013. № 11. С. 159–171.

²⁴⁵ Bassel F. Salloukh. The Arab Uprisings and the Reshaping of the Middle East. Cambridge University Press, 2019. P. 102–105. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/salloukh.pdf>

²⁴⁶ «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М., 2014. С.78.

сценариев вмешательства²⁴⁷.

Несмотря на кажущуюся монолитность позиций стран ССАГПЗ в отношении Сирии, между ними наметились существенные разногласия. Саудовская Аравия делала ставку на поддержку определенных суннитских групп в Сирии, рассматривая конфликт как еще одну арену противостояния с Ираном. Катар, напротив, стремился усилить собственное влияние, поддерживая в том числе исламистские силы, связанные с «Братьями-мусульманами»²⁴⁸. Различные подходы к финансированию оппозиционных групп в итоге привели к соперничеству Эр-Рияда и Дохи за лидерство в антисирийской коалиции²⁴⁹.

Для Марокко это соперничество стало вызовом, так как Рабат традиционно стремился одинаково поддерживать хорошие отношения со всеми монархиями Залива. Экономические и военные интересы королевства были тесно связаны как с Саудовской Аравией, так и с Катаром, особенно в сфере инвестиций и двусторонних проектов (туризм, инфраструктура, энергетика). Балансируя между этими двумя центрами силы, Марокко соблюдало формальный нейтралитет в их противоречиях, но поддерживало общий антииранский консенсус, подчеркивая опасность усиления Тегерана в Сирии²⁵⁰.

Одним из ключевых этапов в развитии военно-политического сотрудничества Марокко и стран ССАГПЗ стало формирование Саудовской Аравией в конце 2015 г. Исламской военной антитеррористической коалиции. Заявленная цель этой инициативы заключалась в координации усилий исламских стран в борьбе против ДАИШ²⁵¹ и других радикальных группировок, действующих в Ираке, Сирии и ряде других регионов²⁵².

---

²⁴⁷ Грачев С.И., Харламов А.А. Сирия как детерминанта геополитической ориентации и экономических интересов // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 27-30.

²⁴⁸ Запрещенная в России террористическая организация

²⁴⁹ Hokayem E. Syria's Uprising and the Fracturing of the Levant. Routledge, 2017. P. 134–138

²⁵⁰ Долгов, Б.В. Сирийский кризис и радикальный исламизм // Азия и Африка сегодня. 2016. №3. С.7-12.

²⁵¹ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации

²⁵² Корольков Л. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015. №1. С. 97-106.

Марокко вступило в коалицию в числе первых, подтвердив тем самым свою приверженность совместным военным действиям против терроризма и стремление укрепить союзнические связи с Эр-Риядом. Участие в этой коалиции носило в основном политический и символический характер, однако подразумевало также обмен информацией, согласование операций против потенциальных террористических ячеек, подготовку военного персонала в области современных методов контртеррористической борьбы. Марокканские военные получили возможность взаимодействовать с партнерами из Саудовской Аравии и ОАЭ, приобретая опыт в сфере высокотехнологичных операций, включая использование беспилотных летательных аппаратов и разведывательных систем²⁵³.

В контексте сирийского конфликта данная коалиция отразила общий подход по сдерживанию радикальных групп, но при этом не дала четкого ответа на то, какие именно силы в Сирии считаются «умеренной» оппозицией, а какие - экстремистскими. Это порождало определенную путаницу в антисирийском лагере, так как Саудовская Аравия и Катар часто расходились во мнениях относительно статуса различных группировок. Тем не менее, для Марокко важно было показать готовность участвовать в инициативах, идущих из Залива, чтобы сохранить доверие и репутацию надежного военно-политического партнера²⁵⁴.

Одна из главных причин, побуждавших Марокко активно вовлекаться в военно-политические форматы с участием монархий Персидского залива, - это опасение перед радикализацией собственных граждан, выезжавших в Сирию для участия в боевых действиях на стороне оппозиционных групп, включая экстремистские организации: в период 2012–2015 гг. сотни марокканцев отправились в зоны конфликта в Сирии и Ираке, присоединяясь к ДАИШ²⁵⁵ и

---

²⁵³ Джорж Жббур. Сирийская внешняя политика при президенте Хафезе Асаде // Центр изучения Ближнего Востока в Бейруте. URL: <http://www.beirutme.com/?p=14347>

²⁵⁴ Hokayem E. The Gulf states and Syria // United States Institute of Peace: PeaceBrief. 2017. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/134440/PB%20116.pdf>

²⁵⁵ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации

другим радикальным группировкам. Возвращение этих лиц на родину рассматривалось Рабатом как существенная угроза национальной безопасности²⁵⁶.

В связи с этим Марокко активизировало обмен разведанными со странами ССАГПЗ, прежде всего с Саудовской Аравией и ОАЭ, обладавшими серьезными возможностями финансовой и технической аналитики. Совместные мероприятия по контролю над денежными переводами и отслеживанию коммуникаций потенциальных экстремистов позволили повысить эффективность действий марокканских спецслужб. Кроме того, начали работать совместные программы по реабилитации и социальной адаптации тех, кто возвращался из Сирии и добровольно сдавался властям²⁵⁷.

На фоне сирийского кризиса и общей дестабилизации региона Марокко ускорило реформы в военной сфере. При участии инструкторов из Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара марокканское военное ведомство начало активно модернизировать армию, авиацию и спецслужбы. Некоторые специалисты из стран Персидского залива, имевшие опыт боевых действий в Йемене, консультировали марокканских коллег по вопросам антидиверсионной и контртеррористической деятельности²⁵⁸.

Дополнительно Марокко проводило совместные учения на своей территории, где отрабатывались сценарии городских боев и действий в пустынно-полупустынной местности. В контексте сирийского конфликта это было актуально и с учетом потенциальных угроз, которые могут исходить от возвращающихся боевиков, а также от возможных попыток транзита оружия и радикальных элементов через североафриканский регион. В результате этих усилий марокканская армия укрепила связи с военными структурами стран ССАГПЗ, создав условия для более тесной интеграции в многосторонние

---

²⁵⁶ Kamrava M. *Gatar: small state, big politics*. New York: Cornell University Press, 2015. P.121.

²⁵⁷ Грачев С.И., Харламов А.А. Сирия как детерминанта геополитической ориентации и экономических интересов // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 3. С. 27.

²⁵⁸ «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М., 2014. С.12.

антикризисные форматы²⁵⁹.

Йеменский конфликт

Йеменский кризис, перешедший в активную фазу в 2015 г., часто рассматривается как одно из наиболее серьезных испытаний для системы региональной безопасности на Ближнем Востоке и особенно для стран ССАГПЗ. Первоначально Йемен являлся страной, где существовали многочисленные внутренние противоречия - племенные, религиозные (шафиитское и зейдитское население), социально-экономические. Свержение президента Али Абдаллы Салеха в 2012 г. во многом не решило глубинных проблем страны, а лишь обострило напряженность²⁶⁰.

Появление движения «Ансар Аллах», более известного как «хуситы», и их постепенное продвижение на столицу Сану вызвало резкую реакцию со стороны Саудовской Аравии и ее союзников по ССАГПЗ, опасавшихся усиления иранского влияния на Аравийском полуострове. Уже в конце 2014 - начале 2015 гг. стало понятно, что Эр-Рияд попытается сформировать военную коалицию для отражения угрозы со стороны хуситов и восстановления власти президента Абд Раббо Мансура Хади. В марте 2015 г. Саудовская Аравия официально объявила о начале военной операции «Буря решимости»²⁶¹, которая трансформировалась в более долгосрочную кампанию, получившую название «Возвращение надежды»²⁶².

На фоне стремительного захвата хуситами значительных территорий северного и центрального Йемена Саудовская Аравия начала активно привлекать к операции региональных партнеров. Все государства ССАГПЗ, кроме Омана, присоединились к военной кампании. Эр-Рияд также обратился к арабским странам, располагающим боеспособными силами, способными

---

²⁵⁹ Звягельская И.Д., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Ближний Восток в условиях «негативной определенности» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 94-103.

²⁶⁰ Набиль Абдулфатах. Вызовы перехода от авторитаризма к демократии: конфликты и проблемные вопросы // Арабский центр исследования и изучения, декабрь 2013. С. 7.

²⁶¹ Война через посредников»: чем грозит нефтяному рынку конфликт в Йемене // РБК. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/03/2015/551537879a7947510b51e9b9>

²⁶² Арабская коалиция проведет новую операцию в Йемене / Аргументы и факты. 2015. URL: <https://aif.ru/society/safety/1495058>

участвовать в воздушных и наземных операциях. Марокко, несмотря на существенную удаленность от зоны конфликта, стало одним из ключевых внешних партнеров, согласившихся предоставить военную поддержку²⁶³.

Согласно официальным заявлениям Министерства обороны Марокко, Рабат отправил в зону боевых действий ограниченный военный контингент, а также несколько боевых самолетов для участия в авиаударах по позициям хуситов²⁶⁴. Этот шаг был продиктован стратегическим стремлением королевства укрепить союз с Эр-Риядом и другими монархиями Персидского залива, которые традиционно выступали инвесторами для марокканской экономики. Одновременно для Марокко участие в коалиции открывало доступ к новым форматам военного сотрудничества, включая совместные учения и поставки современного вооружения.

Для Саудовской Аравии и ее союзников по ССАГПЗ главной стратегической целью было предотвратить формирование на юге Аравийского полуострова проиранской силы, способной угрожать саудовским границам. Хуситы, по утверждению Эр-Рияда и ряда западных экспертов, получали вооружения и финансовую поддержку из Ирана, что превращало их в потенциально опасного игрока регионального масштаба²⁶⁵.

Операция в Йемене, таким образом, не только была направлена на защиту «законного правительства» президента Хади, но и служила важным элементом антииранской политики саудовского руководства. Для государств Залива вовлечение Марокко в данный конфликт означало расширение круга союзников и подтверждение стремления объединиться против иранского вмешательства в арабские дела²⁶⁶.

Символическая и практическая поддержка саудовской операции в

---

²⁶³ Симпозиум: Йемен после штурма. Доклад Дохи // Арабский центр исследований и политических изучений. 2015. С.16.

²⁶⁴ Официальный сайт Министерства обороны Марокко. URL:<https://www.far.ma>

²⁶⁵ Ahmed, Sarah Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "THE CHALLENGES OF OUR YEMENI REVOLUTION." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, pp. 190-197.

²⁶⁶ Edward Elgar *The Arab Spring: An Essay on Revolution and Constitutionalism*. Edward Elgar Publishing, Inc. Antoni Abat i Ninet and Mark Tushnet 2015. P. 296

Йемене позволяла Марокко не только укрепить взаимодействие в военно-политической сфере, но и рассчитывать на последовательную линию Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна в вопросах признания суверенитета королевства над Западной Сахарой. Подобная связка интересов обеспечивала дополнительную мотивацию для участия Марокко в антитеррористических и антииранских инициативах Эр-Рияда²⁶⁷.

Хотя правящая элита Марокко поддерживала решение о вступлении в йеменскую коалицию, внутри страны существовали политические силы и общественные группы, которые критически относились к вовлечению королевства в дальний и сложный конфликт. Оппоненты утверждали, что Йемен не представляет непосредственной угрозы для марокканской безопасности, а потери среди марокканских военнослужащих могут вызвать негативную реакцию в обществе. Кроме того, на фоне уже существующих социальных проблем королевства (безработица, неравенство, коррупция) участие в «чужой войне» создает дополнительную нагрузку на бюджет и рискует привести к росту недовольства²⁶⁸.

Тем не менее королевская власть продолжала считать такой риск оправданным: поддержка Эр-Рияда и монархий Персидского залива была слишком важна для Марокко, особенно в части региональной дипломатии (вопрос Западной Сахары) и экономических выгод (инвестиции в инфраструктуру, энергетические проекты, туристическую отрасль).

Согласно доступным источникам, вклад Марокко в йеменскую операцию не был количественно большим, однако символически и качественно важным. В составе коалиции находились несколько марокканских истребителей F-16, а также ограниченное число военнослужащих, задействованных в поддержке воздушных ударов и

---

²⁶⁷ Giuseppe Tassone. *It Is Not Over Yet: The Arab Revolution between Culture and Political Economy* // Arab Studies Quarterly / Published by: Pluto Journals, Vol. 37, No. 4 (2015), PP. 334-350

²⁶⁸ Ahmed, Sarah Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "THE CHALLENGES OF OUR YEMENI REVOLUTION." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, PP. 190-197.

разведывательных миссиях. С учетом того, что Марокко не имеет сухопутной границы с Йеменом, вся логистика, включая переброску техники и персонала, осуществлялась воздушным путем при содействии Саудовской Аравии и ОАЭ²⁶⁹.

Сам факт отправки даже небольшого контингента за тысячи километров от родины свидетельствовал о готовности Рабата действовать по принципу коллективной обороны, декларируемой ССАГПЗ. Для марокканских военных это стало важным прецедентом в истории современной армии королевства, которая обычно участвовала в миротворческих миссиях ООН (в том числе в Африке), но реже - в коалиционных военных операциях подобного масштаба²⁷⁰.

Важно подчеркнуть, что йеменский конфликт стал одним из ключевых региональных кризисов, непосредственно отразившихся на военно-политическом сотрудничестве Марокко и стран ССАГПЗ, он усилил военно-политическую связь Марокко с ведущими монархиями Залива, подтвердив антииранскую солидарность и укрепив позиции королевства в его стремлении сохранить благоприятные условия для развития собственной армии и решения национальных задач, а также продемонстрировал готовность Рабата к коллективным силовым решениям при условии минимизации затрат, оставаясь при этом открытым к дипломатическим компромиссам, особенно в свете возможного снижения напряженности вокруг Ирана.

Ливийский кризис

Ливийский кризис, начавшийся после свержения режима Муаммара Каддафи в 2011 г., существенно повлиял на динамику региональной безопасности и вновь продемонстрировал расхождения позиций внутри ССАГПЗ, оказывая тем самым косвенное воздействие на военно-политическое

---

²⁶⁹ Houthi rebels air video of 'downed Moroccan jet' in Yemen // France 24. 2015. URL: <https://www.france24.com/en/20150511-yemen-moroccan-jet-houthi-rebels>

²⁷⁰ Ahmed, Sarah Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "THE CHALLENGES OF OUR YEMENI REVOLUTION." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, pp. 190-197.

сотрудничество Марокко со странами Персидского залива. После падения прежнего руководства в Ливии сформировалось несколько центров власти, опиравшихся на различные вооруженные группировки и внешних спонсоров. ОАЭ и Катар, например, поддерживали разные ливийские фракции, преследуя собственные стратегические интересы и нередко противоречив друг другу, что усложняло консолидацию единой позиции ССАГПЗ²⁷¹.

На этом фоне Марокко, располагая ограниченными экономическими и военными ресурсами, выбрало путь дипломатического посредничества. Рабат стремился продемонстрировать свою «мягкую силу» и авторитет королевской власти, традиционно воспринимаемой в арабском мире как легитимная и уважаемая институция. Одним из ключевых вкладов Марокко в урегулирование ливийского кризиса стали переговоры в Схирате (2015 г.), организованные при поддержке ООН²⁷². В результате подписания так называемого Схиратского соглашения планировалось сформировать единое правительство национального согласия. Хотя реализация документа столкнулась с серьезными препятствиями, сам факт проведения переговоров на марокканской площадке укрепил репутацию королевства как нейтрального посредника, не вовлеченного в прямое вооруженное противостояние.

В рамках военно-политического сотрудничества со странами Залива дипломатическая активность Рабата имела двоякий эффект. С одной стороны, Марокко сохраняло и даже расширяло каналы общения с Саудовской Аравией и ОАЭ, которые поддерживали определенные ливийские силы, рассчитывая на их участие в будущих политических структурах. С другой стороны, королевство стремилось не портить отношения с Катаром, также проявлявшим активность в Ливии, но делавшим ставку на более радикальные или исламистские элементы. Такая «уравновешенность» Марокко, совмещающая

---

²⁷¹ Давыдов А. А. Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. // Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ. 2012. С. 268.

²⁷² United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL). Libyan political dialogue round set for 08 June 2015 in Morocco // United Nations Support Mission in Libya. 2015. URL: <https://unsmil.unmissions.org/libyan-political-dialogue-round-set-08-june-2015-morocco>

союзнические связи с разными монархиями Залива и претензии на нейтральную роль, позволяла ему оставаться важным звеном в региональных дипломатических усилиях²⁷³.

В военном аспекте взаимодействие Марокко со странами ССАГПЗ касательно Ливии, в отличие от ситуации в Йемене, не сводилось к прямому участию в боевых действиях. Вместо этого практиковались меры по повышению боеготовности и профессионализма марокканских спецслужб и армии, учитывая возможность вербовки или транзита экстремистов через ливийскую территорию в Северную Африку. Эр-Рияд и Абу-Даби делились с Рабатом информацией о подозрительных потоках оружия и финансирования, помогали улучшать разведывательные возможности марокканского командования. Параллельно велись обсуждения мер по усилению пограничного контроля, особенно в Сахарском регионе, учитывая риски переброски боевиков и оружия.

Западная Сахара

Западная Сахара является одним из наиболее продолжительных и сложных конфликтов на африканском континенте, имея прямое отношение к национальной идентичности и территориальному суверенитету Марокко. В основе спора лежит противостояние между Рабатом и Фронтом ПОЛИСАРИО, который с 1970-х гг. выступает за независимость данной территории. На протяжении нескольких десятилетий королевство Марокко прикладывало усилия для того, чтобы заручиться широкой международной поддержкой своей позиции, рассматривая Западную Сахару как неотъемлемую часть национальной территории²⁷⁴.

С начала 2000-х гг. поддержка со стороны ССАГПЗ в вопросе Западной Сахары проявлялась, в первую очередь, на политико-дипломатическом уровне. Эр-Рияд, Абу-Даби, Доха, Манама, Эль-Кувейт и Маскат

---

²⁷³ Подцероб А.Б. Ливийская трагедия - причины и последствия.// Институт Ближнего Востока. 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13368>

²⁷⁴ Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2000. С. 45.

неоднократно делали официальные заявления, в которых подчеркивали необходимость сохранения территориальной целостности Марокко и указывали на недопустимость вмешательства внешних сил в поддержку сепаратистских движений. Данная позиция подтверждалась и в рамках Лиги арабских государств: страны ССАГПЗ, обладающие значительным весом в ЛАГ, поддерживали резолюции и заявления, благоприятствующие марокканской точке зрения. Кроме того, отдельные государства Персидского залива начали открывать консульства и представительства в южных регионах Марокко, фактически признавая марокканский суверенитет де-факто. Такой дипломатический курс укреплял легитимность действий Рабата и одновременно позволял странам ССАГПЗ выступать в роли надежных союзников на глобальной арене²⁷⁵.

В военно-политическом аспекте солидарность Залива по вопросу Западной Сахары стала постепенно распространяться на конкретные форматы сотрудничества. Монархии Персидского залива инвестировали в модернизацию марокканских Вооруженных сил, выступая в качестве спонсоров поставок вооружения, в том числе современных систем ПВО, ударных вертолетов, разведывательных беспилотных летательных аппаратов²⁷⁶. Для Марокко это имело двоякий эффект. Во-первых, наличие более совершенных систем вооружений обеспечивало королевству лучший контроль над южными территориями, где остается риск возобновления боевых столкновений с силами ПОЛИСАРИО²⁷⁷. Во-вторых, тесное военное сотрудничество и совместные учения со странами Залива позволяли марокканской армии получать опыт ведения комбинированных операций, совершенствовать профессиональный уровень офицерских кадров. С другой

---

²⁷⁵ Аль Мохтар Д. Муританиява аль сахраа аль гарбия мин аль харб ила аль хияд: кираа фи аль хасилава аль афак [Мавритания и Западная Сахара, с войны до нейтралитета: изучение результатов и перспектив]. Катар: Исследовательский центр Аль Джазира. 2015. С.45.

²⁷⁶ Мелкумян Е.С. Политические реформы в арабских странах: принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. №6. С. 117-122.

²⁷⁷ Яхими М. Афактасийятнихаа аль сахраа аль гарбиябада аль Кадафи [Перспективы урегулирования конфликта в Западной Сахаре после Каддафи] // Центр исследований Аль-Джазира. 2015. 36 р.

стороны, страны ССАГПЗ, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ, рассчитывали, что Марокко в случае необходимости будет поддерживать их в региональных противоречиях на Ближнем Востоке. Такой сценарий уже реализовался в 2015 г., когда королевство, дорожа поддержкой Эр-Рияда в вопросе Западной Сахары, согласилось направить контингент для участия в йеменском конфликте на стороне саудовцев.

Еще одним проявлением военно-политического союза вокруг «сахарского досье» является обмен разведанными. Учитывая, что ПОЛИСАРИО активно присутствует в пограничных районах Западной Сахары, а Алжир оказывает ему материально-техническую и политическую поддержку, участие Алжира в конфликте усложняет ситуацию для Марокко. Это означает, что потенциальные угрозы могут исходить не только от самих боевиков ПОЛИСАРИО, но и от их тыловой инфраструктуры, базирующейся в Алжире, включая маршруты снабжения и тренировочные лагеря²⁷⁸. В этом контексте разведывательные сведения, получаемые Марокко от стран ССАГПЗ, помогают заблаговременно обнаруживать потенциальные угрозы, связанные как с передвижением боевиков, так и с логистическими цепочками их снабжения. ССАГПЗ, в свою очередь, получают от Марокко информацию об обстановке в западной части арабского мира, а также о потенциальной активности экстремистских группировок, связанных с Ближним Востоком, но проникающих в регион Сахеля. Таким образом, интересы в сфере безопасности переплетаются: страны Залива рассматривают Марокко как «форпост» против экстремизма и контрабанды оружия к югу от Сахары, а королевство рассчитывает на благожелательную политику стран ССАГПЗ по всем вопросам, связанным с Сахарой.

Существенную роль в укреплении военно-политического сотрудничества играет также создание совместных учебных центров и полигонов. На территории Марокко, обладающего разнообразным рельефом

---

²⁷⁸ Подгорнова Н.П. Проблема Западной Сахары: миф и реальности, М: РАН, 2016. С. 98.

(от гор Атласа до пустынных районов в Сахаре), регулярно проводятся совместные военные учения, в том числе с участием авиации и спецподразделений. Формально их цель - совершенствование навыков антитеррористической деятельности, отработка действий в сложных климатических условиях и управление многонациональными контингентами. Однако параллельно отрабатываются сценарии обороны южных регионов Марокко, что прямо относится к возможности новых столкновений с ПОЛИСАРИО²⁷⁹. Присутствие инструкторов из Саудовской Аравии и ОАЭ, имеющих опыт ведения боев в Йемене, помогает марокканским военным освоить тактику борьбы с мобильными группами, способными наносить удары по конвоям в пустынной местности. Подобный обмен опытом выгоден и армиям стран ССАГПЗ, которым важно знать особенности ведения боевых действий на африканском континенте и строить сети влияния в Магрибе²⁸⁰.

Важным элементом остаются и дипломатические действия в рамках ООН, где Марокко пытается продвинуть собственный план «широкой автономии» для Западной Сахары под суверенитетом королевства. Государства ССАГПЗ нередко оказывают давление на африканские и азиатские страны, используя экономические рычаги, чтобы те поддерживали марокканскую позицию или воздерживались от признания Фронта ПОЛИСАРИО. Такая практика особенно заметна на площадке Африканского союза, где Алжир и его сторонники традиционно пользуются весомым влиянием, тогда как Марокко пытается продвигать собственную повестку. С момента возвращения Марокко в Африканский союз (2017 г.)²⁸¹ страны ССАГПЗ активизировали финансовую помощь целому ряду стран континента, что косвенно способствовало росту числа государств, отзывающих признание «Сахарской Арабской Демократической Республики» (САДР),

---

²⁷⁹ Западная Сахара: преданная независимость. Сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики / Составитель Елена Висенс. М., 2007. С. 67.

²⁸⁰ Ahmed, Sarah Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "THE CHALLENGES OF OUR YEMENI REVOLUTION." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, pp. 190-197.

²⁸¹ Возвращение в Африканский союз: почему Марокко стремится обратно спустя 33 года // ТАСС. 2017. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3982140>

провозглашенной ПОЛИСАРИО.

Тем не менее в отношениях вокруг Западной Сахары сохраняются и определенные риски. Во-первых, внутренняя консолидация в ССАГПЗ не является абсолютной: кризис 2017–2021 гг. показал, что между Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром могут возникать серьезные разногласия, потенциально создающие вызовы для единой поддержки Марокко²⁸². Хотя в основном все эти страны выступают за суверенитет королевства над Западной Сахарой, изменения в их двусторонних отношениях порой приводят к уменьшению дипломатической активности или переносу акцентов. Во-вторых, зависимость Марокко от инвестиций стран ССАГПЗ в инфраструктуру и военное дело может восприниматься марокканским общественным мнением как «сдача национальных интересов» в других важных вопросах. Критика внешней политики, особенно в контексте участия в дальних конфликтах (например, в Йемене), может ослабить позитивный настрой общества по отношению к монархиям Залива. В-третьих, остается фактор потенциального компромисса с ПОЛИСАРИО, который может быть инициирован ООН. Если организация предложит формулу, противоречащую полной интеграции Западной Сахары в состав Марокко, то страны ССАГПЗ могут начать осторожно менять риторику, прежде всего под давлением глобальных держав. Вероятность такого сценария невелика, однако подобная возможность указывает, что гарантии абсолютной лояльности со стороны стран ССАГПЗ неограниченны.

Ситуация в Сахеле

С конца 1990-х годов обстановка в Сахеле, обширном регионе к югу от пустыни Сахара, приобрела особое значение для Марокко, учитывая рост нестабильности, террористической активности, торговлю наркотиками и вооружениями, а также проблемы нелегальной миграции. Ухудшение ситуации в ряде государств (Мали, Нигер, Чад, Буркина-Фасо) стало

---

²⁸² GCC Crisis. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/media-centre/in-focus/gcc-crisis/>

предметом беспокойства как для стран Магриба, так и для внешних игроков, включая европейские державы и страны Персидского залива²⁸³. В этот период, то есть после восшествия на престол короля Мухаммеда VI в 1999 г., Марокко интенсифицировало внешнеполитическую и военную активность, стараясь позиционировать себя как стабилизирующую силу в регионе и формировать прочные альянсы с государствами ССАГПЗ. Важную роль в расширении связей между Марокко и странами ССАГПЗ сыграли как общие интересы в сфере противодействия терроризму, так и стремление королевства обеспечить поддержку в своих стратегических вопросах²⁸⁴.

Одним из ключевых факторов, которые привлекли внимание государств ССАГПЗ к Сахелю, стал рост террористической активности, связанной с группировками, ориентированными на идеологию «Аль-Каиды»²⁸⁵ и других радикальных сетей. Важную роль здесь играла сеть «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ), сформировавшаяся на базе алжирских вооруженных группировок, а также появление новых формирований, связанных с «Исламским государством»²⁸⁶. Этот феномен, усилившийся после 2012–2013 гг., представлял прямую угрозу для Марокко, поскольку экстремистские элементы могли проникать на его территорию через слабоконтролируемые границы в Сахаре и оказывать влияние на радикальные круги внутри самого королевства. Странам Персидского залива, в особенности Саудовской Аравии и ОАЭ, важно было предотвратить превращение Сахеля в глобальную опорную зону терроризма: во-первых, в силу идеологических разногласий с радикальными течениями, во-вторых, из-за стремления исключить каналы финансирования экстремистов, которые могли бы использовать транзит через Африку.

---

²⁸³ Болевые точки африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы) // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/bolevye-tochki-afrikanckogo-kontinenta-sakhel-obzor-situatsii-i-perspektivy/>

²⁸⁴ Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Российский совет по международным делам (РСМД). 2019. URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/armii-i-bezopasnost-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike/?sphrase_id=174671757

²⁸⁵ Запрещенная в России террористическая организация

²⁸⁶ Запрещенная в России террористическая организация

Сближение Марокко с странами ССАГПЗ в вопросе Сахеля стало логическим продолжением общей политики противодействия экстремизму и радикальному исламу, где Рабат традиционно выступал за «умеренное» течение, опираясь на авторитет монархии и религиозного института «командира правоверных». Уже в начале 2000-х гг. королевство активно делилось опытом по «духовному просвещению», а также участвовало в многосторонних мероприятиях, связанных с подготовкой военных кадров из африканских стран. Финансовая и техническая поддержка со стороны Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ позволяла Марокко развивать специализированные центры подготовки сил безопасности, совершенствовать методики разведки и пограничного контроля, а также укреплять собственные каналы координации с соседними африканскими государствами²⁸⁷.

С начала 2010-х гг. в регионе Сахеля произошло множество крупных политических кризисов, в том числе перевороты в Мали²⁸⁸ и Буркина-Фасо²⁸⁹, Нигере, а также попытки сепаратистских и исламистских групп взять под контроль обширные пустынные территории. В этот период Марокко стало более заметно позиционировать себя как посредник и участник различных международных форматов урегулирования, в том числе поддержанных ООН, Африканским союзом и Европейским союзом. При этом королевство стремилось подчеркнуть, что обладает глубоким знанием «африканской специфики» и способно предоставлять не только военные, но и дипломатические решения. Страны ССАГПЗ, в свою очередь, были заинтересованы в расширении своего присутствия в Африке, видя в Сахеле сферу роста влияния, а также источник потенциальных угроз, которые желательно нейтрализовать на дальних рубежах. В результате государства ССАГПЗ стали оказывать финансовую поддержку отдельным проектам по

---

²⁸⁷ Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество / Е.С. Мелкумян. М.: ИВ РАН, 2008. С.54.

²⁸⁸ Филиппов В. Р. Война в Мали: тень Елисейского дворца // Международная жизнь. 2013. № 4. С. 36–56. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/848>

²⁸⁹ Перевороты в Буркина-Фасо. // ТАСС. 2022. 2 октября. URL: <https://tass.ru/info/15927957>

стабилизации региона, к которым Марокко могло подключаться в качестве оператора или бенефициара²⁹⁰.

Серьезное внимание уделялось разведывательному обмену. Одним из приоритетов являлось пресечение торговли оружием, наркотиками и товаров, которые нередко служили источником финансирования терроризма. По данным ряда аналитических центров, страны ССАГПЗ видели смысл в совместных инвестициях в высокотехнологичные системы мониторинга (например, беспилотные летательные аппараты, спутниковую связь, разведывательные технологии), чтобы отслеживать перемещения группировок по маршрутам, пролегающим через Сахару.

Марокко обладало рядом преимуществ в сфере разведывательных операций. Несмотря на закрытую и заминированную границу с Алжиром, сам факт соседства с этой страной, поддерживающей ПОЛИСАРИО и являющейся транзитной зоной для различных нелегальных потоков, позволял марокканским спецслужбам собирать информацию о маршрутах контрабанды, логистических цепочках радикальных группировок и деятельности их тыловых баз. Кроме того, Марокко контролирует значительную часть Западной Сахары, что делает его ключевым звеном в мониторинге южных границ региона, предотвращении инфильтрации боевиков из Сахеля и обеспечении стабильности на стратегически важной территории. В обмен королевство рассчитывало на политическую и экономическую поддержку стран ССАГПЗ, тем более что борьба с террористической угрозой косвенно укрепляла его собственные аргументы относительно необходимости контроля над Западной Сахарой²⁹¹.

Существенное значение имели и антитеррористические учения, которые проходили как в самом Марокко, так и в других странах региона, иногда под

---

²⁹⁰ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. Том IV / Отв. ред., введ., закл.: И.В. Пономарев. М.: Институт Африки РАН, 2020. С.75.

²⁹¹ Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 3. С. 6-23

эгидой западных партнеров (например, учения «African Lion», проводимые совместно с США и государствами Африки)²⁹². Регулярное присутствие инструкторов и офицеров из Саудовской Аравии, ОАЭ или Катара помогало королевству расширять круг военно-технических контактов, а также обмениваться опытом с военнослужащими из Мали, Нигера и других стран Сахеля. Данные мероприятия включали отработку действий против малых мобильных групп, разминирование, ведение разведки в пустынной местности, а также логистику, связанную с доставкой продовольствия и вооружений в труднодоступные районы. Подобная кооперация укрепляла возможности Марокко по контролю южных рубежей, а страны Залива получали не прямой доступ к африканским рынкам и инструментам влияния.

Нельзя не отметить и гуманитарный аспект. Периодические засухи, политическая нестабильность и вооруженные конфликты в Сахеле способствовали росту численности беженцев, часть которых пыталась мигрировать на север - в Марокко, Алжир, Тунис. С точки зрения государств ССАГПЗ важно было избегать массовых волн социально-экономических проблем, могущих перекрывать маршруты поставок или сеять хаос, а потому они поддерживали гуманитарные и инфраструктурные проекты в регионе, зачастую с участием марокканских организаций²⁹³. Рабат, со своей стороны, получал возможность укреплять «мягкую силу», позиционируя себя как ведущую африканскую державу, способную оказывать гуманитарную помощь и содействие в посредничестве между враждующими сторонами. При этом человеческий капитал (медики, инженеры, исламские проповедники) нередко подготовлен при финансировании или участии фондов стран ССАГПЗ, что еще больше углубляло связку «Марокко - ССАГПЗ» на африканском направлении.

Однако взаимодействие Марокко со странами Залива по Сахелю не было

---

²⁹² U.S. Africa Command (AFRICOM). African Lion // U.S. Africa Command. URL: <https://www.africom.mil/what-we-do/exercises/african-lion>

²⁹³ Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 3. С. 6-23.

лишено противоречий. Во-первых, разные государства ССАГПЗ могли иметь собственные предпочтения в отношении отдельных групп и режимов. Например, Катар, известный поддержкой определенных исламских течений, порой расходился во взглядах с Саудовской Аравией и ОАЭ, ориентированными на более жесткую политику подавления радикальных движений. Во-вторых, определенную роль играли соперничества внутри Магриба, прежде всего между Алжиром и Марокко, что осложняло формирование единого фронта против терроризма. В-третьих, у западных держав, активно присутствующих в Сахеле (Франция, США), тоже имелись свои интересы, не всегда совпадающие с приоритетами стран ССАГПЗ. Марокко приходилось балансировать, сохраняя партнерские отношения и с Западом, и с ССАГПЗ, чтобы не подорвать взаимный доверительный формат²⁹⁴.

В целом за период с 1999 г. по начало 2020-х гг. наметилась устойчивая тенденция к расширению военно-политического союза между Марокко и странами Персидского залива, в котором Сахель являлся значимым элементом повестки. Для Рабата стратегический интерес заключался в том, чтобы гарантировать собственную безопасность на южных рубежах, пресечь каналы наркотрафика и вербовки экстремистов, а также укрепить африканскую составляющую своей внешней политики. Одновременно страны ССАГПЗ, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ, получали возможность укорениться в регионе, располагающемся на пересечении маршрутов из Африки в Европу и имеющем богатые минеральные ресурсы. При этом такое присутствие могло служить противовесом иранскому влиянию, поскольку Тегеран в отдельных случаях искал точки опоры в государствах Африки²⁹⁵.

Подобная кооперация усиливала экономические связи: наряду с военными и разведывательными проектами шла параллельная поддержка

---

²⁹⁴ Boukhars Anouar. Reassessing the power of regional security providers: the case of Algeria and Morocco, *Middle Eastern Studies*, 2019. Vol. 55, Issue 2. P. 242-260.

²⁹⁵ Tamburini Francesco. The 'Islam of the Government': The Islamic High Councils in Algeria, Morocco, Mauritania and Tunisia // *Journal of Asian and African Studies*. 2020. Vol 55, Issue 4. P. 45-71.

инфраструктурных инициатив, которые предполагали строительство дорог, разработку месторождений, открытие финансовых институтов. В результате Марокко выступало своеобразным «мостом» между Заливом и Африканским континентом, предоставляя выход на торговые и инвестиционные возможности Сахеля.

Кризис вокруг Катара

Кризис вокруг Катара, развернувшийся в июне 2017 г., когда Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет объявили о дипломатической и экономической блокаде Дохи, стал одним из наиболее острых моментов в истории ССАГПЗ²⁹⁶. Формальной причиной послужили обвинения Катара в «поддержке терроризма», а также претензии к его СМИ и внешней политике. Этот шаг привел к глубокому расколу внутри блока ССАГПЗ и затронул интересы других региональных игроков, среди которых оказалось и Марокко, тесно связанное с монархиями Персидского залива в военно-политической и экономической сфере²⁹⁷.

Для Рабата кризис вокруг Катара создал сложную дилемму, поскольку королевство традиционно ориентируется на хорошие отношения с Эр-Риядом и Абу-Даби, в то же время ценя экономические и инвестиционные проекты, реализуемые Дохой на марокканской территории. Приняв во внимание риск навлечь недовольство любой из противоборствующих сторон, Марокко предпочло занять позицию осторожного нейтралитета. В течение 2017–2018 гг. король Мухаммед VI неоднократно заявлял о желании содействовать снятию напряженности через посредничество, указывая на необходимость единства монархий Залива. Эта «уравновешенность» выражалась, в частности, в отправке продовольственной помощи в Катар (в начале блокады), которую Рабат охарактеризовал как «жест гуманитарной солидарности» без

---

²⁹⁶ Абылгазиев И.И., Васецова Е.С., Егоров И.С. Роль информационной войны в гибридном конфликте между государством Катар и королевством Саудовская Аравия // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. 2023. Т. 45, № 1. С. 58-72.

²⁹⁷ Барабанов О.Н. Катар как ревизионистская держава: идеология политического ваххабизма // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 3.07.2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/katar-revizionistskaya-derzhava/>

политической подоплеки²⁹⁸.

Отсутствие однозначного присоединения Марокко к антикатарской коалиции, разумеется, вызывало недовольство со стороны Эр-Рияда и Абу-Даби, которые ожидали от своих партнеров полной лояльности. Периодически в медиа появлялась информация о временном охлаждении отношений между марокканским руководством и саудовскими представителями, включая вопросы, связанные с проектами военного сотрудничества. Однако, учитывая важность Марокко как стратегического союзника по линии борьбы с терроризмом и в вопросе Сахеля, Эр-Рияд и Абу-Даби избегали слишком жестких мер в отношении королевства.

Катар, в свою очередь, учитывая поддержку Марокко в годы «арабской весны» и разносторонние инвестиции в экономику королевства, стремился сохранить и углубить контакты с Рабатом. Совместные проекты временно перешли в «режим выжидания» из-за риска обострения отношений с блокирующими государствами, но полный разрыв не состоялся. Более того, Катар предложил дальнейшее укрепление культурных и гуманитарных связей, пытаясь стабилизировать свое присутствие на марокканском рынке²⁹⁹.

Несмотря на длительность кризиса (он был официально урегулирован лишь в начале 2021 г. на саммите в Аль-Уле), Марокко сумело сохранить баланс и не потерять потенциальных партнеров ни в Эр-Рияде, ни в Дохе³⁰⁰. Подобная дипломатическая гибкость позволила королевству избежать обязательного выбора «стороны конфликта» и продолжить развивать военно-политическое сотрудничество со всеми монархиями Персидского залива. В итоге данный кризис показал значимость прагматичной политики Рабата, основанной на поиске компромисса и стремлении сохранить доверие к королевству в качестве самостоятельного и взвешенного игрока в арабском

---

²⁹⁸ Дербенев А.С. Катар: в тисках региональных проблем // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. - М.: МИГУ, 2019. С. 95-107.

²⁹⁹ Егоров И.С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2019. №2 4. С. 257-263.

³⁰⁰ Егоров И.С. Прогресс в нормализации отношений между Катаром и арабской четверкой во главе с Саудовской Аравией: причины и перспективы // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 2 (66). С. 522-531.

мире.

Палестино-израильский конфликт

Палестинский вопрос занимает особое место во внешнеполитических приоритетах Марокко и государств ССАГПЗ, поскольку он на протяжении многих десятилетий рассматривался как ключевая проблема, определяющая повестку дня арабского мира в целом³⁰¹. Королевство Марокко, возглавляемое династией Алауитов, с конца XX века традиционно заявляло о неизменной поддержке прав палестинского народа на самоопределение и создании независимого государства со столицей в Восточном Иерусалиме (Аль-Кудсе). Государства Персидского залива - прежде всего Саудовская Аравия и Катар - также активно участвовали в дипломатических процессах вокруг палестинского досье и оказывали финансовую помощь Палестинской автономии. Для понимания того, как палестинский вопрос повлиял на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ, важно учитывать исторические, религиозные и геополитические аспекты, а также современные тенденции, включая частичную нормализацию отношений ряда арабских государств с Израилем.

С исторической точки зрения, Марокко, как и многие другие арабские страны, поддерживало Организацию освобождения Палестины (ООП) и признает Палестинскую национальную администрацию. Важнейший символический аспект присутствует в том, что король Марокко на протяжении нескольких поколений традиционно возглавляет Комитет Аль-Кудс (Иерусалимский комитет) Организации исламского сотрудничества. Данная структура занимается защитой святых мест и культурного наследия в Иерусалиме³⁰². Для Рабата это не только религиозно-политический вопрос, но и значимый фактор имиджа королевства на ближневосточной арене. Саудовская Аравия, в свою очередь, с 1970-х гг. играла роль одного из

---

³⁰¹ Примаков, Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков.М., 2006. С. 232.

³⁰² Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М.: Центрополиграф, 2016. С.149.

ключевых финансовых инвесторов для Палестины, а также принимала участие в посредничестве между различными палестинскими фракциями. Катар - еще один важный актер, который в 2000-е и 2010-е гг. активно поддерживал сектор Газа, в том числе посредством прямых инвестиций и гуманитарных программ³⁰³.

На военно-политическом уровне палестинский вопрос долгое время выступал своего рода «объединяющим» фактором для арабских государств, формируя идеи «панарабской солидарности». Марокко и страны Залива подчеркивали в совместных документах необходимость оказания поддержки палестинскому народу в борьбе за свои законные права. Однако после 1990-х гг., когда мирный процесс между Израилем и Палестиной несколько раз заходил в тупик, а также в силу появления других более масштабных конфликтов (Ирак, Сирия, Йемен), палестинская проблема утратила свою доминирующую позицию в ближневосточной повестке. При этом военно-политическая кооперация Рабата со странами ССАГПЗ продолжала расширяться уже по другим причинам, связанным в большей степени с иранским влиянием и противодействием терроризму³⁰⁴.

Для Марокко палестинское досье всегда было ценным ресурсом легитимности на внутривосточной арене. Поддержка палестинцев подтверждала статус королевской власти как «защитницы исламских святынь» и укрепляла связь между государством и религиозной составляющей. Страны ССАГПЗ солидаризировались с Рабатом в том, что окончательное решение палестинского вопроса должно основываться на принципе создания независимого государства в границах 1967 года³⁰⁵. При этом, однако, в 2018–2020 гг. некоторые члены ССАГПЗ, например ОАЭ и Бахрейн, пошли на нормализацию отношений с Израилем в рамках

---

³⁰³ Косач Г.Г., Мелкумян Е. С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятие решений. М.: ИИИиБВ, 2003. С.76.

³⁰⁴ Гукасян Г.Л., Политика модернизации Объединенных Арабских Эмиратов // Ближний Восток и современность, выпуск 46, М., 2012, С. 230.

³⁰⁵ Государство Палестина: право на будущее: монография / А.В.Федорченко, А.В.Крылов, В.М.Морозов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр ближневосточных исследований Ин-та междунар. исследований. М. : МГИМО-Университет, 2018. С.45.

«Соглашений Авраама», вызвав определенную полемику в арабском мире³⁰⁶. Марокко, со своей стороны, также заявил о восстановлении контактов с Израилем в конце 2020 г., но подчеркивал, что не отказывается от поддержки Палестины и статуса Восточного Иерусалима. Саудовская Аравия, сохраняя традиционный курс на поддержку палестинских интересов, пока не пошла на официальную нормализацию, хотя и не осудила действия других стран ССАГПЗ.

Сложность ситуации заключается в том, что палестинский вопрос по-прежнему воспринимается значительной частью арабского общества как центральная проблема региона, тогда как элиты Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и Марокко все больше ориентируются на вызовы, связанные с угрозами со стороны Ирана, действиями экстремистских группировок и реализацией экономического развития. Тем не менее для Рабата палестинская тема остается одной из точек пересечения с монархиями Залива, которые продолжают финансировать гуманитарные проекты на оккупированных территориях, содействовать строительству домов, больниц и религиозных объектов. Совместные заявления, исходящие из встреч на высшем уровне, фиксируют общую позицию о необходимости защиты статуса Аль-Кудса и сохранения исламского характера святых мест.

В сфере военно-политического сотрудничества палестинский вопрос в целом не занимает центральную роль, однако позволяет Марокко и странам Залива укреплять имидж «защитников общей арабской и исламской идентичности». Финансовые потоки, направляемые странами ССАГПЗ, способствуют поддержанию социальной стабильности в Палестине, а дипломатические акции дают возможность Рабату выступать как влиятельному представителю «умеренного» крыла в арабском мире.

Таким образом, рассмотренные региональные конфликты и кризисы

---

³⁰⁶ Куприянов А. В. Есть ли будущее у Авраамических соглашений? // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/est-li-budushchee-u-avraamicheskikh-soglasheniy/?sphrase_id=174680033

(сирийский, йеменский, ливийский), а также проблемы Западной Сахары, Сахеля, кризис вокруг Катара и палестинский вопрос продемонстрировали многообразие факторов, формирующих военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ с 1999 г. Марокко, будучи географически отдаленным от очагов напряженности в Леванте и на Аравийском полуострове, сумело использовать конфликты для укрепления союзов, модернизации вооруженных сил и извлечения экономических выгод. В то же время королевство столкнулось с необходимостью балансировать между разными центрами влияния в Заливе, учитывая противоречия между Саудовской Аравией, ОАЭ, Катаром и другими странами. Несмотря на потенциальные вызовы, связанные с вовлечением в конфликты, не имеющие прямого отношения к национальным интересам, и внутривнутриполитическую критику, Марокко сохранило нейтралитет, получая взамен поддержку в ключевом для себя вопросе Западной Сахары, а также инвестиционные ресурсы. ССАГПЗ, со своей стороны, получили надежного регионального партнера, готового участвовать в антитеррористических коалициях, миротворческих инициативах и военных учениях. В результате сформировалась устойчивая военно-политическая модель сотрудничества, включающая обмен разведданными, модернизацию армии, координацию позиций в ЛАГ и ООН, а также совместные действия в борьбе с терроризмом. Все это закрепило за Марокко статус важного партнера для стран ССАГПЗ.

3.2 Фактор борьбы с экстремизмом и терроризмом в военно-политическом сотрудничестве Марокко и стран ССАГПЗ

Формирование общей концепции по противодействию радикальным проявлениям на Ближнем Востоке и в Северной Африке длительное время находилось в фокусе внимания правящих элит. Марокканское государство, обладая многовековыми религиозно-культурными традициями, активно участвовало в разработке стратегий, направленных на предотвращение

экстремизма, а также на пресечение каналов финансирования террористических группировок. Параллельно, арабские монархии Персидского залива, стремившиеся сохранить региональную стабильность, вкладывали значительные средства в инфраструктурные и гуманитарные проекты, призванные нивелировать социальную почву для радикальных идей. Многогранная система взаимодействия опиралась на политические договоренности, двусторонние и многосторонние соглашения, механизмы обмена оперативной информацией, а также специализированные образовательные программы³⁰⁷.

Важность укрепления сотрудничества в контртеррористической сфере подтвердилась после событий начала XXI века, включая теракты 11 сентября 2001 г. в США и ряд последующих нападений на объекты в различных регионах³⁰⁸. Страны ССАГПЗ и Марокко начали сближаться, рассчитывая усилить контроль за транснациональными потоками средств, используемыми экстремистскими организациями. Наблюдался рост взаимного интереса к обмену данными о передвижении подозрительных лиц, имеющих отношение к террористическим группам. Благодаря этому возникали совместные комиссии, нацеленные на упорядочение правового поля, где можно было прописать полномочия сторон по задержанию и выдаче подозреваемых³⁰⁹.

Подход королевства Марокко к проблеме экстремизма опирался на политику, соединявшую духовное наследие суфийских братств, ориентированных на традиционный ислам, и принципы лояльности к монархическому институту, выступавшему в роли хранителя религиозной идентичности. Использовались усилия Министерства по делам вакуфов и исламских дел, чьи представители проверяли учебные материалы в медресе и

---

³⁰⁷ Звягельская И.Д., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Ближний Восток в условиях «негативной определенности» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 94-103.

³⁰⁸ Mak J., Moncur J. The 9/11 Terrorist Attack and Overseas Travel to the United States: Initial Impacts and Longer-Run Recovery // U.S. Department of Homeland Security. 2010. URL: https://ohss.dhs.gov/sites/default/files/2023-12/9_11%2520and%2520Travel%2520to%2520US%25202010.pdf

³⁰⁹ Карпачёва О. В. Опыт Марокко: противодействие экстремизму и его предотвращение // *История и современность*. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-marokko-protivodeystvie-ekstremizmu-i-ego-predotvraschenie>

содержательные аспекты проповедей в мечетях³¹⁰. Одновременно действовало Управление внутренней безопасности, совершая систематические рейды против предполагаемых ячеек радикальных структур. Многие зарубежные аналитики отмечали эффективность такой модели, придерживаясь мнения, что «марокканские власти давно ведут многоуровневую работу, укрепляя институт традиционного ислама и подавляя проявления радикализации»³¹¹.

При этом сотрудничество со странами ССАГПЗ включало координацию усилий в сфере просветительских инициатив, направленных на формирование у молодежи позитивного отношения к государственным институтам и приверженности умеренному пониманию религии. Финансовая поддержка, поступающая от Саудовской Аравии и ОАЭ, позволяла запускать социальные проекты в маргинальных районах марокканских городов, где высок уровень безработицы и недостаточно развита инфраструктура. Помимо развития социальной среды, имели место программы по противодействию идеологическому влиянию экстремистов в интернете, курируемые специально созданными центрами мониторинга³¹².

События 2003 г., когда в Касабланке прогремели взрывы, продемонстрировали уязвимость королевства перед угрозой радикального насилия. Несколько террористических актов, унесших десятки жизней, заставили марокканские власти усилить превентивные меры и активизировать взаимодействие с внешними союзниками. На фоне этих событий Эр-Рияд и Рабат подписали меморандум о совместном обмене контртеррористической информацией, в котором содержались пункты, касавшиеся отработки задержания лиц, подозреваемых в причастности к подрывной деятельности³¹³.

---

³¹⁰ Жерлицына Н. А. Северная Африка под прицелом терроризма // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 9 (710). С. 6–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27248556>

³¹¹ Куделев В.В. Терракты в Касабланке - новое доказательство радикализации исламистского движения в Марокко? // Терроризм. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 46.

³¹² Саватеев А. Д., Хайруллин Т. Р. Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире: внутрорегиональные связи и глобальное взаимодействие. 2019. Т. 15, № 3. URL: https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/view/737?locale=ru_RU

³¹³ Куделев В.В. Терракты в Касабланке - новое доказательство радикализации исламистского движения в Марокко? // Терроризм. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 46.

Соглашения предусматривали проведение совместных учений, носящих конфиденциальный характер. Параллельно поднимался вопрос о выработке единых процедур для наблюдения за финансовыми потоками, перемещающимися через исламские благотворительные фонды, часто находящиеся за пределами строгого государственного контроля. Подобное финансирование могло направляться на нужды общин, но часть средств использовалась для подпитки экстремистских структур. Страны ССАГПЗ, рассматривая себя как хранителей исламского наследия, поддерживали жесткие ограничения против тех, кто искажал религиозную доктрину в корыстных политических целях.

С началом «Арабской весны» в ряде государств региона наметился рост нестабильности, который сопровождался увеличением вербовочной деятельности различных экстремистских групп. Марокко, проведя ряд конституционных реформ, постаралось обезопасить себя от дестабилизации, одновременно интенсифицировав сотрудничество с монархиями Залива в сфере безопасности. Расширился спектр консультаций по регулированию миграционных потоков, включая выработку превентивных мер против проникновения в Северную Африку лиц, связанных с радикальными ячейками. Марокканские спецслужбы активно обмениваются данными со структурами арабских стран Персидского залива, отслеживая происхождение подозрительных телефонных звонков, источники финансирования отдельных лиц, а также содержание исламских проповедей, размещаемых в социальных сетях³¹⁴.

Подход Саудовской Аравии к противодействию терроризму подразумевал масштабную программу по перевоспитанию лиц, уже оказавшихся под влиянием радикальных проповедников. В марокканских условиях наблюдалось частичное заимствование этого опыта: религиозные

---

³¹⁴ Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 93-103.

наставники, представляющие «умеренную» ветвь ислама, взаимодействовали с молодыми людьми, замеченными в экстремистской идеологии. Цель заключалась в возвращении их к спокойной социальной жизни, в предотвращении повторного вовлечения в подпольные ячейки. Финансирование указанных программ обеспечивалось при содействии Фонда короля Салмана, а также ряда эмиратских институтов³¹⁵.

Признанный международным сообществом факт массового участия североафриканских и ближневосточных граждан в боевых действиях на стороне террористических формирований в Сирии и Ираке заставил все стороны усиливать меры предосторожности. Многие добровольцы, вернувшиеся в родные страны, представляли потенциальную угрозу. Распространение опыта боевых действий формировало среду для конспиративных сетей, вербовавших новых участников. Понимая опасность подобного трансфера навыков, Марокко, Саудовская Аравия, ОАЭ и другие входили в многосторонние блоки, координируя контрразведывательные мероприятия и совершенствуя нормативную базу. Совместный центр, размещенный в Эр-Рияде и финансируемый при поддержке Катара, позволял оперативно обрабатывать большие объемы данных о пересечении границ, телефонных контактах и банковских операциях³¹⁶.

Роль Всемирной исламской лиги и других религиозных институтов с головными офисами в Саудовской Аравии также заслуживала внимания в марокканском контексте. В духовных семинариях, расположенных близ Рабата, периодически проводились совместные конференции, участники которых пытались найти способы борьбы с радикальной интерпретацией исламской доктрины. Специальные курсы для имамов, читавшиеся профессорами из Джидды, ориентировались на разъяснение опасности

---

³¹⁵ Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. Москва: ИВ РАН, 2012. С. 72–91.

³¹⁶ Кайли С. Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива. Аль-саура аль-мусульяха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. Бейрут: Atlas Publishing House, 2013. Араб. Яз. С. 23.

экстремистских трактовок. Присутствовали и представители официального духовенства Марокко, осуществлявшие преемственность местных традиций религиозного воспитания³¹⁷.

Сотрудничество затрагивало не только духовную сферу, но и техническую составляющую безопасности. Применялись передовые разработки в области электронного мониторинга, включая базы данных о подозрительных лицах, системах распознавания лиц и сканировании социальных сетей. Марокканское правительство получало консультации от экспертов, связанные с возможностями для улучшения методов кибербезопасности. В частности, ОАЭ, обладающие высокими технологическими ресурсами, предоставляли оборудование и программное обеспечение, позволяющее в реальном времени отлавливать материалы, пропагандирующие насилие. Некоторое число совместных проектов курировалось американскими и европейскими специалистами, задействованными в обучающих программах по киберзащите, проводившимися в Марракеше³¹⁸.

Вопрос о совершенствовании законодательства оставался одним из центральных. Марокканский уголовный кодекс дополнялся нормами, предусматривающими усиленную ответственность за вступление в террористические группировки, за пропаганду насилия, а также за призывы к свержению конституционного строя. Саудовские и эмиратские консультанты участвовали в обсуждении проектов законов, связанных с определением критериев «экстремистской деятельности» и методов преследования ее организаторов³¹⁹.

Сотрудничество в рамках Лиги арабских государств предоставляло дополнительную площадку для координации совместных позиций. При

---

³¹⁷ Куделев В.В. Армия и власть в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 13.- М., 2002. С. 90.

³¹⁸ Антитеррористический комитет ООН: Доклады о деятельности государств Северной Африки (2021). URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/>

³¹⁹ Концепция новой системы безопасности в Персидском заливе // Фонд Карнеги за международный мир. 2015. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2015/12/imagining-a-new-security-order-in-the-persian-gulf?lang=ru>

обсуждении вопросов противодействия боевикам, связанных с «Аль-Каидой»³²⁰ и иными группировками, прозвучали согласованные заявления, осуждавшие насилие и экстремизм. Делегация Марокко, опираясь на поддержку партнеров из стран ССАГПЗ, предлагала внедрение механизмов коллективной безопасности, предполагающих обмен передовой практикой по реабилитации бывших радикалов.

Оперативные учения, проходившие с участием специалистов из Марокко, Саудовской Аравии, ОАЭ, Омана и других государств, позволяли отрабатывать взаимодействие антитеррористических подразделений. Разыгрывались сценарии, предполагающие захват заложников, нейтрализацию групп, планирующих взрыв в общественном месте, а также защиту стратегических объектов (аэропортов, портовых терминалов, дипломатических представительств). Подобные маневры включали в себя параллельную работу саперных команд, подразделений радиационной, химической и биологической защиты и медперсонала, тренированного оказывать помощь пострадавшим³²¹.

Усиливая практическое взаимодействие, Марокко и союзные монархии стремились предложить комплексный подход, учитывающий социально-экономические корни экстремизма. Крупные фонды, базирующиеся в Дохе и Эр-Рияде, предоставляли гранты на создание рабочих мест, поддержку молодежного предпринимательства и развитие инфраструктуры в пригородах. Марокканская сторона представляла проекты, связанные с сельским хозяйством, ремесленной сферой и внутренним туризмом, демонстрируя возможности снижения безработицы при поддержке иностранных инвестиций³²². Подобные мероприятия помогали уменьшить социальную напряженность и, как следствие, сокращали базу для вербовки в радикальные

---

³²⁰ Запрещенная в России террористическая организация

³²¹ Саватеев А. Д., Хайруллин Т. Р. Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире: внутрорегиональные связи и глобальное взаимодействие. 2019. Т. 15, № 3. URL: https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/view/737?locale=ru_RU

³²² Beau Nicolas et Graciet Catherine. Quand le Maroc sera islamiste. P. : La découverte, 2006. P.23.

структуры.

Наблюдалось и взаимное влияние в сфере просвещения. Создавая специальные программы для религиозных учебных заведений, марокканские преподаватели сотрудничали с саудовскими и эмиратскими богословами, стремясь выработать методики, опирающиеся на толерантное прочтение священных текстов. С одной стороны, стремление к сохранению аутентичных местных традиций заставляло марокканцев с осторожностью относиться к внешним интерпретациям. С другой стороны, финансовые вливания монархий Залива способствовали модернизации ряда институтов, предоставлявших религиозные дипломы. Итогом являлось постепенное формирование религиозной среды, где непримиримые тексты и призывы к насилию жестко пресекались³²³.

Дополнительно обсуждался вопрос о присутствии иностранных граждан в Марокко и странах Залива, обусловленный активными процессами трудовой миграции. Большое количество жителей Южной и Восточной Азии работали, не всегда находясь в поле зрения органов безопасности. В марокканском случае наблюдался поток мигрантов из государств Африки к югу от Сахары, перемещавшихся через территорию королевства для дальнейшего проникновения в Европу. Формат совместных действий предусматривал усиленный контроль на границах, а также обмен списками граждан, пребывавших под следствием по экстремистским статьям. Проводились совместные операции, пресекавшие деятельность сетей, перевозивших нелегальных мигрантов и сотрудничавших с террористическими организациями³²⁴.

В 2015–2016 гг. появились инициативы по созданию единой базы данных о лояльных и неблагонадежных имамах, работающих на пространстве арабских государств. Эр-Рияд и Рабат вели активные переговоры, пытаясь

---

³²³ Зеленев Е. И., Озеров О. Исламский фактор на Ближнем Востоке и в Северной Африке: феномен «реисламизации» // *Международная жизнь*. 2019. С. 60–73. URL: <https://publications.hse.ru/articles/325548706>

³²⁴ Жерлицына Н. А. Северная Африка под прицелом терроризма // *Азия и Африка сегодня*. – 2016. – № 9 (710). С. 6–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27248556>

определить условия доступа к подобной базе. Из-за различных политических и внутригосударственных интересов согласование шло непросто. Однако уже к концу 2017 г. министерства по делам религии Марокко и Саудовской Аравии объявили о запуске пилотного проекта, призванного выявлять лиц, пропагандирующих нелегитимные формы насилия. Предполагалось, что заключения совместной комиссии позволят быстро реагировать на радикальные высказывания и вмешиваться в начальной фазе распространения радикальной риторики³²⁵.

Активизация экстремистских группировок на сопредельных территориях Марокко, включая Мали, Ливию и районы Сахеля, подталкивала участников союза к расширению координации. Похищения иностранцев, контрабанда оружия, наркотрафик и контрабанда людей – все перечисленное становилось элементом финансового обеспечения террористических организаций. Марокканские органы правопорядка, опираясь на связь с центрами анализа ССГАПЗ, получали разведданные о происхождении оружейных поставок. На контрольно-пропускных пунктах в южных районах страны пограничники начали использовать технические средства, предоставленные ОАЭ (сканеры, дроны для патрулирования труднодоступных зон). Подобная практика упоминалась в отдельных докладах Международного контртеррористического форума, отражавших позитивный опыт совместных проектов³²⁶.

Одновременно представители марокканской полиции и спецслужб увеличили присутствие на различных международных мероприятиях по борьбе с терроризмом, организованных в Саудовской Аравии. В городе

---

³²⁵ Медушевский Н. А., Вишняков М. Д. Опыт Алжира и Марокко в борьбе с радикальными группировками на примере Исламского государства* (деятельность организации запрещена на территории России) и Аль-Каиды* (деятельность организации запрещена на территории России) // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 12А. С. 26–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67315779>

* Запрещенная в России террористическая организация

* Запрещенная в России террористическая организация

³²⁶ Болевые точки африканского континента: Сахель (обзор ситуации и перспективы) // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/bolevye-tochki-afrikanckogo-kontinenta-sakhel-obzor-situatsii-i-perspektivy/>

Джидда ежегодно проходят конференции, где офицеры и аналитики обмениваются практиками противодействия вербовке через социальные сети. Результатом таких дискуссий становилось единообразное понимание алгоритмов выявления радикальных групп в онлайн-пространстве. Стороны договаривались о создании единых технических протоколов, чтобы быстро отслеживать аккаунты, распространяющие материалы, призывающие к насилию. Марокко, учитывая свою лингвистическую специфику (арабский, французский, берберские диалекты), улучшало методики сканирования контента, а страны ССАГПЗ предоставляли финансирование и программные продукты³²⁷.

Важным этапом стало создание совместной комиссии, в которую вошли высшие чиновники Министерства внутренних дел Марокко и их коллеги из Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна. Данная комиссия занималась согласованием правовых формулировок, связанных с понятием «экстремистская пропаганда», а также выработкой механизмов противодействия финансированию радикальных структур. По данным на 2019 г., комиссия согласовала проект соглашения о взаимном признании решений судебных инстанций по делам о терроризме, что позволяло упростить процедуру выдачи разыскиваемых лиц³²⁸.

Дополнительной линией взаимодействия оставалась гуманитарная сфера. Во время крупных международных форумов в Рабате, Марракеше и Касабланке организовывались круглые столы, посвященные теме реабилитации бывших экстремистов. Участвовали представители правозащитных организаций, психологи и религиозные деятели, стремившиеся выработать подход, позволяющий возвращать таких людей к нормальной жизни. Благотворительные фонды стран ССАГПЗ, опираясь на

---

³²⁷ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог. Том IV / Отв. ред., введ., закл.: И.В. Пономарев. М.: Институт Африки РАН, 2020. С.176.

³²⁸ Кузнецов А. А. Новая политическая реальность на Ближнем Востоке и интересы России // Российский институт стратегических исследований. 2023. URL: <https://riss.ru/analitica/novaya-politicheskaya-realnost-na-blizhnem-vostoke-i-interesy-rossii/>

возможности собственной инфраструктуры, предлагали оплачивать реабилитационные программы, подразумевающие обучение ремеслам, социальную адаптацию и психологическую помощь. Подобная политика поднимала престиж партнерства между Марокко и ССАГПЗ, вызывая положительную оценку со стороны ООН³²⁹.

Арабский мир не оставался в стороне от угрозы кибертерроризма. Многочисленные попытки взлома правительственных сайтов, размещение видеоматериалов, призывающих к насильственным действиям, и использование мессенджеров для координации терактов – проблемы, с которыми приходилось сталкиваться и Марокко, и странам ССАГПЗ. В 2021 г. Марокканский центр информационной безопасности, получивший спонсорскую помощь из ОАЭ, приступил к внедрению новых протоколов шифрования связи³³⁰. Специалисты из Абу-Даби, сотрудничающие с западными IT-компаниями, принимали участие в обучении марокканских коллег методам раннего распознавания вредоносной деятельности в сети.

Углубленная кооперация затрагивала и сферу военной разведки. Страны ССАГПЗ придавали большое значение отслеживанию перемещений подозреваемых по маршрутам, проходящим через Синай, Левант и Северную Африку. Разведслужбы, опираясь на договоренности с Марокко, получали доступ к некоторым каналам прослушивания и перехвата сообщений. Рабат, в свою очередь, получал возможность использовать спутниковые снимки и другие разведданные, собранные центрами стран ССАГПЗ, тесно взаимодействующими с западными разведывательными структурами.

Важность консолидации усилий подчеркивалась многократно на двусторонних встречах монарха Мухаммеда VI и руководителей стран Персидского залива. В ходе официального визита в Эр-Рияд в 2017 г. король Марокко акцентировал «необходимость плотного сотрудничества для защиты

---

³²⁹ UNDP Report on Rehabilitation Strategies, 2020. С. 43–47.

³³⁰ Карпачева О. В. Опыт Марокко: противодействие экстремизму и его предотвращение // История и современность. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-marokko-protivodeystvie-ekstremizmu-i-ego-predotvraschenie>

интересов мусульманского сообщества и для сохранения стабильности в Северной Африке и на Ближнем Востоке». Дипломатические источники указывали, что стороны планировали расширить формат Исламской военной коалиции по борьбе с терроризмом, созданной в 2015 году с участием ряда мусульманских стран, включая Пакистан, Египет и Турцию³³¹.

Динамика, связанная с конфликтами в Сирии и Йемене, стимулировала тесное военное сотрудничество, часть которого напрямую затрагивала противодействие экстремизму. Контингенты марокканских военных, присутствовавших в составе международных коалиций, приобретали боевой опыт и развивали механизмы взаимодействия со спецслужбами стран ССАГПЗ. Опасения, связанные с возвращением иностранных боевиков, побуждали участников формировать единый фронт, направленный на блокировку каналов транспортировки. В Омане проходили регулярные совещания по вопросам морского патрулирования, где Марокко делилось опытом надзора за побережьем Атлантики, а офицеры стран ССАГПЗ рассказывали о специфике контроля в Ормузском проливе³³².

Процесс укрепления институтов гражданского общества в Марокко и в монархиях Персидского залива иногда встречал критику, утверждавшую о возможности использовать антитеррористическую повестку для подавления легитимной оппозиции. В ответ официальные лица подчеркивали важность различения мирных политических движений и групп, прибегающих к насилию. В контртеррористических операциях участвовали наблюдатели от правозащитных организаций, отслеживая соблюдение прав задержанных. Марокко выстраивало конструктивные отношения с международными организациями, стремясь избегать возможных репутационных рисков, связанных с обвинениями в нарушениях прав человека³³³.

---

³³¹ РБК. Саудовская Аравия объявила о создании Исламской военной коалиции для борьбы с терроризмом // РБК. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2015/566f45239a794702422b937e>

³³² Кириченко В. П. Султан Кабус и модернизация Омана // Россия и мусульманский мир. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sultan-kabus-i-modernizatsiya-omana>

³³³ Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 3. С. 6-23.

Вопрос о противодействии радикализации марокканских общин за рубежом тоже занимал заметное место. Многочисленная диаспора в странах Западной Европы, связанных историческими колониальными узами и трудовой миграцией, привлекала к себе внимание вербовщиков. Структуры, поддерживаемые монархиями Персидского залива, пытались проводить просветительские кампании, направленные на пропаганду умеренного ислама. Дипломатические представительства Марокко, сотрудничающие с местными властями, отслеживали религиозные ассоциации, чья деятельность выходила за рамки закона. Параллельно выходили совместные заявления о необходимости уважать религиозную свободу и права меньшинств, однако провокаторы, стремившиеся посеять вражду, продолжали использовать социальные проблемы мигрантов³³⁴.

В конце 2022 г. было объявлено о запуске нового этапа учений «Арабский щит», включающих антитеррористическую составляющую. Предполагалось, что десантные части Марокко вместе с саудовскими и эмиратскими коллегами отработают сценарии подавления вооруженных банд в приграничных районах, ликвидации их баз и освобождения захваченных лиц. Техника, поставленная ОАЭ, включала вертолеты и беспилотники, способные действовать в условиях пустынной местности. Марокканские пилоты проходили ускоренный курс подготовки, учась взаимодействовать с наземными подразделениями³³⁵.

Общественное мнение в Марокко обычно положительно относится к партнерству с монархиями Персидского залива, видя в нем возможность повысить уровень безопасности, привлечь инвестиции, а также укрепить международный статус страны. Отдельные группы высказывают опасения по поводу того, не слишком ли велика зависимость от внешних спонсоров, способных оказывать влияние на внутреннюю и религиозную политику.

---

³³⁴ Boukhars Anouar. Reassessing the power of regional security providers: the case of Algeria and Morocco, *Middle Eastern Studies*, 2019. Vol. 55, Issue 2. P. 242-260.

³³⁵ UAE Ministry of Defence. Ministry of Defence announces launch of Joint Emirates // Emirates News Agency. 2024. URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrdwhc-ministry-defence-announces-launch-joint-emirates>

Однако в целом консенсус среди политических элит королевства склонен поддерживать выбранный курс. Сходная ситуация наблюдается и среди государств ССАГПЗ, где видят в Марокко надежного союзника, не вовлеченного в конфликты на Ближнем Востоке непосредственно.

Таким образом, расширенные антитеррористические программы, деятельность в правовом, социальном, военном и гуманитарном измерениях, а также развитие религиозно-просветительской сферы позволили сформировать многогранную структуру взаимодействия между Марокко и государствами ССАГПЗ. Совместные проекты, инициированные во второй половине 2000-х и усиленные после 2011 г., продолжают углубляться, свидетельствуя о стремлении сторон к длительной совместной работе в сфере пресечения экстремистских угроз. Профилактика радикализации, контроль за каналами финансирования, совместная работа с молодежью и координация на уровне вооруженных сил и спецслужб говорят о том, насколько значимым становится союз, основанный на конвергенции стратегических интересов и духовно-культурном диалоге.

3.3. Роль влияния внешних акторов и глобальных вызовов на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ

Внешние факторы формировали значительную часть контекста, в котором развивались контакты Марокко и союзных государств Персидского залива. Международная обстановка менялась стремительно, поскольку серьезные вызовы возникали в сферах безопасности, экономики и дипломатии. Надо отметить, что комплексная система отношений, сформировавшаяся в результате многолетнего взаимодействия, требовала адаптации к новым обстоятельствам. Присутствие внешних акторов, включая крупные державы и наднациональные институты, формировало решения, принимавшиеся элитами Марокко и стран ССАГПЗ. Глобальные вызовы,

связанные с транснациональными конфликтами, киберугрозами и миграционными потоками накладывали отпечаток на алгоритмы военно-политического сотрудничества.

После окончания холодной войны США, будучи доминирующей глобальной силой, стремились к укреплению порядка на Ближнем Востоке через сочетание военной и дипломатической активности. Марокко, имея давние связи с Западом, в том числе статус привилегированного партнера ЕС и исторические контакты с США, играло значимую роль в расширении сотрудничества между монархиями Персидского залива и западными странами, особенно в вопросах безопасности, торговли и инвестиций. Для Рабата, в свою очередь, было важно подтвердить свою релевантность в арабском мире и укрепить экономические связи, чтобы решить внутренние задачи развития.

Теракты 11 сентября 2001 г. в США стали катализатором новой волны глобальных преобразований, получивших название «войны с терроризмом». Под этим лозунгом американская администрация Джорджа Буша-мл. начала формировать международные коалиции для борьбы с радикальными исламистскими группировками, прежде всего «Аль-Каидой»³³⁶. Странам Залива, в особенности Саудовской Аравии, пришлось столкнуться с обвинениями в том, что их территория и финансовые институты могут использоваться террористами. Это стимулировало эр-риядское руководство к поиску партнеров в арабском мире, готовых сотрудничать в антитеррористических усилиях, оказывать взаимную разведывательную поддержку и совместно вырабатывать меры по борьбе с экстремизмом³³⁷.

Марокко, со своей стороны, столкнулось с угрозой радикализации на своей территории, что стало особенно очевидно после серии террористических актов в Касабланке в 2003 г. В этот период глобальная

---

³³⁶ Запрещенная в России террористическая организация

³³⁷ Примаков Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е. М. Примаков. М., 2006. С.334.

борьба с терроризмом, возглавляемая США и поддержанная ведущими западными государствами, предопределила активное вовлечение Рабата в различные многосторонние форматы по обмену разведанными и усилению пограничного контроля. Параллельно Марокко, стремившееся показать себя надежным партнером Запада, искало пути сближения с теми монархиями Залива, которые также переживали волну внутренних реформ и ужесточения контртеррористических мер. Это стало важным шагом в военно-политической координации, поскольку Эр-Рияд, Абу-Даби и Доха усиливали финансирование новых механизмов безопасности, а Рабат предлагал профессиональную подготовку офицеров, опыт противодействия подпольным ячейкам и посреднические услуги в диалогах между арабскими союзниками и западными державами.

Вторжение США в Ирак в 2003 г. и свержение режима Саддама Хусейна стали важным поворотным пунктом для всего Ближнего Востока. Большинство государств Залива поддержали американскую операцию либо лояльно отнеслись к планам Вашингтона, опасаясь роста иранского влияния в регионе. С другой стороны, антивоенные настроения в арабском обществе были довольно сильны, что приводило к определенным дискуссиям и внутри ССАГПЗ. Марокко, находясь в Магрибе, формально не участвовало в действиях в Ираке, однако дипломатически поддерживало Саудовскую Аравию и другие страны Залива в их стремлении обеспечить безопасность нефтяных маршрутов и предотвратить полный политический хаос.

Здесь можно отметить усилившуюся роль внешних акторов: США и Великобритания стали главными инициаторами перестройки иракского политического ландшафта, тогда как Франция и Германия проявляли более скептический взгляд на военную интервенцию³³⁸. Марокко, традиционно сотрудничающее с Европой, старалось не вступать в конфронтацию с европейскими партнерами, но и не портить отношения со странами ССАГПЗ,

---

³³⁸ Filiu J.-P. From Deep State to Islamic State: The Arab Counter-Revolution and Its Jihadi Legacy. London: Hurst & Company, 2015. P. 177.

активно лоббировавшими идею смены иракского режима. Итогом этого периода стало укрепление «прагматичного альянса» между Рабатом и монархиями Залива: несмотря на внутренние споры по поводу иракского досье, стороны продолжали продвигать двусторонние военные учения и переговоры о модернизации армии Марокко при финансовой помощи ССАГПЗ. Именно тогда начали оформляться механизмы поставок в марокканские ВС высокотехнологичных образцов военной техники, в том числе авиационных систем и средств связи, что стало основой для более тесного взаимодействия в последующем десятилетии.

После «арабской весны» Иран стал проявлять большую активность в ближневосточных делах, поддерживая шиитские группировки, в том числе «Хезболлах» в Ливане и хуситов в Йемене. Для стран Залива и их внешних партнеров на первый план вышла задача сдерживания иранского влияния, которое они воспринимали как прямую угрозу стабильности. Марокко, уже имевшее негативный опыт в отношениях с Тегераном (разрыв дипломатических связей в 2009 г. из-за обвинений в экспорте шиитского влияния), охотно встраивалось в антииранскую повестку, разделяемую Эр-Риядом и Абу-Даби³³⁹.

В рамках антииранской политики страны Залива еще более усилили связи с Марокко, поддерживая вооруженные силы королевства финансово и технически. Взаимодействие проходило не только на двустороннем уровне, но и через многосторонние антикризисные коалиции, в том числе по борьбе с терроризмом. Глобальные акторы - США, Франция, Великобритания - приветствовали участие Рабата в подобных инициативах, что укрепляло статус «надежного» партнера³⁴⁰. В результате к 2015 г. Марокко занимало выгодную дипломатическую позицию, лавируя между Западом, странами ССАГПЗ и активно выстраивая собственное влияние в Африке, где

---

³³⁹ Давыдов А. А. Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. // Ред. А. В. С.18.

³⁴⁰ Шумилин А. И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015. С.45.

королевство стремилось вернуть себе центральную роль (особенно после реинтеграции в Африканский союз, завершившейся в 2017 г.).

Израиль, получивший дополнительный импульс для интеграции в региональную политику после подписания «Соглашений Авраама» (2020 г.), стал еще одним значимым актором, влияющим на баланс сил в Магрибе и странах Залива. Укрепление контактов Тель-Авива с рядом арабских монархий, включая Бахрейн и ОАЭ, привело к созданию новых форматов оборонного сотрудничества, а также к обмену разведданными, прежде всего по антииранской линии. Поддержка Вашингтона, расценивавшего сближение Израиля и стран ССАГПЗ как способ сдержать Тегеран и придать импульс экономическому развитию региона, лишь усиливала уверенность Эр-Рияда, Абу-Даби и других столиц Персидского залива в целесообразности расширения контактов с Израилем. В то же время данная перестройка альянсов становилась источником неоднозначной реакции в арабском обществе, которое сохраняет сильные эмоции по палестинскому вопросу³⁴¹.

Для Марокко возобновление официальных отношений с Израилем в декабре 2020 г. открыло перспективы получения экономических и политических выгод. Рабат рассчитывал не только привлечь дополнительные инвестиции, но и заручиться поддержкой Тель-Авива и, что важнее, Вашингтона, в ключевом для марокканской монархии вопросе Западной Сахары. Этот шаг, однако, вызвал возмущение в части марокканского общества и среди ряда африканских и ближневосточных партнеров, негативно относящихся к сотрудничеству с Израилем, учитывая затяжной и до сих пор нерешенный палестинский конфликт. Тем не менее, король Мухаммед VI дал понять, что если связь с Израилем будет соответствовать долгосрочным интересам королевства, в том числе по модернизации Вооруженных сил, то государственные структуры продолжат контакты, невзирая на внутренние

---

³⁴¹ John L. Esposito, Tamara Sonn, John O. Voll, *Islam and Democracy after the Arab Spring* // Oxford University Press, 2015. P.133.

разногласия³⁴².

Монархии Персидского залива, видя в израильских технологиях потенциальный инструмент укрепления своих вооруженных сил, в особенности систем ПВО, БПЛА и кибербезопасности, готовы были поддержать Марокко в расширении подобного сотрудничества. Эр-Рияд и Абу-Даби, финансируя модернизацию марокканской армии, рассчитывали одновременно укрепить свой общий стратегический альянс против Ирана. С другой стороны, появление информации о возможных переговорах между Рабатом и Тель-Авивом по приобретению спутников или других разведывательных систем отражало более широкую тенденцию: Марокко, стремясь обеспечить превосходство над потенциальными угрозами в регионе, все активнее рассматривает израильские технологии как способ повышения эффективности своей обороны. Такой выбор продолжал оставаться крайне тонким вопросом для дипломатии королевства, вынужденной балансировать между выгодами кооперации с Израилем и рисками негативной реакции со стороны консервативных слоев арабского мира и некоторых африканских государств³⁴³.

Также нельзя недооценить влияние Турции как внешнего фактора, влияющего на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ, ведь Анкара, особенно при президенте Реджепе Эрдогане, начала активную экспансию в экономической и военной сферах на севере Африки и в арабском мире. На фоне ослабления традиционных центров влияния и возникновения вакуума в ряде регионов после «Арабской весны» Анкара увидела шанс укрепить присутствие в странах, с которыми у нее были культурные, исторические и торговые связи, а также расширить доступ к рынкам для своей быстро растущей промышленности. Турецкие строительные и инфраструктурные компании начали выигрывать тендеры в Марокко,

---

³⁴² Salas Cuevas A. A new era in Israel-Morocco relations // Global Affairs, University of Navarra. 2022. 26 March. URL: <https://www.unav.edu/web/global-affairs/a-new-era-in-israel-morocco-relations>

³⁴³ Giuseppe Tassone. It Is Not Over Yet: The Arab Revolution between Culture and Political Economy // Arab Studies Quarterly / Published by: Pluto Journals, Vol. 37, No. 4 (Fall 2015), PP. 334-350

реализуя ряд крупных проектов в дорожном, энергетическом и туристическом секторах. Подобные контракты способствовали росту взаимобмена между двумя странами, а также открывали возможности для создания совместных предприятий и привлечения турецкого капитала в магрибскую экономику³⁴⁴.

В военной сфере Турция сделала акцент на экспорте высокотехнологичной продукции собственного производства - в частности, беспилотных летательных аппаратов Байрактар и бронетехники, которые получили широкую известность благодаря успешному применению в различных регионах мира. Марокко и некоторые государства ССАГПЗ проявляли к ним интерес, рассматривая возможность частичной диверсификации закупок вооружений в дополнение к традиционно западным поставкам. При этом в монархиях Персидского залива восприятие турецкой активности было неоднозначным: Катар, имеющий сходные политические и религиозные ориентации с Анкарой, укреплял партнерство, тогда как Саудовская Аравия и ОАЭ, напротив, относились к растущему влиянию Турции более настороженно, видя в нем риск усиления «политического ислама» и распространения идей, близких к движению «Братьев-мусульман»³⁴⁵.

Марокко, стремясь поддерживать умеренно-позитивные отношения с Анкарой и, одновременно, не терять доверия Эр-Рияда, Абу-Даби и других монархий Залива, занимало сбалансированную позицию. С одной стороны, Рабат приветствовал турецкие инфраструктурные и промышленные проекты, поскольку они вносили вклад в модернизацию национальной экономики и создавали рабочие места. С другой стороны, королевство, зависящее от финансовой и дипломатической поддержки стран ССАГПЗ, избегало излишней близости к Анкаре в идеологическом или военно-политическом аспекте. Это позволяло сохранять хорошие связи со всеми ключевыми

---

³⁴⁴ Morocco // The American Foreign Policy Council's World Almanac of Islamism // <http://www.almanac.afpc.org/Morocco>

³⁴⁵ Организация, запрещенная в РФ

региональными игроками, включая Саудовскую Аравию и ОАЭ, которые выступали важными донорами для марокканской оборонной сферы.

Еще одним важным внешним актором стала Российская Федерация, которая, опираясь на многолетний опыт взаимодействия со странами Ближнего Востока и Северной Африки, не ограничивала свои интересы преимущественно сирийским досье. Москва стремилась укреплять политический диалог и экономические проекты с государствами Залива, особенно в сферах энергетики и логистики, что позволяло РФ влиять на нефтяные рынки и координировать действия в рамках формата ОПЕК+. Помимо этого, наметились каналы сотрудничества и с Марокко, где российская сторона видела перспективы для расширения экспорта зерна и сельскохозяйственной продукции, а также возможности участия в совместных инфраструктурных проектах. Несмотря на то, что объемы торговли пока оставались сравнительно скромными, взаимный интерес создавал предпосылки для дальнейшего укрепления связей³⁴⁶.

В военно-технической области Россия предлагала марокканской стороне и монархиям Персидского залива альтернативные варианты вооружений, отличающиеся более низкой стоимостью по сравнению с западными аналогами и, как правило, меньшими политическими условиями поставок. Хотя Марокко и Саудовская Аравия традиционно ориентировались на США, Францию и Великобританию для закупки современной техники, они постепенно приобретали определенные категории российского вооружения (системы ПВО, боевые вертолеты), рассматривая их как дополнение к имеющемуся парку или как средство борьбы с нерегулярными группировками. Подобная диверсификация поставщиков вооружений отвечала прагматичным интересам обоих покупателей: с одной стороны, они сохраняли лояльность западным союзникам, а с другой - сигнализировали о возможности выбора альтернативных вариантов и снижении зависимости от одного рынка³⁴⁷.

---

³⁴⁶ Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах". М: ИИИиБВ, 1999 г. С. 87.

³⁴⁷ Куделев В.В. Армия и власть в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). Ближний Восток и

Важно отметить, что подобная политика способствует повышению технологического имиджа РФ на Ближнем Востоке и в Северной Африке, поскольку позволяет демонстрировать конкурентоспособность российской оборонной промышленности. При этом политические выгоды для Москвы были не менее важны: поддерживая дружеские отношения и с Тегераном, и с Эр-Риядом, и с Рабатом, российская дипломатия стремилась сыграть роль «балансирующего» фактора, сохраняя возможность сотрудничать со всеми основными игроками. Однако объемы военных сделок оставались относительно умеренными, а долгосрочный успех подобной стратегии во многом зависел от экономической конъюнктуры, динамики отношений РФ с США и Европой, а также от степени готовности элит стран ССАГПЗ и Марокко к расширению взаимодействия с российским военно-промышленным комплексом³⁴⁸.

Еще одним важным внешним актором, оказывающим влияние на отношения Марокко и стран ССАГПЗ, является Китайская Народная Республика. Пекин, продвигая инициативу «Один пояс, один путь», стремится усилить присутствие на транспортных маршрутах, пересекающих Африку и Ближний Восток. Инвестиции в морские порты, логистику и инфраструктуру оказали двоякое воздействие на военно-политическое сотрудничество. С одной стороны, рост торговых взаимосвязей улучшал экономическое положение стран, снижая социальную напряженность и вероятность радикализации. С другой стороны, технологические решения КНР, включая системы видеонаблюдения, киберконтроля, вызывают озабоченность западных партнеров, обеспокоенных перспективой расширения китайского влияния. Марокко, учитывая договоренности с Саудовской Аравией и ОАЭ, активно искало баланс между китайскими и западными поставщиками технологий³⁴⁹.

современность. Сборник статей. Вып. 13. М., 2002. С. 90.

³⁴⁸ Медведко Л. И. Россия и Ближний Восток: сто лет в сопряжении войны и мира // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности (сборник статей). М.: ИИИиБВ, 2000. URL: <http://book.iimes.su/?p=4647>

³⁴⁹ Глазунов О. Н., Савченко А. Л. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах

Таким образом, анализ воздействия внешних акторов и глобальных вызовов (1999–2024) на военно-политическое сотрудничество Марокко и стран ССАГПЗ свидетельствует о том, что данное взаимодействие имеет устойчивую тенденцию к расширению, несмотря на периодические кризисы и расколы внутри Залива. США, будучи главным внешним гарантом безопасности монархий Залива и партнером Марокко, стимулировали формирование различных антииранских коалиций, в которых Рабат занимал важное место как «умеренная» суннитская монархия. Европейские державы (Франция, Испания, Италия, Германия) видели в Марокко мост к рынкам Африки и относительно стабильную точку в регионе Магриба. Россия и Китай также оказали влияние, поскольку их активизация заставляла Марокко и страны ССАГПЗ диверсифицировать контакты, не желая полностью зависеть от западного оружия и технологий. Глобальные конфликты - от иракского кризиса и «Арабской весны» до сирийской и йеменской войн - по-разному стимулировали или тормозили развитие сотрудничества между Рабатом и Эр-Риядом. С одной стороны, общий антииранский настрой и борьба с терроризмом усиливали сплоченность. С другой стороны, внутренние разногласия внутри ССАГПЗ, наиболее остро проявившиеся в блокаде Катара, ставили Марокко перед выбором, вынуждая соблюдать тонкий баланс. В итоге королевству удалось сохранить хорошие отношения со всеми участниками конфликта, продемонстрировав дипломатическую гибкость и рассчитывая на дальнейшую экономическую и военную помощь.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные факторы, влияющие на развитие военно-политического сотрудничества между Марокко и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В рамках исследования были рассмотрены исторические предпосылки, ключевые направления внешней политики, механизмы взаимодействия и влияние внешних факторов на развитие партнерства. Полученные данные позволили определить основные результаты и тенденции сотрудничества, выявить его многогранный характер и оценить значимость преодоленных вызовов для укрепления стабильности и безопасности в регионе. В ходе исследования удалось сделать следующие выводы.

Автор пришел к выводу, что интересы Марокко и монархий Персидского залива во многом совпали благодаря схожим политическим и ценностным ориентациям, укрепленным монархическим устройством власти и общими культурно-религиозными традициями. Для Марокко, обладающего богатым историческим наследием и современными внешнеполитическими приоритетами, сближение с восточной частью арабского мира стало особенно актуальным при короле Мухаммеде VI, который сделал ставку на систематическую дипломатию и расширение партнерских связей за пределами Магриба. В то же время сами государства ССАГПЗ стремились укрепить собственные позиции не только в регионе, но и на мировой арене, и потому искали союзников, готовых к многосторонним инициативам, оказанию военной и политической поддержки в кризисных ситуациях, а также к сотрудничеству в борьбе с экстремизмом. Существенным фактором стала также близость национальных приоритетов в сфере безопасности: как Марокко, так и монархии Персидского залива уделяют первостепенное внимание защите государственного строя, поддержанию внутренней стабильности, противодействию транснациональным угрозам и ограничению влияния радикальных идеологий. Кроме того, у Марокко и монархий

Персидского залива сложились благоприятные условия для совместных действий, поскольку в обоих случаях политические системы опираются на религиозно-династические принципы.

Выявлено, что правовая и стратегическая основа сотрудничества, выстроенная через заключение меморандумов, протоколов, коммюнике и совместных резолюций, продемонстрировала многослойность военных, дипломатических и экономических связей. Документы военно-политического характера отразили обоюдное стремление к укреплению обороноспособности, обмену разведывательной информацией, организации учений и подготовке квалифицированных кадров. Финансовая поддержка стран Залива в ряде случаев использовалась для модернизации вооружений, закупки авиационной техники, совершенствования систем противовоздушной обороны Марокко и проведения обучающих программ для специалистов. Наряду с этим регулярно организовывались встречи, посвященные вопросам усиления приграничного контроля, противодействия транснациональной преступности и координации в области инфраструктуры, включая морские пути, порты и трубопроводы. Централизованный характер власти, свойственный как Марокко, так и государствам Залива, позволял оперативно заключать соглашения и принимать стратегические решения на высшем уровне, обходя сложные бюрократические процедуры.

Установлено, что сотрудничество в области обороны и безопасности выстроилось на многоуровневой основе, включающей регулярные военные учения, поставки вооружений и реализацию социальных программ, направленных на устранение условий для радикализации. Модернизация вооруженных сил Марокко во многом стала возможной благодаря финансовой поддержке стран Залива, что в свою очередь обеспечивало политическую поддержку со стороны Рабата и его участие в совместных операциях. Ярким примером служит вовлеченность Марокко в конфликт в Йемене на стороне Саудовской Аравии и ее союзников, где королевство продемонстрировало свою приверженность региональной стабильности. Заинтересованность

Саудовской Аравии, ОАЭ и других государств Залива в усилении контроля над вооруженными группировками и сдерживании влияния Ирана подчеркивала важность профессиональных качеств марокканской армии, которая зарекомендовала себя в борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности прибрежных зон. Практическая реализация стратегий проходила через совместные штабные комиссии и проекты, охватывающие технические, финансовые и оперативные аспекты взаимодействия. Участие международных структур, таких как НАТО, ЕС и ООН, усиливало эффективность двусторонней и многосторонней координации, создавая дополнительные инструменты для реализации общих задач.

Выявлено, что затяжные региональные конфликты (в Сирии, Йемене, Ливии), а также внутривосточные кризисы (блокада Катара) сформировали контекст, в котором Марокко и страны Персидского залива начали выстраивать более гибкие и многоплановые форматы союзничества. Затрагивая ключевые интересы безопасности и стабильности в арабском мире, эти кризисные ситуации вынуждали государств-участников координировать усилия в военном, дипломатическом и гуманитарном измерениях. Для Марокко удаленность от зон непосредственных боевых действий компенсировалась возможностью приобрести боевой опыт и укрепить авторитет ответственного партнера. Монархии Залива, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ, оценили готовность Рабата предоставить военную и логистическую поддержку, связывая это с финансовым и технологическим содействием модернизации марокканских Вооруженных сил. Одновременно такие конфликты выявили риски «раскола единства»: блокада Катара в 2017 г. показала, что внутренние разногласия среди монархий Залива могут осложнить переговорные форматы. Тем не менее Марокко, заняв взвешенную позицию и предложив посредничество, сохранило доверительные отношения со всеми сторонами. В результате, несмотря на неоднозначные последствия длительных войн и дипломатических кризисов, именно они стимулировали углубление военно-политической кооперации и ускорили обмен передовыми

технологиями, тактиками ведения боевых действий и дополнительными инвестиционными возможностями в сфере обороны.

Установлено, что противодействие экстремизму и терроризму обрело статус приоритетного направления в силу серии терактов, потрясших Марокко, Ближний Восток и различные страны Запада. Координация спецслужб, организация единой системы обмена досье на подозреваемых, введение механизмов отслеживания финансовых потоков и совместная разработка антитеррористических методик стали результатом серьезных инвестиций в сферу безопасности. Страны Персидского залива предоставляли средства и технологическую поддержку, а Марокко, имея налаженный опыт борьбы с радикалами, делилось практиками предотвращения вербовки и пресекало угрозы, возникающие в пограничной зоне. При этом сложился формат религиозно-просветительских проектов, направленных на пропаганду умеренного ислама и реабилитацию лиц, поддавшихся влиянию радикальной идеологии. Сочетание морально-этического подхода и «жесткой силы» правоохранительных органов позволило добиться снижения уровня экстремистской активности внутри Марокко и укрепления стабильности монархий Залива.

Автор также пришел к выводу, что на вектор сотрудничества многократно воздействовали внешние факторы и глобальные вызовы. Расстановка сил при участии США, ЕС, Китая и России привела к необходимости тонкого балансирования, поскольку каждая сверхдержава стремилась приобрести влияние. Марокко и монархии Персидского залива сотрудничали с внешними игроками, привлекая инвестиции и вооружения, но в то же время пытались сохранить независимость и избежать прямого подчинения интересам глобальных центров. Меняющиеся цены на углеводороды, растущая активность Тегерана, присутствие Турции и глобальная цифровизация— все это вынуждало стороны постоянно корректировать приоритеты. Изначальный базис арабской солидарности иногда осложнялся конкуренцией внутри самого ССАГПЗ. Однако общая

опасность дестабилизации региона и угрозы терроризма толкали участников к поиску новой модели коллективной обороны, опирающейся на совместные финансы, разведку и технологические возможности. Марокко, занимая особую географическую и историко-культурную позицию, получало выгоды от этих процессов, в том числе в части развития инфраструктуры и модернизации армии. Также деятельность международных организаций, таких как ООН, Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества и Африканский союз, служила важным дополнением к общей стратегии взаимодействия Марокко и стран Залива. Совместные декларации и резолюции, принимаемые при активном участии Рабата и столиц государств Персидского залива, подтверждали легитимность оборонных и антитеррористических инициатив. Параллельно взаимодействие с финансовыми институтами, включая МВФ, Всемирный банк и Исламский банк развития, обеспечивало соблюдение экономических стандартов, накладывало ограничения на военные расходы и стимулировало повышение прозрачности бюджетов. Поддержка странами Залива суверенитета Марокко над Западной Сахарой играла ключевую роль в укреплении внешнеполитических позиций Рабата, что в свою очередь находило отражение в публичной поддержке королевством инициатив Эр-Рияда, Абу-Даби и Дохи, направленных на урегулирование ближневосточных конфликтов и противодействие влиянию Ирана. Гибкая дипломатия короля Мухаммеда VI, сочетающая традиционные ценности с современными подходами, позволила сохранить Марокко статус уважаемого и значимого участника международных процессов.

Таким образом, в период с 1999 по 2024 гг. военно-политическое сотрудничество Марокко и государств ССАГПЗ развивалось на основе глубокого ценностного и институционального единства монархических систем, тесных культурно-религиозных связей и прагматичной ориентации на укрепление региональной безопасности. Эволюция отношений, охватившая сферы оборонных технологий, совместного участия в коалициях, обмена

разведанными и координации против экстремистских угроз, свидетельствует о стремлении сторон к более глубокой интеграции. Несмотря на возникавшие дипломатические и внутривполитические вызовы, Марокко сумело сохранить гибкую позицию и упрочить союз с монархиями Залива, что позволило королевству модернизировать Вооруженные силы, а странам ССАГПЗ укрепить влияние в Северной Африке и магрибском пространстве. В итоге данная система взаимодействия продемонстрировала высокую адаптивность к меняющимся геополитическим реалиям.

Список источников и литературы

Источники

Нормативно-законодательные источники

1. المملكة العربية السعودية. النظام الأساسي للحكم. 1992.
[Конституция Королевства Саудовская Аравия, 1992 г.].
URL: <https://laws.boe.gov.sa>
2. المملكة العربية السعودية. رؤية السعودية 2030.
[План развития Саудовской Аравии 2030].
URL: <https://www.vision2030.gov.sa>
3. المملكة المغربية. دستور المملكة المغربية بتاريخ 29 يوليو 2011.
[Конституция Королевства Марокко от 29 июля 2011 г.].
URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ar/details.jsp?id=13535>
4. المملكة المغربية (1996 سنة المعدلة بصيغته) لعام 1962 للمملكة المغربية. دستور.
[Конституция Королевства Марокко 1962 г. в ред. 1996 г.].
URL:
<https://www.chambrederespectants.ma/ar/%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-1962>
5. المملكة المغربية. وزارة الشؤون الخارجية والتعاون. المبادرة المغربية للتفاوض حول الحكم الذاتي في الصحراء. – الرباط: وزارة الشؤون الخارجية، 2011.
[Марокканская инициатива по переговорам о статусе автономии региона Сахара. – Рабат, 2011].
6. جامعة الدول العربية. ميثاق جامعة الدول العربية.
[Устав Лиги арабских государств].
URL: <https://www.alecso.org/nnsite/images/2016files/2017-02-22-12-54.pdf>
7. حكومة الإمارات. خطة الإمارات 2031.
[План развития ОАЭ 2031].
URL: <https://wetheuae.ae/en>
8. حكومة دبي. خطة دبي 2021.
[План развития ОАЭ до 2021 года].
URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-untill-2021/dubai-plan-2021>
9. المتحدّة العربيّة الإمارات دولة دستور. المتحدّة العربيّة الإمارات دولة. 1971.
[Конституция ОАЭ, 1971 г.].
URL:
https://www.constituteproject.org/constitution/United_Arab_Emirates_2009.pdf?lang=ar
10. دولة الكويت. دستور دولة الكويت. 1962.
[Конституция Государства Кувейт, 1962 г.].
URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kuw128727.pdf>

11. دولة قطر. الدستور الدائم. 2004.
[Конституция Государства Катар, 2004 г.].
URL: https://www.diwan.gov.qa/about-qatar/constitution?sc_lang=ar-QA
12. 1996. للدولة الأساسي النظام. عمان سلطنة.
[Конституция Султаната Оман, 1996 г.].
URL: <https://qanoon.om/p/1996/rd1996101/>
13. 1997. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. اتفاقية تنفيذ الأحكام القضائية في دول المجلس.
[Соглашение об исполнении судебных решений в ССАГПЗ, 1997 г.].
URL: <https://www.gcc-sg.org/ar/JointGulf/RulesAndAgreements/Agreements/Documents/771260251745.pdf>
14. 2002. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. الاتفاقية الاقتصادية بين دول المجلس.
[Экономическое соглашение между странами ССАГПЗ, 2002 г.].
URL: <https://www.gcc-sg.org/ar/JointGulf/RulesAndAgreements/Agreements/Documents/1111318748548.pdf>
15. 1987. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. الاستراتيجية الأمنية الخليجية الشاملة.
[Всеобъемлющая стратегия безопасности ССАГПЗ].
URL: <https://www.gcc-sg.org>
16. 1981. 25 مايو. تم اعتماده في الميثاق. المجلس التعاون لدول الخليج العربية.
[Хартия ССАГПЗ, принята 25 мая 1981 г.].
URL: <https://www.gcc-sg.org/ar/AboutUs/Pages/PrimaryLaw.aspx>
17. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. النظام الأساسي لتسوية النزاعات.
[Основной устав по урегулированию конфликтных ситуаций ССАГПЗ].
URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/746f3ff2-0c3a-4b60-aac2-a9a700f1c4e8/1?csrt=12901682592900451481#!>
18. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. النظام الأساسي للمجلس الأعلى.
[Устав Высшего совета ССАГПЗ].
URL: <https://gcc-sg.org/ar/AboutUs/Pages/PrimaryLaw.aspx>
19. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. النظام الأساسي لمجلس الوزراء.
[Устав министерского совета ССАГПЗ].
URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/d93b5ced-1adb-494d-85fd-a9a700f1e817/1#!>
20. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. النظام الأساسي.
[Устав ССАГПЗ].
URL: <https://www.gcc-sg.org/ar>
21. محمد السادس، ملك المغرب. النص الكامل لخطاب الملك بمناسبة الذكرى الـ39 للمسيرة الخضراء.
// Morocco World News، 6 نوفمبر 2014.
[Полный текст речи короля Мохаммеда VI к 39-й годовщине Зеленого марша].
URL: <https://www.collectivites-territoriales.gov.ma/ar/khtb-wrsayl-mlkyt/ns-alkhtab-almky-alsamy-aldhy-alqah-sahb-aljlt-almk-mhmd-alsads-bmnasbt>

22. 1991، النشر دار :موسكو – (1958–1990) والمواد الوثائق في العربي المغرب وحدة مشكلة.
[Проблемы единства Магриба. Документы и материалы (1958–1990). – М.: Изд-во, 1991].
23. 2002. مملكة البحرين. دستور مملكة البحرين.
[Конституция Королевства Бахрейн, 2002 г.].
URL:
<https://www.lloc.gov.bh/page/%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1%20%D9%85%D9%85%D9%84%D9%83%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%AD%D8%B1%D9%8A%D9%86>
24. بتاريخ 29 UOS وزارة الشؤون الخارجية المغربية. وثيقة استراتيجية للمغرب – إصدار مكتب الرباط، 2015، الرباط.
[Стратегический документ для Марокко. 29 мая 2015, Рабат].
إعلان الرياض الصادر عن القمة الخليجية المغربية (20 أبريل 2016)

Делопроизводственные источники

1. Déclaration Finale du 1er Sommet Maroc-CCG (الختامي البيان). Riyad, 20 avril 2016.
URL: <https://diplomatie.ma/fr/le-ccg-r%C3%A9it%C3%A8re-ses-d%C3%A9cisions-et-ses-positions-constantes-en-faveur-de-la-marocanit%C3%A9-du-sahara>
2. Discours de SM le Roi Mohammed VI au Sommet Maroc-CCG. Riyad, 20 avril 2016.
URL: <https://www.maroc.ma/fr/discours-messages-royaux/discours-royaux>
3. GCC Supreme Council. Final Communiqué of the 42nd GCC Summit (Riyadh, Dec 14, 2021). Riyadh, 14.12.2021.
URL: <https://www.spa.gov.sa/2312827>
4. Ministère des Affaires Étrangères du Maroc. Communiqué : « M. Nasser Bourita s'entretient avec le Secrétaire Général du CCG ». 26 janvier 2022.
URL: <https://diplomatie.ma/fr/m-nasser-bourita-sentretient-avec-le-secr%C3%A9taire-g%C3%A9n%C3%A9ral-du-ccg>
5. Ministry of Foreign Affairs of Morocco. Press Release: “MFA Nasser Bourita Holds Talks with GCC Secretary-General”. 26 Jan 2022.
URL: <https://guardian.ng/apo-press-releases/mfa-nasser-bourita-holds-talks-with-gcc-secretary-general/>
6. US Department of State. Joint Statement on Morocco-GCC Strategic Partnership. Washington, 2016.
URL: <https://2021-2025.state.gov/joint-statement-following-the-ministerial-meeting-of-the-united-states-and-the-gulf-cooperation-council-gcc-3/>
7. (2016 أبريل 20، الرياض) المغربية الخليجية للقمة المشترك الختامي البيان
[Совместное итоговое коммюнике по итогам саммита ССАГПЗ–Марокко (Эр-Рияд, 20.04.2016)]. Эр-Рияд, 20 апреля 2016 г.
URL: <https://www.aletihad.ae>

8. اتحاد المغرب العربي. جمع الوثائق. – تونس: 2000.
[Союз Арабского Магриба. Сборник документов. – Тунис, 2000].
9. المغرب. الاستراتيجية الوطنية للبحث العلمي في أفق 2025. – الرباط: 2015.
[Национальная стратегия научных исследований до 2025 года. – Рабат, 2015].
URL: <https://www.enssup.gov.ma/ar/systeme-national-de-recherche-et-d-innovation-snri>

Статистические источники

10. Banque Al-Maghrib. Rapport Annuel 2020 – Exercice 2019.
Rabat: BAM, 2020. – 327 p.
URL: <https://marocpme.gov.ma/wp-content/uploads/2023/08/Rapport-annuel-de-Bank-Al-Maghrib-Exercice-2020.pdf>
11. GCC Statistical Center. Foreign Trade between GCC Countries and Morocco – 2019.
Muscat: GCC-Stat, 2020. – 50 p.
URL: <https://gccstat.org/en/?view=article&id=417:foreign-trade-statistics-2&catid=39>
12. Haut-Commissariat au Plan (HCP). Note d'information – Indicateurs économiques du Maroc 2021.
Rabat: HCP, 2022. – 15 p.
URL: <https://www.hcp.ma/>
13. IMF. Morocco: 2022 Article IV Consultation Report.
IMF Country Report No.22/7. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022. – 80 p.
URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/01/23/Morocco-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-528514>
14. Ministère de l'Économie et des Finances. Rapport Économique et Financier 2020.
Rabat: MEF Maroc, 2020. – 276 p.
URL: https://www.finances.gov.ma/Publication/db/2022/03-%20Rapport%20%C3%A9conomique%20et%20financier_Fr.pdf
15. United Nations. Human Development Report 2020 – The Next Frontier.
New York: UNDP, 2020. – 412 p.
URL: <https://www.refworld.org/docid/5fdb88294.html>
16. World Bank. Morocco Economic Monitor – Spring 2021.
Washington, DC: World Bank, 2021. – 36 p.
URL: <https://www.worldbank.org/en/country/morocco>
17. التقرير السنوي لبنك المغرب 2018
[Ежегодный отчет Банка Марокко за 2018 г.]. Рабат: بنك المغرب (Bank Al-Maghrib), 2019. – 286 ص.
18. المندوبية السامية للتخطيط. إحصائيات المغرب 2019
[Статистические данные Марокко за 2019 г.]. Рабат: Haut-Commissariat au Plan, 2020. – 245 ص.

19. صندوق النقد العربي. التقرير الاقتصادي العربي الموحد 2020. [Объединенный арабский экономический отчет 2020 г.]. Абу-Даби: صندوق النقد العربي (Arab Monetary Fund), 2021. – 391 с.

Публицистические источники

20. UAE Ministry of Defence. Ministry of Defence announces launch of Joint Emirates // Emirates News Agency. 2024. URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrdwhc-ministry-defence-announces-launch-joint-emirates>
21. Sputnik. Twenty years on: A look back at the Casablanca bombings of 2003. Sputnik News. May 16, 2023. URL: <https://en.sputniknews.africa/20230516/twenty-years-on-a-look-back-at-the-casablanca-bombings-of-2003-1059224084.html>
22. Russia and Saudi Arabia strengthen nuclear cooperation. Nuclear Engineering International. URL: <https://www.neimagazine.com/news/russia-and-saudi-arabia-strengthen-nuclear-cooperation-6004239/>
23. للهجرة تفاعلية خريطة: والتنمية الهجرة. المغرب. [Марокко. Миграция и развитие: интерактивная карта]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2024-028-r-wmr2024_arabic.pdf
24. (الرباط، 2016) الصحراء حول المغربية والتعاون الخارجية الشؤون وزارة تصريح. [Заявление МИД Марокко по Сахаре (Рабат, 2016)]. Рабат, 2016. URL: <https://news.un.org/ar/story/2016/09/260932>
25. خطاب جلالة الملك محمد السادس في القمة المغربية الخليجية (الرياض، 20/4/2016). [Речь Короля Мухаммеда VI на саммите Марокко–ССАГПЗ (Эр-Рияд, 20.04.2016)]. Эр-Рияд, 20 апреля 2016 г. URL: <https://www.ires.ma/sites/default/files/2022-12/D-20-04-2016-ar.pdf>
26. كلمة صاحب السمو الملكي الأمير محمد بن سلمان في التحالف الإسلامي (الرياض، 2015). [Выступление принца Мухаммеда бен Салмана об Исламской коалиции]. Эр-Рияд, 15.12.2015. URL: <https://www.spa.gov.sa/1674377>
27. المملكة المغربية. وزارة الشؤون الخارجية والتعاون. بانوراما سياسية في المغرب. – الرباط: 2008. وزارة الشؤون الخارجية، 2008. [Политическая панорама Марокко. – Рабат, 2008].
28. الجزيرة نت. قادة الخليج يدعمون المغرب بملف الصحراء. [Главы стран Залива поддерживают Марокко по вопросу Сахары]. 21.04.2016.

URL:

<https://www.aljazeera.net/news/2016/4/21/%D8%A7%D9%84%D9%82%D9%85%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-%D8%AA%D8%AF%D8%B9%D9%85-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B7>

29. استراتيجية شراكة: الخليجي التعاون ومجلس المغرب. الجديد العربي. ظرفي؟ تحالف أم

[Марокко и ССАГПЗ: стратегическое партнерство или ситуативный альянс?]. 05.06.2019.

URL:

<https://www.alaraby.co.uk/politics/%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8-%D9%8A%D8%B9%D9%84%D9%86-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B9%D8%AF%D8%A7%D8%AF%D9%87-%D9%84%D8%AA%D8%B7%D9%88%D9%8A%D8%B1-%D8%B4%D8%B1%D8%A7%D9%83%D8%AA%D9%87-%D9%85%D8%B9-%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC>

30. الشرق الأوسط. السعودية والمغرب يوقعان اتفاقيتين للتعاون المشترك.

[Саудовская Аравия и Марокко подписали два соглашения о сотрудничестве]. 06.03.2023.

URL:

<https://justice.gov.ma/2024/11/13/%D8%A8%D9%84%D8%A7%D8%BA-%D8%B5%D8%AD%D9%81%D9%8A-%D8%AA%D9%88%D9%82%D9%8A%D8%B9-%D8%A7%D8%AA%D9%81%D8%A7%D9%82%D9%8A%D8%A7%D8%AA-%D8%A8%D9%8A%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%85%D9%84%D9%83%D8%A9-%D8%A7/>

31. المغربية الخليجية للقمة الختامي البيان نص – موحد إستراتيجي كتكتل تشكيل. القطرية العرب.

[Формирование единого стратегического блока – текст итогового заявления саммита]. 21.04.2016.

URL: <https://al-sharq.com/article/21/04/2016/%D8%AA%D8%B4%D9%83%D9%8A%D9%84-%D8%AA%D9%83%D8%AA%D9%84-%D8%A5%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%D9%8A%D8%AC%D9%8A-%D9%85%D9%88%D8%AD%D8%AF-%D9%86%D8%B5-%D8%A7%D9%84%D8%A8%D9%8A%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%AA%D8%A7%D9%85%D9%8A-%D9%84%D9%84%D9%82%D9%85%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8>

- %A9-
%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9
32. التوتر وأسباب سياقات: الخليجية-المغربية العلاقات. للدراسات الجزيرة.
[Отношения между Марокко и странами ССАГПЗ: контексты и причины напряженности]. 01.11.2020.
URL:
<https://lubab.aljazeera.net/article/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D9%82%D8%A7%D8%AA-%D9%88%D8%A3/>
33. الخليجي؟ التعاون مجلس إلى الانضمام المغرب يريد لماذا. المغربية الوطن.
[Почему Марокко хочет присоединиться к ССАГПЗ?]. 15.08.2011. –
URL: <https://www.hespress.com/%D8%B6%D9%85%D9%91%D9%8F-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8-%D8%A5%D9%84%D9%89-%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D8%A7%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC%D9%8A-%D9%83-110436.html>
34. BBC Arabic. لماذا عرض مجلس التعاون انضمام المغرب والأردن؟
[Почему ССАГПЗ предложил присоединиться Марокко и Иордании?]. 26.05.2011.
URL:
<https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2011/201192117205234853.html>
35. القدس العربي. المغرب والخليج: تحالف الملوك والجمهوريات.
[Марокко и Залив: альянс монархических и республиканских режимов]. 10.06.2012.
URL:
<https://www.alquds.co.uk/%EF%BB%BF%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8-%D8%AD%D9%84%D9%8A%D9%81-%D9%88%D8%B4%D8%B1%D9%8A%D9%83-%D9%88%D9%84%D9%83%D9%86-%D8%AF%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%86%D8%B6%D9%85%D8%A7%D9%85-%D8%A5%D9%84/>
36. Carnegie Endowment. Morocco: What a GCC Membership Would Mean for the Economy. 28.09.2011. –
URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2011/06/morocco-what-a-gcc-membership-would-mean-for-the-economy?lang=en>
37. The Economist. Gulf countries are becoming major players in Africa. 19.05.2011.

- URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2024/03/13/gulf-countries-are-becoming-major-players-in-africa>
38. Al Jazeera English. Jordan protesters: 'Gulf money won't help'. 20.12.2011.
URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2018/6/11/jordan-protesters-gulf-money-wont-help>
39. CSIS. Maghreb Neutrality: Maghreb–Gulf Ties Since the GCC Split. 23.07.2018. –
URL: <https://www.csis.org/analysis/maghreb-neutrality-maghreb-gulf-arab-ties-gcc-split>
40. Reuters. Gulf states court cash-strapped Morocco with investment. 10.05.2011. –
URL: <https://www.reuters.com/article/markets/commodities/gulf-states-court-cash-strapped-morocco-with-investment-idUSL5E7MO461/>
41. Brookings Doha Center. The GCC and Morocco: A Gradual Partnership. 2012.
URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-new-security-strategy-but-not-necessarily-a-new-gulf-cooperation-council/>
42. The National (UAE). Morocco's strategic importance to the Gulf. 02.05.2016.
URL: https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2018/05/KSP_Paper_Award_Fall_2014_ROUSSELET_Leli_a.pdf
43. Jeune Afrique. Pourquoi le Maroc veut rejoindre le CCG [Почему Марокко хочет присоединиться к ССАГПЗ]. 25.05.2011. –
URL: <https://www.jeuneafrique.com/319794/politique/maroc-a-riyad-mohammed-vi-scelle-alliance-rois-golfe/>
44. RFI. Le Maroc et la Jordanie aux portes du CCG [Марокко и Иордания у дверей ССАГПЗ]. 09.09.2011.
URL: <https://www.france24.com/fr/20110510-maroc-jordanie-candidats-conseil-cooperation-golfe-arabie-saoudite>
45. Agence MAP. Le Conseil de Coopération du Golfe réaffirme son soutien à la marocanité du Sahara. 15.12.2021.
URL: <https://fr.hespress.com/399094-le-conseil-de-cooperation-du-golfe-reaffirme-son-soutien-a-la-marocanite-du-sahara.html>
46. Le Matin. L'Arabie Saoudite appuie le partenariat stratégique Maroc-CCG. 08.04.2016.
URL: <https://www.finances.gov.ma/fr/Pages/detail-actualite.aspx?fiche=1865>
47. Defence Nationale (RDN). Le Maroc et la proposition d'adhésion au CCG Revue n748, mars 2012, p.117-123.
URL: <https://www.defnat.com/e-RDN/vue-article.php?carticle=9373>
48. Institute français des relations internationales (IFRI). Le Conseil de Coopération du Golfe au Maghreb : échange et stratégies d'investissement. Note IFRI, juin 2010.

- URL: <https://www.ifri.org/fr/notes/le-conseil-de-cooperation-du-golfe-au-maghreb-echange-et-strategies-dinvestissement>
49. MAP Express. Sommet Maroc-CCG: communiqué final. 21.04.2016.
URL: <https://www.mapexpress.ma/actualite/opinions-et-debats/le-dernier-sommet-maroc-ccg-une-etape-remarquable-dans-le-processus-dedification-dune-coalition-arabe-strategique/>
50. L'Opinion. Relations Maroc-Pays du Golfe: un partenariat solide face aux défis. 02.03.2020.
URL: <https://books.openedition.org/cjb/1086>
51. Arab News. GCC, Morocco ties enter a new era. 13.10.2013.
URL: <https://www.arabnews.com/news/467608>
52. Основные этапы конфликта в Йемене / ТАСС. 2017.04.12. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2598135>
53. Перевороты в Буркина-Фасо. // ТАСС. 2022. 2 октября. URL: <https://tass.ru/info/15927957>

Литература

На русском языке:

1. Абылгазиев И.И., Васецова Е.С., Егоров И.С. Роль информационной войны в гибридном конфликте между государством Катар и королевством Саудовская Аравия // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. 2023. Т. 45, № 1. С. 58-72.
2. Аваков Р. М. Марокко от протектората к независимости. - М., 1961. 97 с.
3. Андреасян Р.Н. Нефть и арабские страны в 1973-1983 гг. М., 1990. 256 с.
4. Андреасян Р.Н.. Арабские страны: История, экономика, политика. М.:Наука, 1986, 278 с.
5. Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. Москва: ИВ РАН, 2012. С. 72–91.

6. Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н. Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1998. 130 с.
7. Барабанов О.Н. Катар как ревизионистская держава: идеология политического ваххабизма // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 3.07.2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/katar-revizionistskaya-derzhava/>
8. Баранов К. Е. Политика Фронта ПОЛИСАРИО: борьба за независимость Западной Сахары. Санкт-Петербург: Научная книга, 2021. С. 56.
9. Барышев А.П. Ближний Восток: проблемы мира на рубеже 80-х гг., М. Знание, 1979, 64 с.
10. Белов В.И., Савичева Е.М. Ближний Восток - от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности / В.И. Белов, Е.М. Савичева. М.: РУДН, 2021. С. 137-155.
11. Белов В.И., Савичева Е.М. Мегатренды регионального развития и «кризисные» страны Большого Ближнего Востока / В.И. Белов, Е.М. Савичева // Вопросы истории. 2021. № 11-1. С. 220-229.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: «Международные отношения», 1999. 189 с.
13. Бодянский В.Л., Герасимов О.Г., Медведко Л.И. Княжества Персидского залива, М.: Мысль, 1970, 127 с.
14. Наумкин В.В., Д.Б. Мальшева. Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН, 2015. С. 87.
15. Вартамян А. М. Иран и Саудовская Аравия: узел интересов и противоречий, 2006. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4500>
16. Васильев А.М. История Саудовской Аравии /1745-1973/, М.: Наука, 1982, 611с.
17. Васильев А.М. Персидский залив в эпицентре бури, М. Политиздат, 1983, 228с.
18. Васильев А.М. Факелы Персидского залива, М. Политиздат, 1976, 174с.

- 19.Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. М.: Алгоритм. 2012. 304 с.
- 20.Возжеников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: «Модуль», - 2000. 268 с.
- 21.Володина М.А. Роль этнического фактора в процессе политической трансформации Северной Африки // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. - 2016. № 1(7). С. 149 - 171.
- 22.Володина Н. Ю. Модернизация в Северной Африке: вызовы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 4. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2019/11_VOLODINA.pdf
- 23.Герасимов О.Г. Оман, М.:Мысль, 1975, 48с.
- 24.Герасимов О.Г. Саудовская Аравия, М.:Мысль, 1977, 72с.
- 25.Герасимов О.Г. Саудовская Аравия: из средневековья в XX век, М.: Знание, 1978, 63с.
- 26.Глазунов О. Н., Савченко А. Л. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока // Общество: политика, экономика, право. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-prioritety-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka>
- 27.Гукасян Г.Л., Политика модернизации Объединенных Арабских Эмиратов // Ближний Восток и современность, выпуск 46, М., 2012. 423 с.
- 28.Давыдов А. А. Арабские революции 2011 г.: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. // Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ. 2012. 464 с.
- 29.Дегтерев Д.А. Западноафриканская «восьмерка» набирает обороты // Азия и Африка сегодня. 2003. № 12. С. 28-31.

30. Дегтерев Д.А. Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. №1. С. 67-68.
31. Дегтерев Д.А., Белякова Е.А. Современные технологии анализа международных конфликтов // Обозреватель. 2013. № 1. С. 80-87.
32. Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI веке // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 9-23.
33. Дегтерев Д.А. Субъекты международных конфликтов нового поколения: атрибуты, иерархия, особенности моделирования // Власть. 2017. № 1. С. 117-125.
34. Дербенев А.С. Катар: в тисках региональных проблем // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. - М.: МИГУ, 2019. С. 95-107.
35. Долгов Б.В. Феномен Арабской весны 2011-2016 гг. Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. Едиториал УРСС, 2020. С. 162.
36. Долгов Б.В. Исламистское движение и арабский кризис в контексте современных тенденций общественного развития/Восток. Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН. М.: 2019. С. 115-126;
37. Долгов Б.В. Исламистский фактор в контексте глобальных тенденций общественного развития/Исламистские движения на политической карте современного мира. Выпуск 3. Афразийская зона нестабильности – М.: Институт Африки РАН, 2018. ISBN 978-5-91298-219-4. С.73-80.
38. Долгов Б.В. Арабская весна: новые тенденции//Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – С.86-100

39. Долгов Б.В. Сирийский кризис (2011-2021): развитие конфликта // Исламоведение. 2021. Т.12, №3. С.5-21.
40. Долгов Б.В. Новый этап глобализации и сирийский кризис // Православный палестинский сборник. Выпуск 119 М.: Индрик, 2021 С.323-335.
41. Долгов Б.В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М.:2021. Т. 14, № 3 С. 147–160.
42. Долгов Б.В. Кризис в Арабском мире и политический ислам. "Азия и Африка сегодня". М.:2020 г., № 6. С.15-18.
43. Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность. // Иран во втором десятилетии XX века: вызовы и перспективы. / Под редакцией Мамедовой Н.М., Каменевой М.С., Федоровой И.Е. М.:ИВ РАН; Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 52-57.
44. Егоров И.С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2019. №2 4. С. 257-263.
45. Егоров И.С. Прогресс в нормализации отношений между Катаром и арабской четверкой во главе с Саудовской Аравией: причины и перспективы // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 2 (66). С. 522-531.
46. Жерлицына Н. А. Северная Африка под прицелом терроризма // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 9 (710). С. 6–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27248556>
47. Жерлицына Н. А. Марокко: «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 59 – 65;
48. Жерлицына, Н. А. Васильев. А. М. Интернет-революции или просто фитнес. К десятилетию Арабской весны. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 529-542.

- 49.Звягельская И.Д. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. Современные международные отношения и мировая политика. М., 2004. 149 с.
- 50.Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 93-103.
- 51.Звягельская И.Д., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Ближний Восток в условиях «негативной определенности» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 94-103.
- 52.Зеленев Е. И., Озеров О. Исламский фактор на Ближнем Востоке и в Северной Африке: феномен «реисламизации» // Международная жизнь. 2019. С. 60–73. URL: <https://publications.hse.ru/articles/325548706>
- 53.Зинин Ю.Н. Отношения Ирана и арабских стран Персидского залива: некоторые аспекты. Международная аналитика. 2016; (4): С. 46-55.
- 54.Идахоса С.О., Савичева Е.М., Ихидеро С.А., Адебайо К.М. Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. 23 (01). С. 67-87.
- 55.Исаев В.А., Озолинг В.В. Катар. Объединенные Арабские Эмираты, М.:Мысль, 1984, 116 с.
- 56.Исаев В.А., Филоник А.О. Катар. Три столпа роста. М.: ИВ РАН, 2015. С.67.
- 57.Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. 22 (02). С. 411-421.
- 58.Ковтунов А. Г. Проблема Западной Сахары как фактор нестабильности в арабском мире.// Актуальные проблемы Ближнего Востока. М.: ИИИиБВ, - 1998. С. 45-58.

59. Косач Г.Г., Мелкумян Е. С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. — М.: ИИИиБВ, 2003. 140 с.
60. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 39-69.
61. Крючков И.В. Внешняя политика Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в начале XXI века. Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т.22.№3. 49-57 с.
62. Куделев В.В. Армия и власть в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). - Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 13.- М., 2002.
63. Куделев В.В. Терракты в Касабланке - новое доказательство радикализации исламистского движения в Марокко? // Терроризм. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. С. 46.
64. Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 3. С. 6-23.
65. Малик О. Безопасность в Персидском заливе: курс на региональную независимость? // РСМД. 2022. 04.02. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/bezopasnost-v-persidskom-zalive-kurs-na-regionalnuyu-nezavisi-most/>
66. Мальцев Ю. С. Страны Магриба в региональной и мировой политике. - М., 1994. 190 с.
67. Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М:1997.С.16.
68. Манойло А.В. Политическая модернизация системы международных отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке (на примере

- "фининовых революций"). - Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2012. - № 6. С. 141-154.
- 69.Манойло А.В. Революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса. - «Мир и политика» - 2011. - № 9. С. 109-114.
- 70.Махмутова М.И. Специфика внутривосточного развития Мавритании в период правления Мохаммеда ульд Абдель Азиза (2009-2019 гг.). Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. № 4. С. 607-621.
- 71.Махмутова М.И. Положение Западной Сахары под управлением Марокко. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 170-186.
- 72.Махмутова М.И. Специфика Фронта ПОЛИСАРИО как негосударственного актора. Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 149-158.
- 73.Махмутова М.И. Вызовы марокканской экономике в период пандемии. Азия и Африка сегодня. 2021. № 8. С. 62-66.
- 74.Махмутова М.И. "Сахельская пятерка": институты, финансирование, международное сотрудничество. Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 187-205.
- 75.Махмутова М.И. Политическая активность мавританских Братьев-мусульман. Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2021. № 3. С. 125-136.
- 76.Махмутова М.И. Марокканская стратегия «Юг – Юг»: развитие экономического партнёрства и решение проблемы Западной Сахары. Проблемы национальной стратегии. 2022. № 5 (74). С. 168–185.
- 77.Махмутова М.И. Взлет и падение политического ислама в Марокко. Перспективы процессов дестабилизации на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Сахеле и на Африканском Роге: материалы

- конференции. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2021. С. 96-98.
- 78.Медведко Л. И. Россия и Ближний Восток: сто лет в сопряжении войны и мира // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности (сборник статей). М.: ИИИиБВ, 2000. 208 с. URL: <http://book.iimes.su/?p=4647>
- 79.Медушевский Н. А., Вишняков М. Д. Опыт Алжира и Марокко в борьбе с радикальными группировками на примере Исламского государства³⁵⁰ (деятельность организации запрещена на территории России) и Аль-Каиды³⁵¹ (деятельность организации запрещена на территории России) // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 12А. С. 26–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67315779>
- 80.Мелкумян Е. С. Регион Персидского залива в мировой политике: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 87
- 81.Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX - начале XXI в. М.: Фонд русско-арабских исследований и информации; ИВ РАН, 2016. С. 17.
- 82.Мелкумян Е.С. Кувейт в 2000-е годы: внутривосточное развитие и внешняя политика / Е.С. Мелкумян. М.: Институт Ближнего Востока, 2014. 112 с.
- 83.Мелкумян Е.С. Кувейт в 60-80-е годы: социально-политические процессы и внешняя политика. - М., 1989. 317 с.
- 84.Мелкумян Е.С.Новейшая история Кувейта.М.:Аспект Пресс, 2011.190 с.
- 85.Мелкумян Е.С. Политические реформы в арабских странах: принципы и ценностные ориентации // Восток. - 2006. - №6. - С. 117-122.
- 86.Мелкумян Е.С. Проблема ядерного нераспространения на примере региона Персидского залива // Вестник РГГУ. - 2009. №13. - С. 55-72.

---

³⁵⁰ Запрещенная в России террористическая организация

³⁵¹ Запрещенная в России террористическая организация

- 87.Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество / Е.С. Мелкумян. М.: ИВ РАН, 2008. 284 с.
- 88.Мелкумян Е.С. Региональные организации и глобализация системы международных отношений. - Региональные организации. Современные тенденции развития. - М., 2003. С. 60-70.
- 89.Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: концептуальные основы обеспечения безопасности // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Отв. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшваннй. - Иваново, 2013. С.67-87.
- 90.Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. № 1. С. 108-137.
- 91.Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах". -М: ИИИиБВ, 1999 г. 98 с.
- 92.Мирасраров М.П., Ахметкаримов Б.Г. Военно-политическая конкуренция Ирана и Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в современных условиях. Казанский вестник молодых ученых. 2020. Том 4. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskaya-konkurentsiya-irana-i-saudovskoy-aravii-na-blizhnem-vostoke-v-sovremennyh-usloviyah>
- 93.Надеин-Раевский В. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-turtsii-na-blizhnem-vostoke>
- 94.Подгорнова Н.П. Проблема Западной Сахары: миф и реальности, М: РАН, 2016. 116 с.
- 95.Пономаренко Л.В. Король Марокко Мухаммед VI: традиции и инновации. // Африка: новый портал глобализации. Ежегодник, 2012. С. 73-83.

96. Пономаренко Л.В., Гранова М.Ю. Король Марокко Хасан II: приоритеты внутренней и внешней политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». - 2002. - № 1. С. 71-82.
97. Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Королевство Марокко жемчужина арабского Запада. М., 2013. 232 с.
98. Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. Внешнеполитические приоритеты Королевства Марокко // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2014. № 1. С. 71 - 82.
99. Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. Исламский фактор во внутренней политике Марокко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2013. №2 1. С. 67-81.
100. Примаков Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006. 423 с.
101. Примаков Е.М. История одного сговора. Ближневосточная политика США в 70-е - начале 80-х годов. М.: Политиздат, 1985. 319 с.
102. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века). М.: Центрполиграф, 2016. 421 с.
103. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002. 371 с.
104. Примаков, Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков. М., 2006. 423 с.
105. Русинов Р. Вооруженные силы Объединенных Арабских Эмиратов. //ЗВО, 1992, №12, с. 16.
106. Русинов Р. Вооруженные силы Омана. //ЗВО, 1992, №11, с.22.
107. Русинов Р. Вооруженные силы Саудовской Аравии. //ЗВО, 1994, №1, с.9-11.
108. Рыжов И.В. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Е.М. Савичева //

- Вестник Марийского Востока. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Т. 7. № 1. 2021. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-problemy-regionalnoy-bezopasnosti-na-blizhnem-vostoke/pdf>
109. Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций. //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2014. № 3. С. 14-21.
110. Сапронова М.А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001. 81 с.
111. Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах. М., 2001. 140 с.
112. Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М., 2000. 356 с.
113. Смирнов И. ВМС стран Персидского залива. //ЗВО, 1995, №9, с.48-51.
114. Смирнова Г.И. Экономические связи стран Союза Арабского Магриба с Европейским Союзом. Арабский Восток: Ислам и реформы. М., 2000. 258 с.
115. Тюкаева Т.И. Внешнеполитическая идентичность ОАЭ: авторитаризм, космополитизм, «взаимосвязанность» / Т.И.Тюкаева // Международная аналитика. 2024. Т. 15. №1. С. 136-153.
116. Тюкаева Т.И. Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нем / Т.И.Тюкаева // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №5. С. 49-60.
117. Тюкаева Т.И. Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии / Т.И.Тюкаева // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №10. С. 94-107.
118. Фаязова С.С. Марокко и США: к вопросу двусторонних отношений во второй половине XX века // Известия Российского

- государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С. 23-34.
119. Фаязова С.С. Независимое Марокко в современной российской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Филология. Востоковедение. Журналистика». 2008. № 3-2. С. 45-56.
120. Филиппов В. Р. Война в Мали: тень Елисейского дворца // Международная жизнь. 2013. № 4. С. 36–56. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/848>
121. Чикризова О.С. К вопросу о методологии изучения суннитско-шиитских взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 74-82.
122. Чикризова О.С., Сошникова Е.О. Роль Франции в формировании государственных границ на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 61 - 74.
123. Шкваря Л. В. Преобразования в арабских странах ССАГПЗ и некоторые их результаты в XXI веке // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 7 (79). С. 51
124. Шумилин А. И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015. 336 с.
125. Щегловин Ю.Б. О действиях Саудовской Аравии на сирийском направлении / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

На иностранных языках:

126. Aeschmann E. Boltanski C. Chirac d'Arabie. Les mirages d'une politique française. P., 2006.

127. Ahmed Jamal Ali, and Asaad Al-Saleh. "The Challenges of Our Yemeni Revolution." *Voices of the Arab Spring: Personal Stories from the Arab Revolutions*, Columbia University Press, 2015, pp. 190-197.
128. Alaoui, M. *Le Maroc et les pays du Golfe: Histoire d'une relation privilégiée*. Casablanca: La Croisée des Chemins, 2020. 210 p.
129. Al-Atiki, S. *Turkey-GCC relations. Trends and outlook* / S. Al-Atiki, E. Qalişkan, C. Long. Istanbul: UIP-ICP, 201. P. 55-65.
130. Allioua, M. *Le partenariat Maroc-pays du Golfe: une nouvelle géopolitique Sud-Sud // Revue Marocaine de Sciences Politiques et Sociales*. – 2014. – N°8. – P. 33–50.
131. Ardemagni, E. *Emiratis, Saudis, Omanis: rising competition for the Yemen's Al Mahra* / E. Ardemagni URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2017/12/28/emiratis-omanis-saudis-the-rising-competition-for-yemens-al-mahra/>
132. Atlas, P. *The Quest for GCC Membership: Morocco and Jordan // Journal of Middle Eastern Geopolitics*. – 2012. – Vol.2, No.1. – P. 45–60.
133. Beau Nicolas et Graciet Catherine. *Quand le Maroc sera islamiste*. P.: La découverte, 2006. 76 p.
134. Bennis, A. *Le Maroc et la GCC: une alliance aux multiples facettes // L'Année du Maghreb*. – 2013. – No. IX. – P. 359–372.
135. Boutaleb Abdelhadi. *Un demi-siècle dans la politique*. Rabat : Manchourat El Zamen, 2002. 56 p.
136. Byman D. L., Wise J. R. *The Persian Gulf in the Coming Decade. Trends, Threats and Opportunities*. NY, 2002. 145 p.
137. Centre d'Études pour le Moyen-Orient (Paris). *Le Golfe et le Maghreb: vers une convergence stratégique?* Paris: CEMO, 2019. – 90 p.
138. Cockburn, P. *Libya in crisis: Rival militias position themselves for civil war as country disintegrates* / P. Cockburn URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/africa/libya-in-crisis-rival->

- militias-position-themselves-for-civil-war-as-country-teeters-on-brink-9399311.html
139. Edward Elgar *The Arab Spring: An Essay on Revolution and Constitutionalism*. Edward Elgar Publishing, Inc. Antoni Abat i Ninet and Mark Tushnet 2015. 296 p.
  140. El Fassi, A. *Le Maroc et le Moyen-Orient: entre solidarité arabe et réalpolitik // Annales de l'Université de Rabat*. – 2018. – Série Sciences Politiques, No.5. – P. 99–114.
  141. El Houdaigui, R. *Le partenariat stratégique Maroc-CCG: origines et perspectives*. Rabat: OCP Policy Center, 2015. – 34 p.
  142. Esmili H. *Statut, usage et rôle du français au Maroc // Une francophonie différentielle*. Paris, 1994. 235 p.
  143. Filiu J.-P. *From Deep State to Islamic State: The Arab Counter-Revolution and Its Jihadi Legacy*. London: Hurst & Company, 2015. 256 p.
  144. Gafiero, G. *Oman, stuck between Saudi Arabia and Iran / G. Gafiero*
URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/01/oman-saudi-arabia-iran-tension-execution-nimr-mediator#ixzz410bgMTc6>
  145. Giuseppe Tassone. *It Is Not Over Yet: The Arab Revolution between Culture and Political Economy // Arab Studies Quarterly / Published by: Pluto Journals, Vol. 37, No. 4 (Fall 2015), pp. 334-350*
  146. Hokayem E. *The Gulf states and Syria // United States Institute of Peace: PeaceBrief. 2017.* URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/134440/PB%20116.pdf>
  147. Houdigui, R. *Morocco and the GCC: Strategic Depth and Diversification*. Doha: Arab Center for Research & Policy Studies, 2014. – 10 p.
  148. *Ifriqiya, Revue Africaine. Monarchies du Golfe et Maroc: alliances royales // Ifriqiya*. – 2013. – Vol.10. – P. 77–85.

149. Institut Royal des Études Stratégiques (IRES). Les relations Maroc-Conseil de Coopération du Golfe: Bilan et perspectives. Rabat: IRES, 2012. – 55 p.
150. John L. Esposito, Tamara Sonn, John O. Voll, Islam and Democracy after the Arab Spring // Oxford University Press, 2015. - 304 pages.
151. Kausch, K. Pivoting towards the Gulf: Jordan and Morocco within the GCC // FRIDE Policy Brief. – No.118, 2012. – 4 p.
152. Koch, C. Elevated Relations: Morocco's Strategic Partnership with the GCC. Washington: Middle East Institute, 2013. – 12 p.
153. L'Observateur du Maroc. Dossier: Maroc-CCA (GCC) – Une amitié à toute épreuve. Déc. 2011. 247 p.
154. Maltzahn N. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. London, 2015. 236 p.
155. Mohammad, A. & Ellis, S. Redefining Alliances: Morocco's Foreign Policy toward the GCC. Abu Dhabi: Emirates Policy Center, 2018. – 22 p.
156. Revue "Diplomatie". Maroc-Golfe: un partenariat stratégique aux enjeux multiples. N°84, 2017. – P. 50–56.
157. Safran, J. The Political Economy of Moroccan-Gulf Relations // The Journal of North African Studies. – 2019. – Vol.24(3). – P. 380–397.
158. Storm, L. Morocco and the GCC: Between Atlantic and Arab // In: Foreign Policies of the GCC States. London: Bloomsbury, 2015. – P. 201–220.
159. Vaillé, J. Le Maroc et les monarchies du Golfe: convergence politique et enjeux économiques // Confluences Méditerranée. – 2012. – N°83. – P. 105–117.
160. Vermeren Pierre. Le Maroc de Mohammed VI. La transition inachevée. - P., 2009.
161. Vermeren, P. Le Maroc dans l'orbite du Golfe // Maghreb-Machrek. – 2013. – No.216. – P. 19–28.

162. Vermeren, P. Le Maroc en 100 questions. Paris: Tallandier, 2017. – 320 p.
163. Zaccara, L. GCC's Monarchical Solidarity: The Invitation of Jordan and Morocco // Gulf Affairs (OxGAPS). – 2016 (Summer). – P. 12–15.
164. Zeghal Malika. Les islamistes marocains. Le défi de la Monarchie. P., 2005.
165. التكامل الإقليمي في الوطن العربي: دراسة في النظرية والواقع عبد الله، يوسف حسين. القاهرة: مركز دراسات الوحدة العربية، 2002. – 288 ص –
[Абдулла, Юсуф Хусейн. Региональная интеграция в арабском мире: теория и реальность. Каир, 2002. – 288 с.]
166. زوين، حسن عبد الله.
الأمن الإقليمي العربي والخليجي في ظل المتغيرات الدولية
بيروت: مركز دراسات الخليج والجزيرة العربية، 2018. – 320 ص –
[Зуэйн, Хасан Абдулла. Арабская и региональная безопасность ССАГПЗ в условиях международных изменений. Бейрут, 2018. – 320 с.]
167. خليل، محمد عبد الرحمن.
السياسات الدفاعية لدول مجلس التعاون الخليجي
الرياض: معهد الدراسات الدبلوماسية، وزارة الخارجية السعودية، 2015. – 254 ص –
[Халиль, Мухаммад Абд аль-Рахман. Оборонная политика стран ССАГПЗ. Эр-Рияд, 2015. – 254 с.]
168. الحامد، محمد بن عبد الله.
التحديات الأمنية المعاصرة في منطقة الخليج العربي
الرياض: مركز الخليج للأبحاث، 2014. – 289 ص –
[Аль-Хамед, Мухаммад бин Абдулла. Современные вызовы безопасности в Персидском заливе. Эр-Рияд, 2014. – 289 с.]
169. المعموري، أحمد علي.
التعاون الأمني بين دول المغرب العربي ودول الخليج العربي: دراسة تحليلية
بغداد: جامعة بغداد، كلية العلوم السياسية، 2020. – 198 ص –
[Аль-Маамури, Ахмад Али. Аналитическое исследование безопасностного сотрудничества между странами Магриба и Залива. Багдад, 2020. – 198 с.]
170. زهران، نبيل.
السياسة الخارجية السعودية: دراسة في المكونات والأسس والآليات
الرياض: معهد الدراسات الدبلوماسية، وزارة الخارجية، 2011. – 264 ص –
[Захран, Набил. Внешняя политика Саудовской Аравии: компоненты, основы и механизмы. Рияд, 2011. – 264 с.]

171. الغويل، مصطفى.
العلاقات المغربية الخليجية: البعد السياسي والاقتصادي
– الرباط: منشورات جامعة محمد الخامس، 2019. – 231 ص –
[Аль-Гуэйл, Мустафа. Мароккано-заливские отношения: политический
и экономический аспекты. Рабат, 2019. – 231 с.]
172. الجابري، فهد عبد العزيز.
التعاون العسكري بين دول الخليج: التحديات والفرص
– الدمام: مركز الدراسات الأمنية، 2020. – 210 ص –
[Аль-Джабри, Фахд Абд аль-Азиз. Военное сотрудничество стран
Залива: вызовы и возможности. Даммам, 2020. – 210 с.]
173. هلال، محمد.
الإرهاب الدولي وأثره على أمن دول الخليج
– أبو ظبي: أكاديمية الإمارات للدراسات الاستراتيجية، 2017. – 175 ص –
[Хилаль, Мухаммад. Международный терроризм и его влияние на
безопасность стран Залива. Абу-Даби, 2017. – 175 с.]
174. الطرابلسي، عبد الحميد.
الأمن القومي العربي: التحولات الإقليمية والدولية
– تونس: المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات، 2021. – 312 ص –
[Ат-Тарабалси, Абдулхамид. Арабская национальная безопасность:
региональные и международные трансформации. Тунис, 2021. – 312 с.]
175. بن ساعو، عبد الحق.
الأمن الإقليمي في المغرب العربي: دراسة في المقاربات والسياسات
– الجزائر: منشورات جامعة الجزائر، 2018. – 306 ص –
[Бен Саау, Абд аль-Хакк. Региональная безопасность в Магрибе:
подходы и политики. Алжир, 2018. – 306 с.]
176. العطوي، عبد الله.
التكامل العربي بين الواقع والمأمول: رؤية استراتيجية
– بيروت: مركز دراسات الوحدة العربية، 2017. – 244 ص –
[Ат-Тауи, Абдулла. Арабская интеграция между реальностью и
ожиданиями: стратегическое видение. Бейрут, 2017. – 244 с.]
177. حمروش، عبد القادر.
السياسة الخارجية الجزائرية في ظل التحديات الأمنية الإقليمية
– الجزائر: دار الخلدونية، 2016. – 220 ص –
[Хамруш, Абдулкадир. Внешняя политика Алжира на фоне
региональных угроз безопасности. Алжир, 2016. – 220 с.]
178. عزي، محمد.
العلاقات الأمنية بين دول مجلس التعاون لدول الخليج العربية
– الرياض: مركز الخليج للأبحاث، 2015. – 215 ص –
[Аззи, Мухаммад. Отношения в сфере безопасности между странами
ССАГПЗ. Эр-Рияд, 2015. – 215 с.]

179. العريفي، عبد الله بن عبد العزيز.
السياسة الأمنية في دول الخليج العربي: التحديات والبدائل
– الدمام: جامعة الملك فهد للبترول والمعادن، 2019. – 278 ص
[Аль-Ариффи, Абдулла бин Абдулазиз. Политика безопасности в
странах Персидского залива: вызовы и альтернативы. Даммам, 2019. –
278 с.]
180. بركات، محمد عبد الله.
دور المنظمات الإقليمية في مواجهة الإرهاب في الشرق الأوسط
– عمان: دار وائل للنشر، 2014. – 193 ص
[Баркат, Мухаммад Абдулла. Роль региональных организаций в борьбе
с терроризмом на Ближнем Востоке. Амман, 2014. – 193 с.]
181. نصر، رانيا.
السياسات الأمنية لدول مجلس التعاون في ظل التهديدات الإقليمية
– الدوحة: المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات، 2020. – 265 ص
[Наसर, Рания. Политика стран ССАГПЗ в условиях региональных
угроз. Доха, 2020. – 265 с.]
182. الفيتوري، عبد الله.
مستقبل العلاقات الخليجية-المغربية: رؤية تحليلية
– الرباط: منشورات المعهد المغربي للعلاقات الدولية، 2019. – 208 ص
[Аль-Фитури, Абдулла. Будущее отношений Залива и Марокко:
аналитический взгляд. Рабат, 2019. – 208 с.]
183. الزهراني، ناصر.
التحديات الأمنية في منطقة الشرق الأوسط: دراسة في البيئة والتهديدات
– جدة: دار المنارة، 2018. – 230 ص
[Аз-Захрани, Насир. Проблемы безопасности на Ближнем Востоке:
среда и угрозы. Джидда, 2018. – 230 с.]
184. قنديل، حسن.
دور السياسة الخارجية الخليجية في إدارة الأزمات الإقليمية
– أبو ظبي: مركز الإمارات للدراسات، 2021. – 298 ص
[Кандиль, Хасан. Роль внешней политики стран Залива в управлении
региональными кризисами. Абу-Даби, 2021. – 298 с.]
185. السعيد، خيرى.
الأمن العربي والتحديات المعاصرة
– القاهرة: دار الفكر العربي، 2016. – 264 ص
[Аль-Саид, Хайри. Арабская безопасность и современные вызовы.
Каир, 2016. – 264 с.]
186. عاشور، نور الدين.
التعاون العربي في مجال مكافحة الإرهاب
– بيروت: مركز دراسات الشرق الأوسط، 2017. – 203 ص
[Ашур, Нур ад-Дин. Арабское сотрудничество в области борьбы с
терроризмом. Бейрут, 2017. – 203 с.]

187. الهلابي، سمير.
التحولات الجيوسياسية في الخليج العربي وتأثيرها على المغرب العربي
– تونس: دار ابن رشد، 2021. – 312 ص –
[Аль-Хиляби, Самир. Геополитические изменения в странах Залива и их влияние на Магриб. Тунис, 2021. – 312 с.]
188. البرازي، عماد.
دور مجلس التعاون في تحقيق الأمن الجماعي العربي
– الرياض: مركز الخليج للأبحاث، 2015. – 220 ص –
[Аль-Барази, Имад. Роль ССАГПЗ в обеспечении коллективной арабской безопасности. Рияд, 2015. – 220 с.]
189. عويس، فهد محمد.
التحالفات الإقليمية ومستقبل الأمن العربي
– أبو ظبي: مركز الإمارات للدراسات والبحوث الاستراتيجية، 2019. – 298 ص –
[Ауис, Фахд Мухаммад. Региональные альянсы и будущее арабской безопасности. Абу-Даби, 2019. – 298 с.]
190. سيف، أمينة.
المغرب والأمن في منطقة الساحل والصحراء
– الرباط: المعهد المغربي للدراسات الاستراتيجية، 2018. – 215 ص –
[Саиф, Амина. Марокко и безопасность в регионе Сахель и Сахара. Рабат, 2018. – 215 с.]
191. الخليفة، عبد العزيز.
أثر التدخلات الدولية على استقرار الخليج والمغرب العربي
– الكويت: جامعة الكويت، كلية العلوم السياسية، 2020. – 240 ص –
[Аль-Халифи, Абдул Азиз. Влияние международного вмешательства на стабильность стран Залива и Магриба. Кувейт, 2020. – 240 с.]
192. جابر، طلال حسين.
الأمن الجماعي في الوطن العربي: الإشكاليات وآفاق المستقبل
– بغداد: بيت الحكمة، 2016. – 282 ص –
[Джабир, Талал Хусейн. Коллективная безопасность в арабском мире: проблемы и перспективы. Багдад, 2016. – 282 с.]
193. بن خدة، عبد القادر.
الإرهاب في المغرب العربي: الجذور والآفاق
– الجزائر: دار الأمة، 2015. – 197 ص –
[Бен Хадда, Абд аль-Кадир. Терроризм в Магрибе: корни и перспективы. Алжир, 2015. – 197 с.]
194. العلوي، عبد الكريم.
التعاون العسكري العربي: الواقع والتحديات
– الرباط: دار النشر المغربية، 2020. – 236 ص –
[Аль-Алауи, Абд аль-Карим. Арабское военное сотрудничество: реальность и вызовы. Рабат, 2020. – 236 с.]

195. ياخيمي، محمد.
آفاق تسوية نزاع الصحراء الغربية بعد القذافي
– مركز الجزيرة للدراسات، 2015. – 36 ص //
[Яхими, Мухаммад. Перспективы урегулирования конфликта в
Западной Сахаре после Каддафи. Аль-Джазира, 2015. – 36 с.]

Интернет-ресурсы:

1. Arab Center for Research and Policy Studies (ACRPS)
<https://www.dohainstitute.org>
2. Brookings Doha Center (archive)
<https://www.brookings.edu>
3. Centre d'Études et de Recherches en Sciences Sociales (CERSS)
<http://www.cerss.org>
4. Centre d'Études et de Recherches Humanitaires et Sociales – Université
Chouaib Doukkali (El Jadida)
<https://www.ucd.ac.ma>
5. Centre de Recherches en Sciences Juridiques, Économiques et Sociales
URL: <http://www.crlinks.ma>
6. Doha International Center for Interfaith Dialogue (DICID)
<https://www.dicid.org>
7. Dubai Public Policy Research Centre (b'huth)
<https://www.bhuth.ae>
8. Emirates Center for Strategic Studies and Research (ECSSR)
<https://www.ecssr.ae>
9. Emirates Policy Center (EPC)
<https://epc.ae>
10. European Commission – DG Trade
URL: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateralrelations/regions/eur>
11. European Union
URL: <http://europa.eu.int>
12. Future Center for Advanced Research and Studies (FARAS)
<https://futureuae.com>
13. Institut Marocain des Relations Internationales
URL: <http://www.imri.ma>
14. Institut Royal des Études Stratégiques (IRES)
<http://www.ires.ma>
15. International Monetary Fund
URL: <http://www.imf.org/>
16. King Abdullah Petroleum Studies and Research Center (KAPSARC)
<https://www.kapsarc.org>

17. Ministère des Affaires Étrangères du Royaume du Maroc
URL: <https://www.diplomatie.ma>
18. Moroccan Institute for Policy Analysis (MIPA)
<https://mipa.institute>
19. Policy Center for the New South (anciennement OCP Policy Center)
<https://www.policycenter.ma>
20. Programme des Nations Unies pour le développement – Maroc
URL: <http://www.pnud.org.ma>
21. Qatar Foundation – Research, Development and Innovation (QF RDI)
<https://www.qf.org.qa>
22. Site des Nations Unies au Maroc
URL: <http://www.un.org.ma>
23. TRENDS Research & Advisory
<https://trendsresearch.org>
24. Официальный сайт Всемирного Банка
URL: <http://worldbank.ru>
25. Сайт Института Ближнего Востока (ИБВ)
URL: <http://www.iimes.ru>
26. الاتحاد المغربي
URL: <http://www.maghrebarabe.org>
27. البوابة الحكومية للمملكة العربية السعودية
[Государственный портал Саудовской Аравии]
URL: <https://www.saudi.gov.sa/>
28. البوابة الرسمية لدولة الكويت
[Единый государственный портал Кувейта]
URL: <https://www.e.gov.kw/>
29. البوابة الرسمية لسلطنة عمان
[Официальный государственный портал Омана]
URL: <https://www.oman.om/>
30. البوابة الوطنية للمملكة المغربية
[Сайт правительства Марокко]
URL: <http://www.maroc.ma/PortailInst/An/home>
31. البوابة الوطنية لمملكة البحرين
[Официальный государственный портал Бахрейна]
URL: <https://www.bahrain.bh/>
32. الجمعية الاقتصادية الكويتية
<https://www.kesoc.org>
[Кувейтское экономическое общество]
33. بوابة حكومة دولة الإمارات
[Портал правительства ОАЭ]
URL: <https://u.ae/>
34. بوابة حكومة دولة قطر
[Официальный государственный портал Катара]
URL: <https://portal.www.gov.qa/wps/portal>

35. دراسات - مركز البحرين للدراسات الاستراتيجية والدولية والطاقة.
<https://www.derasat.org.bh>
[Дерасат — Центр стратегических, международных и энергетических исследований Бахрейна]
36. رئيس الحكومة المغربية.
[Сайт премьер-министра Марокко]
URL: <http://www.pm.gov.ma>
37. مجلس التعاون لدول الخليج العربية.
[Официальный сайт Совета сотрудничества арабских государств Залива]
URL: <https://www.gcc-sg.org/>
38. مجلس النواب المغربي.
[Палата представителей Марокко]
URL: <http://www.parlement.ma>
39. مركز الدراسات الاستراتيجية - جامعة الملك عبدالعزيز.
<https://www.kau.edu.sa>
[Центр стратегических исследований при Университете им. короля Абдельазиза]
40. مركز الملك فيصل للبحوث والدراسات الإسلامية.
<https://www.kfcris.com>
[Центр короля Фейсала по исследованиям и исламским исследованиям]
41. معهد الأمير سعود الفيصل للدراسات الدبلوماسية.
<https://www.ids.gov.sa>
[Институт дипломатических исследований им. Сауда аль-Фейсала]
42. معهد الكويت للأبحاث العلمية.
<https://www.kisr.edu.kw>
[Кувейтский институт научных исследований]
43. مكتبة الكويت الوطنية - قسم البحوث.
<https://www.nlk.gov.kw>
[Национальная библиотека Кувейта – отдел исследований]
44. مؤسسة الكويت للتقدم العلمي.
<https://www.kfas.org>
[Кувейтский фонд содействия науке]
45. وحدة متابعة تنفيذ رؤية عمان 2040.
<https://www.oman2040.om>
[Управление по реализации Визии Оман 2040]
46. وزارة الخارجية - سلطنة عمان.
[Министерство иностранных дел Омана]
URL: <https://fm.gov.om/>
47. وزارة الخارجية السعودية.
[Министерство иностранных дел Саудовской Аравии]
URL: <https://www.mofa.gov.sa/>

48. وزارة الخارجية القطرية.

[Министерство иностранных дел Катара]

URL: <https://www.mofa.gov.qa/>

49. وزارة الخارجية الكويتية.

[Министерство иностранных дел Кувейта]

URL: <https://www.mofa.gov.kw/>

50. وزارة الخارجية والتعاون الدولي - دولة الإمارات العربية المتحدة.

[Министерство иностранных дел и международного сотрудничества
ОАЭ]

URL: <https://www.mofaic.gov.ae/>

51. وزارة الشباب والثقافة والتواصل - المغرب.

[Министерство культуры Марокко]

URL: <http://www.minculture.gov.ma/>

52. وزارة خارجية مملكة البحرين.

[Министерство иностранных дел Бахрейна]

URL: <https://www.mofa.gov.bh/>